

Этьен
Моро

Ловцы душ

Мистическое фэнтези

СамИздат

Древние легенды хранят в себе запретные знания о бессмертном ловце душ, извечном враге Рода людского. Его имя затерялось во тьме веков, проклятое и преданное забвению Храмом. Сохранилось лишь прозвище — Жнец, но и это прозвание не всякий осмелится произнести в полночную пору. Однако зло не дремлет, опутывая людей паутиной мрака, завлекая их к себе на службу, в неистовой надежде на победу, на торжество, предначертанное ветхим пророчеством, что сохранилось едва ли не с момента появления человечества на землях Сирта. Один человек, простой российский солдат, волей неведомых сил оказавшийся в ином мире, где назревает финальная битва между Светом и Тьмой. Чью сторону он примет в извечном противостоянии? И хватит ли у него сил исполнить предначертанное свыше?

По совету читателей и рецензента многое переработал. Приятного чтения!

В безмолвной тиши хвойного леса, окутанного непроглядной темнотой новолунной ночи, слышалось лишь далекое уханье филина. Стареющий месяц ушел на покой, а звезды скрылись за пеленой облаков, закрывавших небо от края до края. Во мраке смутно угадывались очертания раскидистых еловых лап, источающих терпкий смоляной аромат.

Внезапно раздался сначала приглушенный, а со временем становящийся все громче, треск сухих веток, застилающих землю. В пелене темноты упрямо шагал, едва волоча ноги, странный человек. Его тяжелое дыхание было хриплым и чуть свистящим, словно задыхаясь, он жадно втягивал тягучий лесной воздух. Лицо незнакомца было страшно обожжено, начисто лишённое бровей и ресниц, покрытое громадными волдырями ожогов, оно выглядело неживым и напоминало искусно сделанную маску. Его обугленная одежда, опаленная голова и лицо, изуродованные огнем руки, говорили об одном — человек, пробирающийся через лес, недавно сбежал из страшного пожара. А он шел все дальше, так, как будто неведомый компас указывал ему дорогу.

Наконец, изможденный незнакомец добрался до небольшой лесной поляны, в центре которой закрытая со всех сторон еловой стеной находилась каменная статуя, чуть выше человеческого роста. Изваяние представляло собой согбенную фигуру в удивительно мастерски высеченном балахоне, струящимся мраком ниспадающим к подножию. Лик объявшей костлявыми руками иззубренный обсидиановый серп статуи скрывался в глубине складок капюшона из темного камня, лишь пристальному взору являл свое устрашающее величие оскалившийся каменный череп, увенчанный замысловатой тиарой из вулканического стекла.

Обожженный человек приблизился вплотную к монументу, уперся в него головой и достал из-за пазухи нож. Сосредоточившись и вдохнув в последний раз, он громко, насколько ему позволяли сожженные огненным воздухом легкие, крикнул: «В твою славу, Саар-Хе!», и безжалостно, недрогнувшей рукой полоснул себя по горлу. Поток крови хлынул из рассеченных артерий, заливая каменное изваяние. Простояв несколько секунд, он соскользнул по статуе вниз, а хлещущая кровь залила мягкую, засыпанную хвоей, почву. Попавшая на изваяние эссенция жизни неожиданно впиталась в статую, которая стала чернее ночи. Темнота, исходящая от монумента, стала сгущаться перед лежащей жертвой, окутывая ее. Кровь, покинувшая тело, словно жидкая ртуть стала собираться в капли и возвращаться в иссушенные сосуды. Страшнейшие раны и ожоги незнакомца затягивались и исчезали бесследно. Его лицо преображалось, приобретая человеческие черты. А все сгущающаяся темнота полностью скрыла неприметную лесную полянку, которая исчезла из внешнего мира, оставив видимой лишь идиллическую картину ночного леса.

В тумане прошлого

В тесной комнатухе без единого окна чадила масляная лампа, освещающая колеблющимися сполохами огня двух угрюмых мужчин. Один из них устроился на куске потертой ткани, небрежно брошенной на пол. Подложив руки под голову, он лежал, уставившись на завешенный клочьями паутины угол. Второй, уселся прямо на голые доски. Обхватив голову руками и с силой взъерошив волосы, он тяжело вздохнул и вновь устремился в воспоминания.

* * *

— Стой! Стой, не убивай меня! Я нужен тебе больше, чем ты думаешь, — причитал худосочный мужчина средних лет, с вымазанным красной краской лицом. Отступая, он вытягивал руки вперед, будто пытаюсь отгородиться от своей судьбы. А тем временем невысокий, но очень широкий в плечах человек, облаченный в такой же темный балахон, как и на его жертве, медленно приближался. С узкого, изогнутого клинка кинжала, зажатого в его руке, капала кровь, разбиваясь в мелкие брызги о каменный пол. Размалеванный, продолжая молить о пощаде, запнулся о хрипящего и бьющегося в агонии соратника. Он плюхнулся прямо на копчик, и дикими глазами посмотрел на своего палача.

— Да стой же! — уже в истерике закричал размалеванный, — Атмар! Он убьет тебя!

Эйнар остановился, ошеломленный услышанным. Этот тощий дьяволопоклонник никак не мог знать о его покровителе. Ободренный сектант принялся сыпать слова как горох:

— Вар-Саан, могучий и знающий, открыл мне. Придет человек. Нельзя мешать. Он показал твоего правителя, я знаю замысел. Ох, да ведь он же воспользовался моей верой и погубил! Тебя погубят также. Тебя спасет пришелец, чуждый, странник из далеких земель. Ты должен помочь ему пока он не поймет...

— Что он должен понять? Как его зовут? — наконец, подал голос Эйнар.

— Я все покажу, оставь только меня в живых, я буду рядом и укажу тебе, — умоляюще глядел в глаза своему палачу размалеванный.

— Хорошо, будь по-твоему, — протянул руку Эйнар.

Дьяволопоклонник, не веря своему счастью, крепко схватился за широкую ладонь. Но не успел он подняться, как был поражен в самое сердце.

Эйнар вынул кинжал из тела, вытер его о балахон сектанта и, быстро оглядевшись, пошагал к статуе рогатого демона. Забрызганное кровью изваяние, казалось, торжествуя, оглядывало разыгравшуюся сцену смертоубийства.

* * *

— Совсем плох стал, видно и вправду нам конец близится, — подумал лежащий, оглядев своего впавшего в ступор товарища, — а ведь как хорошо все начиналось. Необычно, конечно, но так здорово, словно моя несбыточная мечта воплотилась в жизнь. Тем промозглым осенним утром...

Прибытие

— Рота подъем!!! — истошный крик дневального вырвал Северцева с улиц родного города, где он прогуливался со своей любимой, не подозревая, что вокруг него всего лишь сон. Не успев еще толком осознать себя, он уже бежал вокруг желтых громадин казарм, вместе с несколькими сотнями других счастливицов, угодивших на срочную солдатскую службу. Зарядка, уборка, завтрак — стандартная армейская рутина, начинался еще один серый, ничего не предвещающий день. На построении под тусклым, набухшим дождем небом его фамилию назвали в числе других, попавших в рабочую команду на овощебазу. Предстояло перенести немало тяжестей, и Северцев без особого энтузиазма поплелся в конце их колонны на объект работы.

— Эй, олень, иди сюда, — услышав окрик невзлюбившего его сержанта, Северцев хотел притвориться, что не расслышал зова, но тот настойчиво повторил, прибавив сверху парочку непечатных ругательств.

— Чего хотел? — подошел он к сержанту.

— Не хотел, а хотели, попутал немного, солдат? Ты не на гражданке.

— Виноват, товарищ младший сержант.

— Виноват военкомат, — вспомнил заезженную шутку младшой, — я тебе вчера после ужина куда приказал идти?

В животе рядового похолодело, а колени предательски ослабели, Северцев, прекрасно помня указанный командиром фронт работ, хранил молчание.

— Чего молчишь, а? — он подошел ближе, нависнув над съежившимся солдатом. Бах, внезапный удар сбил Северцева с ног, яркая вспышка выбила из его головы все мысли, а новые оплеухи сыпались как из рога изобилия. Впавший в раж сержант не стеснялся лупить ногами, не особо заботясь о том, куда приходится попадания тяжелых армейских ботинок. Прекратив экзекуцию младшой, отошел к пирамиде огромных деревянных ящиков, обитых тяжелым железным каркасом, и закурил, тяжело дыша. Северцев лежал, закрыв сочащийся кровью нос руками. Он исподлобья смотрел на своего мучителя и чувствовал, как его переполняет злоба от обиды и горечи за собственную беспомощность, гнев нарастал и выкристаллизовывался в животную ярость, солдату казалось, что он готов порвать обидчика голыми руками.

— Да чтоб ты сдох, сука, — повторял он шепотом раз за разом, медленно поднимаясь, тут он увидел как тень сержанта, неожиданно отрывается от земли и начинает жить своей собственной жизнью, словно бы неведомые потусторонние силы слышали Северцева. А тем временем, тень, поднявшись во весь рост за спиной мучителя, схватила его за плечи и резко повалила на спину. Ошеломленный сержант пытался подняться, но будто приклеился к полу, а Северцев, расширившимися глазами смотрел на то, как громадный ящик без всякой видимой причины скользит вниз и пробалансировав на краю пару секунд срывается в недолгий полет, окончившийся на лбу неудачливого обидчика солдата.

— Я жду тебя, — прошелестел голос в голове Северцева. Он рывком обернулся, но сзади никого не было... Больше того, на оживленной обычно овощебазе не было ни души.

Аккуратно ступая, солдат подошел к телу своего младшего командира. Но едва он пригляделся к раскроенной голове своего врага, как желудок свело тянущим приступом тошноты, и Северцев спешно отбежал в сторону. Опершись на окрашенную желтым

пыльную стену, солдат закрыл глаза и глубоко вдохнул пропитанный запахами лежалого картофеля воздух.

— Какой же я debil, — скрежетнул зубами Северцев, вспомнив, как бахвалился сослуживцам, что придумает способ извести надоедливово сержанта, — Теперь по-любому начнут проверять и откапают это все, и кто тогда мне поверит, что ящик сам упал. Да, как же, полсотни кило всегда летают сами по себе. Черт! Что же делать?

— Беги, человек, далеко беги. Туда где тебя никто не достанет, — раздался будто бы в черепной коробке чей-то шепчущий голос.

Северцев вздрогнул, кинул через плечо вороватый взгляд на расплывшуюся возле головы сержанта лужицу крови и быстро принял решение. Крадучись, короткими перебежками, солдат выбрался из главного здания овощебазы. Он осмотрел площадку перед зданием. План спасения выработался в голове мгновенно: добежать до невысокого забора, накинуть на колючку бушат и перепрыгнуть за ограду. Уж сколько раз, оглядывая этот забор, солдат размышлял о побеге, но перспектива дисциплинарного батальона всегда отрезвляла его. Теперь уже ничто не останавливало дезертира. Северцев, вскарабкавшись наверх, последний раз осмотрелся и, набрав воздуху в грудь, спрыгнул вниз. В глазах его потемнело, исчезли все звуки и запахи...

* * *

Песчаная коса плавной линией уходила вдаль, ласкаемая волнами прибоя. Бескрайнее море, покрытое мелкой рябью, расстелилось причудливым покрывалом. Тусклые серо-свинцовые воды на горизонте, сливались с такого же цвета небом, порождая ощущение бесконечности.

— Откуда здесь столько песка? — подумал Северцев, ощупывая пострадавший затылок. Он открыл глаза и взглянул на небо, скрытое наволочью серых, плотных облаков. И тут на голову солдата обрушилось цунами безжалостных воспоминаний: неожиданный конфликт, несчастный случай и позорное бегство.

— Меня наверняка уже хватились, — мелькнуло в голове дезертира, он подскочил, словно ужаленный, и застыл недвижим.

— Где я нахожусь? Где часть? Да где хотя бы этот чертов забор? — один за другим рождались вопросы в его голове, не находя ответа.

Он пригляделся вперед, но не обнаружил ничего, могущего разъяснить ситуацию. Лишь безграничная гладь моря и всякое отсутствие людей. Пройдя немного по берегу, он обнаружил нагромождение валунов, за которыми находилась едва заметная тропинка, уходящая вглубь разросшихся во все стороны, бесформенных кустов. В голове до сих пор не укладывалось происходящее, но нужно было что-то делать, а потому, не придумав ничего лучше, солдат отправился по ней вперед, надеясь выйти к человеческому жилью. Буквально через сотню метров Северцев наткнулся на лежащего человека.

— Эй, мужик, ты чего? — потрепал он незнакомца по плечу, но тот не откликнулся. Солдат, поднатужившись, перевернул несчастного и отпрыгнул от неожиданности. Лицо жертвы было разбито до предела, а посмертные судороги сделали его еще страшнее. Кисти несчастного были обуглены, словно бы мужчину пытали огнем, пытаясь вызнать одному ему известную тайну.

Северцев, преодолев приступ тошноты, подступил ближе. Одет незнакомец был в черную плотную стеганку с ярко-красным ромбом на груди, серые полотняные штаны из грубой материи и кожаные сапоги на мягкой подошве.

Вязкая пустота окутала мысли дезертира, тяжелым кузнечным молотом бухало в груди сердце. Наконец, с горем пополам справившись с собой, ошеломленный солдат решил ненадолго спрятаться, чтобы обмыслить увиденное. Беглец, пошатываясь, проковылял в сторону кустов. Углубившись немного в густые заросли прибрежной растительности, он сел прямо на землю.

— Не может быть, не может быть, — шептал он, лихорадочно обдумывая сложившуюся ситуацию.

Все было куда как странно — из обжитых мест Подмосковья оказаться внезапно в глуши, да еще и на берегу непонятно откуда взявшегося моря.

— Может это сон? Или галлюцинация от удара по голове?

Северцев ущипнул себя, потер глаза, даже сорвал листочек и принялся жевать, скорчившись от горечи. Но тщетно — это был не сон. Все окружающее его являлось реальностью, отличной от той, к которой привык солдат, но от того не менее материальной. На ум солдату пришла давно прочитанная статья о тысячах исчезнувших без причины людей. Вышел в магазин за хлебом и пропал, пошел на балкон покурить и исчез, зашла в ванную комнату и растворилась бесследно.

— Ну, вот ты и стал одним из них, — мрачно подшутил над собой беглец, — Что же делать дальше? Давай, Северцев, вспоминай, ты же кучу литературы прочитал по теме. Так, судя по всему время — Средневековье, если конечно это вообще планета Земля. Потому, что я не припомню, чтобы на Руси было Московское море. Значит, я переместился и во времени, и в пространстве.

Тут солдат бросился на землю и принялся разрывать ее руками, но вновь ничто не смогло опровергнуть реальности происходящего. Под ногами солдата росла обычная трава, укоренившаяся в самой обыкновенной песчаной почве.

— Аах, если это и глюк, то очень реалистичный. Хорошо. Думаем дальше. А что тут думать? Жить тебе до первого селения. Ни языка, ни одежды, ни правил их... — даже застонал от безысходности солдат, с силой ударив по мягкой земле кулаком.

Северцев осмотрел карманы — нитки с иголкой, бумажный конверт, да бархотка, чтоб бляху протирать.

— Ни еды, ни спичек, ни-че-го, — безрадостно подытожил солдат.

Ответ напрашивался сам собой, поэтому утерев рукавом лоб, усеянный капельками пота, Северцев поднялся и вышел из кустов обратно к нашедшему свой бесславный конец на дороге незнакомцу.

Покрепче зажав пятерней нос, солдат приблизился к жертве. Стараясь не обращать внимания на безобразные раны, Северцев принялся оглядывать пожитки убитого, как вдруг в глаза бросился полузасыпанный песком каменный кругляш. Наклонившись, солдат подцепил вещь за грубую бечеву, протянутую сквозь проушину в сделанном из вороненой стали обрамлении камня.

Поднятой вещью оказался антрацитово-черный обсидиановый медальон, на лицевой стороне которого был изображен стилизованный серп.

Осторожно потрогав амулет, солдат положил его на ладонь. Камень оказался почти невесомым и приятно охлаждал руку и даже будто бы немного успокаивал.

— Ай, была не была, — немного поколебавшись, Северцев уступил внезапному порыву и повесил медальон себе на шею.

Но едва коснувшись груди, амулет исчез без следа, напоследок обдав солдата почти физическим ощущением прохлады.

Горячие, мечущиеся без устали, всполошенные мысли Северцева словно приморозило, ледяное спокойствие овладело разумом солдата. План действий возник в голове сам собой.

Решительно подойдя к телу, солдат брезгливо обшарил его, позаимствовав побитый временем достаточно широкий кожаный пояс с притороченными к нему сумкой и пустыми ножнами. Обойдя вокруг несчастного, Северцев подобрал спрятавшийся в густой траве обоюдоострый кинжал.

Наскоро осмотрев доставшиеся пожитки, среди которых оказались спрятанные в полотняном мешочке кресало и трут, солдат навьючил на себя пояс прямо поверх портупей, загнал клинок в ножны и направился дальше по узкой лесной дорожке. Проходя по тропке, стелющейся сквозь высоченные, вытянувшиеся к небу сосны, он почувствовал, как к приятному хвойному аромату соснового бора примешивается резкая нотка дыма и гари, становящаяся тем сильнее, чем глубже он уходил по тропинке. Извилистый путь вывел к небольшой деревушке из, быть может, десяти домов, которая к приходу солдата прекратила свое существование. Взгляду Северцева предстала картина разрухи и бедствия: сожженные до основания дома, от которых и разносился по всей округе противный запах гари, разрытая копытами лошадей земля, поваленные заборы и людские тела, навечно оставшиеся там, где их посек меч неприятеля.

Солдат некоторое время наблюдал, укрывшись в траве на опушке. Не увидев никакого движения, он осторожно пошел вперед, стараясь скрыться за оставшимися строениями, но похоже, что грабители ушли из деревни, оставив после себя лишь безмолвие смерти. Выбравшись из своего укрытия, он, не скрываясь, пошел по единственной улице, прикрывая нос рукавом и стараясь не смотреть на несчастных жертв.

Пройдя совсем немного, Северцев наткнулся на словно из-под земли выскочившего жителя деревеньки. Седой как лунь старик, тяжело шаркая ногами, брел по пыльной улице, склонив голову.

Вдруг старец резко остановился, и по-собачьи втянул носом воздух, затем он искоса взглянул на затаившегося солдата и с несвойственной его возрасту прытью пошагал в его сторону.

— Здр, — на полуслове оборвал приветствие Северцева незнакомец, железной хваткой вцепившись своим узловатыми старческими пятернями в лицо солдата, стараясь выцарапать глаза.

Ошеломленный поначалу дезертир быстро пришел в себя и резко ударил по локтевым сгибам старика сверху, а когда тот опустил руки, с силой толкнул незнакомца в грудь. От удара седой отлетел на дорогу и замер, тяжело дыша.

— Э, да ты совсем с катушек съехал, а? Еще раз кинешься на меня — не посмотрю, что старик... — почти кричал Северцев, одновременно изготовившись к новому нападению.

— Эк лягуха прыткая оказалось, — буркнул незнакомец, потеряв ушибленную грудь.

— Чего, ты башкой ударился что-ли? Какая еще лягуха? — удивленно переспросил солдат.

— Эт тебя надо спросить, милок. Ты чей такой будешь, молодец добрый, да лягухой нарядившийся?

— Сам ты лягуха, дед, это камуфляж вообще-то, — немного обиженно просопел солдат, потирая оцарапанную щеку.

— Камо... что? О, хах ха ха, — вновь как собака принялся старик и хрипло рассмеялся, — от мне и спрашивать не надо, сам чую. Наших будешь, бедолага.

Вместо ответа солдат раздосадованно сплюнул и приготовился уходить.

— Постой, бедолага. Скажи попервам — ярмо то не тянет, — показал вокруг шеи иссохшей ладонью старец.

— А ты откуда знаешь? — внутренне похолодев, Северцев запустил пятерню под одежду, но медальона так и не нащупал.

— Молвил же, что наших ты будешь. Теперь. Ох, бедолага, помогу тебе, дураку молодому, подсоби-ка подняться только, — протянул руку незнакомец.

Недовольно хмыкнув, солдат все же помог старику подняться, немало подивившись крепости его рукопожатия.

— Уж сколь лет небо копчу, а ни единого раза не видал, чтоб сам на себя человек ярмо надевал. Какой там, все больше от чести такой прячутся, думки придумывают всякие, а ты вон как, — бормотал дедок, искоса поглядывая на Северцева, пока они шли в сторону окраины деревни.

Ближе к лесу, старик зашаркал ногой по земле, силясь что-то найти.

— Эй, паря, веревка тут должна быть, подсоби еще разок, — призвал он на помощь дезертира.

Северцев быстро нашел заляпанную песчаником веревку и, поднатужившись, потянул ее на себя.

— Давай, бедолага, прыгай в лаз. Там припасено у меня кое-что, сам подкрепись, в дорогу возьми. Она у тебя долгая будет.

Не вступая в долгие споры, солдат залез в погреб и принялся разбираться его содержимом. Чуть позже, набивая живот запасами полоумного старца, Северцев вдруг поперхнулся, вспомнив то, КАК он с ним разговаривал.

— Я солдат, солнце, дорога, — шепотом повторял беглец, прислушиваясь к своему голосу и не веря ушам.

— Ма ратниче, слынче, стезе, — едва слышно раздавалось в темном подвале.

Похоже, неведомые силы, похитившие Северцева из родного мира, позаботились и о том, чтобы он без труда понимал местные наречия.

Решив подумать об этом позже, а пока заняться более насущными делами, солдат набил холщовый мешок на перевязи сушеной говядиной и полбяной крупой, прихватил с собой вяленой рыбки, а для питья мех с медом.

Сделав все дела, солдат выбрался наружу.

— Держи вот, бедолага, — протянул старик не пойми откуда достанную им одежду.

Северцев оглядел подарок — выцветшие полотняные штаны из грубого холста и такого же вида широкая рубаха, шерстяной долгополый кафтан и округлая шапка из серого войлока.

— Чего стоишь, надевай, — буркнул старец.

Довольно быстро разобравшись в веревочках и шнурочках, заменяющих привычные замки-молнии, солдат переделался в принесенную одежду, оставив себе лишь свои старенькие, но вполне еще крепкие берцы.

— Таак, соль я мыслю у Сигмара была при себе. — задумчиво протянул седовласый, указав на сумку прикрепленную к поясу Северцева.

— Не было у него, — несколько смущенно ответил солдат.

— Не об том голову ломаешь, паря, все равно теперь получается ты Хранитель, стал быть и вещи его теперь твои. Соли, соли я тебе найду, — зарыскал в тканевой торбе старец.

— Хранитель? — удивленно переспросил Северцев.

— Ага. Только не наших ты кровей, хотя и нашего роду теперь... получается, — задумался седой, — нет, все равно поведать тебе не могу, хоть и пожил уже на свете, а все одно и еще хочется, да к тому же он и там достанет.

— Кто он? — продолжал недоумевать солдат.

— Молвил же, не велено открывать, — раздраженно рявкнул старец, — ты вот как сделай. Топай в Старгород к колдуну княжескому, мне ветры хладные донесли, что зело он в этом деле нужду имеет. А всем так обскажи, мол иду князю в ноги упасть, да защиты просить, селенье ведь пожгли, нелюди.

— Ага, так меня к нему и пустили, — хмыкнул дезертир.

— Пустят, еще как пустят, князь у нас дообрый, защитник сирых и убогих.

— Но, но, — только и подумал Северцев, явственно расслышав насмешливые нотки в голосе старца.

— Что, не веришь, ха-ха? — не то засмеялся, не то прокаркал, старик, — Но ты об энтот голову не ломай, он тебе теперь помогать станет, сам увидишь. Цену правда свою запросит, но тут уж... И эхма, первый раз вижу, чтоб человек...

— Ярмо на шею сам надел, — закончил за него солдат, — обнадежил ты меня, дед, по самое не балуйся.

— Ась, — приложил старик ладонь к уху.

— Ничего! Спасибо, говорю, дед, за помощь, за совет добрый. Пойду я, пожалуй. Навстречу судьбе.

— Иди, пожалуй, — махнул рукой старец, — смотри только храмовникам в лапы не попадись, не терпят они нашего племени. И... не поминай лихом старика Хельфнира.

— Хорошо, — коротко обронил Северцев и пошагал по указанной Хельфниром незаметной тропинке, ведущей на дорогу в сторону Старгорода, совершенно не подозревая о том, какие приключения уготовила ему судьба, забросив в этот незнакомый ему мир.

Дорога в Старгород

Ярко светило полуденное солнце, разогнавшее казалось непроницаемую пелену серых туч. В воздухе ощутимо разлилось тепло и над вымощенной камнями дорогой поднималось марево жара. Северцев, выбравшись на Королевский тракт, бодро шагал по нему, наслаждаясь ароматами полевого разнотравья расстилавшегося по обе стороны пути.

Гнетущая тревога все же уступила место благодушному покою. Не в последнюю очередь, благодаря нахлынувшему чувству свободы.

— Никаких больше тебе равняйся, смирно. Ха. Вольному воля, — довольно улыбаясь раздумывал дезертир, — и все же странно, что я чересчур спокоен. Может это амулет действует, или как там его правильно назвать, Попал в такие передраги и ничего. Черт, да я же имя ее забыл! Не может быть...

События прошлого, да что там, целая жизнь ТАМ подернулась туманной дымкой. Воспоминания словно заиндевели, так, будто незримая сила оградила разум Северцева от всего, что связывало его с родным миром.

— Нужно к князю, выполнить предназначение... Проклятье, что я несу? — выругался солдат, отвечая навязчивой мысли, время от времени одолевавшей его сознание, — она вообще моя, эта идея, или это уже крыша едет потихоньку?

Не найдя ответа, солдат помотал головой, растер лицо руками и отправился дальше по вымощенному крупному булыжниками тракту.

Солнце почти склонилось к горизонту, когда Северцев решил передохнуть. Он свернул с широкого тракта в сторону и, немного углубившись в густую траву, расположился прямо на ней. Расстелив прихваченный в деревне кусок дерюги вместо скатерти, солдат достал мех с медом и немного сушеного мяса.

Утолив голод, Северцев улегся на траву и устремил свой взгляд в небо.

— Сигмар, Сигмар — хорошо звучит, — размышлял беглец, глядя на огромное кучевое облако, лениво проплывающее в закатном небе, — Раз на мне вещи этого бедняги, то может и зваться его именем. Все равно здесь Северцевым не дело представляться, и без того за версту видно, что пришлый.

Тут солдат вспомнил, что так и не заглянул в мошну обобранного им мертвеца и взялся рассматривать содержимое кожаного кошелья, доставшегося ему от Сигмара. В нем лежало несколько медных монет и пара серебряных с изображением грозного мужчины в короне.

— Интересно, сколько здесь? — вслух подумал он, как вдруг услышал яростный скрип несмазанных деревянных колес.

Осторожно приподнявшись, Северцев насколько мог незаметно оглядел дорогу, по которой катила деревянная телега, запряженная полудохлой клячей. Бедная лошадь едва волокла кучу набитых под завязку мешков. Управлял повозкой черноволосый, здоровый как в плечах, так и в животе мужчина. Одет возница был в белую, полотняную рубаху, украшенную замысловатой вышивкой на груди и рукавах, и полотняные же шаровары. Северцев продолжал наблюдать, как ему казалось, не выдавая себя, а возница невозмутимо катил на своей повозке. Однако, поравнявшись с солдатом, он внезапно натянул поводья, заставив телегу остановиться. Незнакомец привстал на козлах:

— Эй, путник, не против будешь, если я подойду?

Северцев оглядел возницу — широкое лицо, украшенное густыми кустистыми бровями,

широкий, прямой, загибающийся книзу нос, карие, почти черные глаза, в которых плескалась искорка веселости. Немного подумав, беглец кивнул, и здоровяк проворно слез со своего места, стреножил кобылу и, прихватив небольшой мешочек, по-видимому, с провизией, приблизился к солдату.

— Два дня еду и ни одного человека, прямо соскучился уже, — улыбнулся возница, — меня Эйнар зовут, кстати.

— Сигмар, — представился чужим именем беглец, пожимая крепкую, широкую ладонь нового знакомого и, немного подумав, добавил, — прозвищем Северин.

— Из дальних краев, стало быть, раз Северин — подытожил контрабандист, по-своему истолковав выдуманное прозвище Северцева.

— Да, так сразу и не скажешь, как умудрился забраться столь далеко от дома, — легко согласился солдат.

Эйнар присоединился к скромной трапезе Сигмара, достав свою немудреную дорожную снедь. Между ними плавно потекла беседа.

— Так говоришь солдат? — живо интересовался здоровяк.

— Именно, сейчас, правда, просто путник, еду в Старгород к князю с посланием.

— Ха, ха, вот так гонец, ха-ха-ха — от души рассмеялся Эйнар чуть ли не до слез, увидев насуспенное лицо Северцева, здоровяк сделал жест рукой, призывая солдата не злиться, наконец, еще пару раз фыркнув, он объяснил причину своего веселья.

— Уф, уф. Ну, ты даешь парень, хорошо, что ты мне такое брякнул, ты ведь прямиком в Эрендаль топаешь и на флориановских землях сейчас. Тут князя не любят, ой как не любят. Да ты что же вообще ничего не знаешь?

Немного поразмыслив, Сигмар решил не отпираться.

— Ничего. Совсем. Я из настолько далеких земель, что никто и не поверит, если расскажу.

— Хм, — нахмурился Эйнар, вспомнив слова убитого дьяволопоклонника — может статься, что я и поверю, ну да ладно. Так зачем тебе в Старгород?

— На своем пути я встретил порушенную деревеньку, и там... — вкратце, рассказал историю Эрейе солдат.

— Вот оно как, — сочувственно протянул Эйнар, — ну я ведь тоже в Старгород направляюсь, зерно везу к брату в таверну, так что можем вместе ехать, места у меня хватит, вдвоем то и безопаснее, и веселее.

— Это точно, поехали вместе, я только рад буду, — быстро согласился Северин, порадовавшись, что теперь-то уж точно не заблудится. И попутчики, посидев и поболтав еще немного о всяких глупостях, двинулись в путь.

Их поездка не изобиловала событиями, они проезжали по дороге сквозь бескрайние луга, никого не встречая на своем пути. Эйнар мягко визнавал историю своего нового товарища, охотно рассказывая про себя. Временами они просто молчали, задумавшись каждый о своем. Эйнар обучил солдата обращаться с телегой, и тот иногда подменял здоровяка на месте возницы, позволяя немного передохнуть.

На второй день пути, попутчик Северина, внезапно свернул с наезженного тракта.

— Так, Сигмар, скоро порубежье, а там и мытари. Причем у меня возникли кое-какие споры с этими ребятами, поэтому мы поедem в обход. На той дороге подати собирают мои знакомые, так что договоримся.

Солдат кивнул, утвердившись в мысли, что никакой это не крестьянин, а, пожалуй, что

и контрабандист или шпион.

Попетляв до полудня по извилистой дороге, единожды пересекавшей мелкую речушку и огибающую не один холм, они добрались до границы.

— Вот черт, а где же Финдур — выругался здоровяк, оглядывая дорогу, — ведь он же должен стоять на Вейке. Ээх, с этими балбесами могут быть проблемы.

Северин присмотрелся и увидел впереди четверых воинов. Их копья были сложены в пирамиду, на которой, спасаясь от полуденного зноя, они беспечно развешали свои крепкие стеганки. Ратники расположились на раскинутых в траве круглых щитах вокруг деревянной доски, с помощью которой они азартно играли в кости. Лишь один из них, по-видимому, главный, одетый в длинную кольчугу и к тому же имевший пышные, стекавшие к подбородку усы, не участвовал в игре. Усевшись чуть поодаль от игроков, он аккуратно, тщательно затачивал каменным бруском свой короткий, обоюдоострый меч.

— Они нас заметили, — сообщил своему товарищу Сигмар, увидев, как усатый резко поднялся и, вложив меч в ножны, хлопнул по плечу одного из игроков, указав ему на их телегу.

— Ладно, не бойся, молодой, не пропадем. Главное молчи, я сам скажу все, что надо, — пихнул Северина в бок здоровяк.

Воин, чей доспех состоял из одной лишь рубахи с вышитым бело-голубым гербом, вальяжной походкой приближался к скрипящей колымаге.

— Эй, вы, стоять на месте, — прогнусавил он, вытянув руку с растопыренной пятерней.

— Доброго дня, уважаемый, — склонил голову в поклоне Эйнар, натягивая вожжи.

— А ну слезай с телеги, — приказал воин.

Эйнар повиновался, слез со своего места и подошел к ратнику. Сигмар, немного задержавшись, последовал за ним.

— Вот, господин, еду к брату, зерно везу в таверну, можете проверить — все здесь, — склонившись в подобострастном поклоне, лепетал неузнаваемо изменившийся Эйнар.

Воин в рубахе лениво проковылял до телеги, запрыгнул наверх и по очереди ослабил завязки на каждом из увесистых кулей. Обнажив висевший на поясе в потрепанных кожаных ножнах клинок, он поковырял им в одном из мешков.

— Хм, похоже, и, правда зерно, ладно плати два сетта и проваливай отсюда ко всем чертям, — презрительно сплюнув, заявил Эйнару ратник.

Здоровяк тут же зарыскал у себя в сапоге и через несколько мгновений достал две потертые медные монетки, похожие на те, что лежали у Северина в кошеле.

— Постой, постой, — раздался требовательный голос усача, который внимательно следил за разыгрывающейся сценой, — я, кажется, знаю этого проходимца.

— Ты же, Гарланд-контрабандист, верно? — заявил он, подойдя ближе.

— Знать не знаю никаких гарландов, горлундов, я простой крестьянин, зерно везу брату, проверьте сами, господин, — бормотал таинственный попутчик Северина.

— Тяжелый зараза... — попробовал поднять тяжеленный куль, воин в рубахе, но, отчаявшись, спихнул его ногой на землю и спрыгнул сам.

— Давай посмотрим, что там — склонился над просыпавшимся из мешка зерном усатый воин.

В это время, Эйнар невидимой тенью скользнул за спину главному мытарю. Сигмар, наблюдавший за ним, заметил у здоровяка в руках остро отточенный, изогнутый кинжал. Одним движением контрабандист навеки успокоил кольчужного воина, который повалился

на спину, безуспешно пытаясь зажать хлещущий поток крови, хлынувший из рассеченного горла. Эйнар же, продолжая атаку, молниеносно распорол прикрытый лишь потрепанной тканью рубахи живот второму ратнику.

Сигмар в панике огляделся и увидел как к нему, размахивая палицей, мчится товарищ сраженных воинов. Северин извлек на свет доставшийся ему от мертвеца кинжал и изготовился к бою. Сблизившись, его соперник размашисто ударил палицей сверху и Сигмар едва увернулся от железного набалдашника, отпрыгнув назад, как почувствовал, что его ноги неумолимо скользят, а сам он падает на спину. Ратник усмехнулся и побежал к Сигмару, занося свое оружие для последнего удара. Северин зажмурился и почувствовал гулкий удар над головой и неприятную тяжесть сверху, он резко скинул с себя противника и принял стойку. Тут Сигмар увидел, как на белой ткани рубахи поверженного соперника в области груди расплывается безобразное багрово-красное пятно. Он недоуменно осмотрел руки и заметил, что его клинок тоже весь в крови. Мир вокруг как будто потерял краски, исчезли и все звуки, стальное оружие само собой выскользнуло из безвольно опустившихся рук Северина, который безучастно пошагал в сторону примостившихся у дороги кустов. Добравшись до них, Сигмар внезапно упал на колени, желудок скрутило невыносимым приступом тошноты, сознание окончательно покинуло солдата.

— Эй, ты чего? — яростно тряс солдата за плечи Эйнар, — давай очнись уже, давно пора ехать, пока их не хватились.

Не дождавшись никакого отклика, здоровяк попросту отвесил Северину пару оплеух, возымевших магическое действие. Оживший солдат недоуменно помотал головой, посмотрел по сторонам: стараниями его товарища практически никаких следов от их недавней схватки не осталось, тела незадачливых мытарей исчезли с дороги, по всей видимости, в придорожной растительности, запряженная в телегу лошадь нетерпеливо била копытом, словно поторапливая Северина двигаться в путь.

— Да, да я готов, — избегая требовательного взгляда Эйнара, ответил Северин.

— Ну, тогда, залазь в телегу, — показал большим пальцем на их колымагу здоровяк.

Солдат взобрался наверх, и Эйнар подстегнул кобылу, заставив их издавшую виды повозку с тяжелым скрипом двинуться вперед.

Почти до самого вечера попутчики ехали в полной тишине. Северцев переживал первое в своей жизни убийство, а Эйнар просто не тревожил юношу, здоровяк внутренним чутьем понял, что перед ним тот, о ком говорил убитый еретик. Тот, которому надо помочь, пока он не поймет.

— Только что же он должен понять? — подумал Эйнар, а сам обратился к солдату, — ты же ратник, так чего ж нос повесил, неужто в первый раз приходится душегубствовать?

— Нас только учили, но мы не были в настоящем бою, — угрюмо ответил Северин.

— Считай, что побывал, спасибо, кстати, твоя помощь куда как впору пришлась, отблагодарю, будь уверен.

— Хорошо, — безразлично произнес Северцев.

— Ты пойми Сигмар, тут или они нас или мы их, понимаешь? Не было у нас другого выбора, — увещевал, все еще хмурящегося Северина здоровяк.

— Понимаю я все, только все равно, как-то гадко на душе, — глядя на пестрый ковер луговых трав, заканчивающийся лишь там, где склонился к горизонту алеющий солнечный диск, отвечал солдат.

— Ну, ничего, ничего, я в первый раз тоже места себе найти не мог, а потом привык

помаленьку, — похлопал Северина по плечу Эйнар.

Тем временем и путешествие в Старгород продолжалось, все так же оглашая громкими скрипами округу, они двигались к намеченной цели. Они снова выехали на Королевский тракт и постепенно ландшафт вокруг начал меняться, на их пути стали встречаться небольшие деревушки и придорожные трактиры, бескрайние луга уступали свое место возделанным полям, колосющимся высокой рожью и золотистой пшеницей, иные холмы были украшены живописными мельницами с лениво вращающимися огромными крыльями ветряных колес. Да и сам тракт стал гораздо оживленнее, мимо важно проплывали купеческие обозы, нагруженные товарами, временами попадались крестьяне, бредущие по своим делам, встречались и облаченные в темные рясы служители местных культов, единожды мимо них промчался, вздымая в воздух клубы пыли, эскадрон всадников.

— Почти приехали, ну сейчас держись, такого ты точно не видал еще, — посулил Эйнар, когда они с натугой взбирались на достаточно высокий холм.

Наконец они достигли его вершины, с которой Северину открылась великолепная картина, подобной которой он никогда ранее не видел.

Огромная река, воды которой в лучах отраженного закатного солнца казались расплавленным золотом, несла множество судов, самого разного пошиба. По ней сновали утлые рыбацкие лодчонки, пузатые купеческие ладьи, нагруженные всевозможными товарами, буравили воду величавые военные галеры. По обоим берегам реки прилепилось множество пристаней и складов, а неподалеку от них исправно перевозил людей кажущийся отсюда игрушечным паром. Сама же река уходила вперед, скрываясь за высоченными стенами гигантского города, в центре которого тянулся к небу княжеский замок. От стен Старгорода разрослись во все стороны ремесленные слободы, над которыми стоял звон кузнецов и скобарей, тяжелый запах кожевенников и красильщиков. Слободы сменяли возделанные поля, колосющиеся спелыми злаками и травами, выросшие там и сям деревеньки и постоянные дворы.

— Там в глубине застройки и держит таверну мой брат, — пояснил зачарованному Сигмару здоровяк.

Втянувшись в запутанные узкие улочки города выросшего у стен, они плутали до самых сумерек. Лишь когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, Эйнар остановил свою колымагу у неприметного, серого и, в общем, достаточно угрюмого здания.

— Просыпайся, Сигмар, приехали, толкнул он в бок задремавшего солдата.

Северин встрепенулся и огляделся: они стояли перед невысоким забором, который отгораживал небольшую утоптанную до каменного состояния площадку, от остальных, теснящихся друг к другу двух и трехэтажных халуп. Само здание было достаточно широким и имело два крыла, с каменным низом и деревянной надстройкой, в которой были пробиты узкие створки окон, затянутые бычьим пузырем. Совсем недалеко от таверны, отгороженная широким рвом, подпирала небо огромная крепостная стена Старгорода.

— Давай спрыгивай, поможешь сгрузить мешки, — поманил рукой Эйнар. Северин спрыгнул с телеги и немного потряс ногами, разминая затекшие в дороге мышцы. Тем временем здоровяк отворил калитку и завел свою телегу внутрь двора. Он остановился, и солдат, вскарабкавшись на телегу, ухватился за мешок и скинул его на землю.

— Постой, юноша, — прервал его работу невесть откуда появившийся мужчина, как две капли воды похожий на Эйнара. Он был одет в кожаную, отороченную лисьим мехом безрукавку, накинутую поверх ярко красной шелковой рубахи. Из ножен на поясе виднелась

богато украшенная, резанная из кости рукоять кинжала, довершали наряд красные же, щегольские сафьяновые сапожки.

— Ага, вот и мой брат пожаловал, — послышался из-за телеги довольный голос Эйнара, — знакомься, Сигмар, это владелец таверны, богатей и мироед, ну и мой замечательный младший брат — Хенрик.

— Добрый вечер, путник, я всегда рад друзьям своего брата. Не стоит заботиться о грузе — его перенесут мои подручные. Можешь пройти в таверну и заказать чего-нибудь, наверняка вы проголодались в пути.

— Это точно, — кивнул Сигмар, — я бы и быка сейчас съел.

— Ну, быка не быка, а небольшого баранчика можно и запечь ради такой встречи, заходи внутрь и спроси у Лии, чтобы провела тебя в хозяйский зал.

— Хорошо, — солдат кинул взгляд на Эйнара, который ободряюще улыбнулся и показал головой на вход. Сигмар не спеша прошел по двору и потянул на себя тяжелую, дубовую дверь таверны.

— Ты изрядно задержался в пути, я уже начал волноваться, — проводив глазами Сигмара, начал разговор Хенрик.

— Да, что со мной сделается, ты же знаешь, что мне та старая карга наколдовала. Так что покуда зловещая тьма не восправит над стольным градом, то бояться нечего. Хотя, честно говоря, в этот раз было сложнее, чем раньше. Гораздо сложнее. Но, главное я здесь и груз со мной, а это значит, что наши шеи спасены.

— Ты завтра пойдешь к Атмару?

— Скорее всего, сегодня хотелось бы хоть одну ночь поспать в постели, а не в седле.

— Еще бы, у тебя уже наверняка задница окаменела от такой поездки.

— Ха, лучше и не скажешь. И пошли уже внутрь, хватит болтать, мое брюхо срочно требует мяса и вина, — засмеялся Эйнар.

— Позволь лишь один вопрос, кто этот юноша, что приехал с тобой?

— Сигмар, новиком был в дружине из северных земель, так сам бает он, а правды не ведаю. Встретил его на землях эрендальских, дальше вместе ехали с ним, и, между прочим, он здорово помог мне на дороге, поэтому я и решил взять его с собой к князю.

— Я тебя не узнаю, брат, с чего ты вдруг собрался вести не пойми кого к самому Атмару. Ты же знаешь его нрав, не угодишь самую малость и проклянешь тот день, когда появился на свет.

— Сам знаю, — огрызнулся Эйнар, — пойми Хенрик, есть у меня предчувствие, что с этим парнем нас ждут великие дела.

— Предчувствие? Хм, пожалуй, я привык доверять твоим предчувствиям. Хотя могу припомнить пару случаев, когда они чуть не завели нас виселицу, — Хенрик помолчал немного и бесшабашно махнул рукой, — а, черт с ним, с этим Сигмаром. Ты лучше проходи в таверну, брат, и ни в чем себе не отказывай, — приобняв Эйнара за плечи с чувством произнес таверщик, а сам едва захлопнулась дверь за дорогим гостем, принялся раздавать указания явившимся будто из-под земли подручным.

Зайдя в таверну, контрабандист наткнулся на любопытнейшую картину. Его недавнего спутника зажали в углу трое, разбойного вида, мужчин, и хотя морду ему еще не били, но явно уже примерялись. Дальнейшие события развернулись буквально в несколько секунд. Шарообразной молнией подлетев к троице хулиганов, Эйнар метнул, до того спрятанный в рукаве грузик кистеня в затылок крайнему бандиту, от чего тот рухнул как подкошенный.

Затем он мгновенно ударил кистенем в колено следующему типу и тут же добавил в челюсть кулаком. Третий бандит отступил сам, на его лице явно отпечатались оторопь, узнавание и животный страх. Он побледнел как меловый лист и залепетал:

— Господин Эйнар, за что? Мы только...

Он не успел договорить, как здоровяк схватил внушительной пятерней его за затылок и прорычал ему в лицо:

— За то, что вы, беспутые мрази, напали на моего товарища и гостя моего брата! Понятно, объяснил?

В ответ еще недавно гордый и уверенный в своей неуязвимости бандит лишь прошептал, дрожа, словно лист на ветру:

— Прощенья просим, господин Эйнар, ошибка вышла. Смилуйтесь, а? Сами знаете — от нас живых больше выгоды будет.

— Ладно, выметайтесь отсюда к чертям собачьим, придете к брату, как подлечитесь, посмотрим какая от вас польза, — ответил малость успокоившийся контрабандист, отпуская затылок начавшего подозрительно попахивать хулигана, и обращаясь к Сигмару, продолжил, — а ты пойдем со мной.

— Мяса и пива, на двоих, — бросил он, проходя мимо стойки с бочками, из-за которой внимательно наблюдала за разыгравшейся сценой местная служанка Лия.

Они прошли мимо тяжелых дубовых столов к неприметной двери, скрывавшейся в темноте одного из углов здания, за которой находилась роскошный хозяйский зал. Стены в нем были покрыты изразцами и мозаикой, деревянные полы выскоблены и натерты до блеска. По стенам развешаны медные подсвечники, в которых горели, оплывая воском, изящные свечи. А лавки, представляли собой настоящий шедевр: медведи, косули, лисы и вовсе мифические звери казались живыми, запечатленные в мореном дереве. Гости расселись за широким столом, и Эйнар начал расспросы:

— Ну, давай, рассказывай, что там у тебя приключилось?

— Да что, зашел я внутрь, передал, как велено было, про хозяйский зал, — взволнованно частил Северин, — сам сел за одним из столов. Тут вижу, девка эта, не ко мне идет, а к тем троим. Они ко мне сразу, давай за руки тащить, кто такой спрашивают, ну а дальше и вы пришли, — неожиданно перешел на вы Сигмар.

— Не вы, а ты, забыл про нашу дорогу сюда, после такого мы теперь лучшие друзья, — подмигнул солдату Эйнар.

— Девка, говоришь, — оказалось, что Хенрик уже здесь и внимательно слушает рассказ Северина.

Вскоре появилась и сама служанка, она несла заказанные блюда на подносе в одной руке и две объемистых, глиняных кружки с пивом в другой. Стараясь ни на кого не смотреть, она приблизилась к гостям.

— Все готово, хозяин, — тоном самым смиренным почти пропела она, всем своим видом олицетворяя невинность и непричастность к покушению на Сигмара. Хенрик не стал вести долгие разговоры:

— Гость сказал тебе, что он от меня?

— Да, но я думала, он врет, он совсем не похож на ваших уважаемых друзей, — едва слышно прошептала она.

Бах, звонкая оплеуха обрушилась на голову незадачливой служанки, отчего колени ее подогнулись.

— Не тебе, курва, решать, кто достоин быть моим гостем, а кто нет! С обманщиком я разберусь сам, твое дело еду носить, а не думать, тьфу, — сплюнул от досады Хенрик, — уйди с глаз моих, пока до греха не довела. Таверщик вернулся за стол:

— Вы ешьте, ешьте друзья, дорога была долгая.

Гости припали к свои тарелкам, в которых манило своим ароматом вкуснейшее жаркое. В отдельном блюде парило нарезанное толстыми ломтями вареное мясо, густо пересыпанное свежим, зеленым луком. Довершал простое, но сытное угощение каравай румяного, мягкого, только что из печки хлеба.

Каждый думал о своем. Хенрик рассматривал солдата, рассуждая о том, что это за птица и чем умудрился заслужить доверие хитреца и пройдохи Эйнара. Тот в свою очередь был поглощен предстоящей встречей с жестоким и скорым на расправу князем. А беглец из нашего мира был удручен всем увиденным за недолгое его пребывание в этих суровых землях, его страшили все эти злые люди вокруг для которых жизнь и здоровье окружающих ничего не стоили и ломанного гроша.

— Куда я попал, — думал он, — этим бандитам человека убить, что муху прихлопнуть. Этак скажу что-нибудь против них и поминай, как звали. И ведь понадобился, за каким-то чертом...

Но по мере уменьшения содержимого его кружки и тарелки настрой солдата менялся в сторону прямо противоположную:

— Пусть они душегубы, плевать, зато они на моей стороне, буду делать, что говорят, тогда уж не пропаду. Не встретил бы этого Эйнара на дороге, те самые флорианцы и подрезали бы, а может еще какие, с большой дороги. Уж во всяком случае, не сидел бы сейчас за таким богатым столом, да еще с уважаемыми здесь людьми.

— А ты откуда? — внезапный среди царившего за столом молчания вопрос трактирщика заставил Северина вздрогнуть.

— Я? Из далеких земель, на севере, Россия называется.

— Понятно, знаем, знаем, — важно покивал Хенрик, на деле запутавшись еще больше.

— Чем занимался? — если бы не спокойный и доброжелательный тон собеседника, ситуация все больше бы напоминала допрос, чем дружескую беседу.

— Был солдатом, ушел, — просто ответил Сигмар.

— Бежал? — продолжил Хенрик.

— Нет, почему сразу бежал, просто ушел, — Северин замялся, пытаясь подобрать подходящую замену воинским званиям, и продолжил, — сотник не следил за нами идесятники делали, что хотели, один пообещал меня убить, и я его опередил.

— Ловок, чертяка! Я же говорил, — усмехнулся Эйнар, хлопнув ладонью по столу, — ты не бойся, друг, со мной не пропадешь, главное слушай, что я говорю. Человек ты новый, наших мест не знаешь, а я, будь уверен, объясню тебе, кто, как и почему.

— А князь, — робко поинтересовался Сигмар.

— К Атмару мы пойдем завтра, я тебе позже расскажу, как следует себя вести у него, — повернувшись к брату, здоровяк продолжил, — Слушай, Хенрик, когда я ехал выполнять задание, то знаешь, кого я встретили на дороге? Флориановский эскадрон, вот кого, пришлось конечно затаиться, благо я налегке был. Но они ведь в неделе пути от Старгорода шалили, наглость несусветная, — побарабанив пальцами по столу, он добавил, — сдается мне, что Атмар не простит.

— Я слышал больше, — эхом отозвался трактирщик, — таких эскадронов был не один

десяток, пограбили купцов у границы, пожгли несколько деревень и растворились в лесах, вообще, похоже на то как дразнят косолапого на охоте, чтоб тот, обозлившись, сам на рогатину полез. Флориан твердит одно, западное порубежье от Суравы до Кирхема его и все тут, а значит он там в своей воле.

— Да, да. Я сам видел, — горячо заговорил Сигмар, — деревня у моря, Эрейе, я шел оттуда, чтобы сообщить князю.

— Да кому они на хрен нужны, эти деревни, кроме местного барона — ответил ему Хенрик, махнув рукой, — на них всем наплевать, тебя бы и близко к князю не допустили, самое большее писарь начальника стражи Старгорода, и то можно сказать повезло, что дорвался.

— Но, я так мыслю, что милость Незримого с тобой, ведь завтра ты попадешь к Атмару, не один правда, а со мной на пару — приобнял Сигмара за плечи контрабандист, — ладно, не буду темнить, моя помощь не просто из дружеских чувств и все такое, я хочу тебе предложить — нанимайся ко мне. Атмар тебя все одно не примет, уж извини, у него в дружине покрепче люди, даже и новиков отбирают со всем тщанием, а со мной, будь уверен, мы много больших дел натворим.

Сигмар, в душе ожидавший подобного предложения, не возражал:

— Я бы и рад, да только чем же я тебе помочь смогу, когда ты и сам... не промах?

— Немного тем, немного другим, я уверен — ты справишься. Ну, так по рукам?

— Конечно, — отозвался Сигмар, скрепляя неписаный договор крепким рукопожатием.

Обсудив самые главные вопросы трое, теперь уже компаньонов, принялись пировать в общем зале. Ближе к ночи стал прибывать народ, стоял обычный в подобных заведениях гул — бряцанье посуды, смех, галдеж. Возникавшие конфликты быстро разрешались здоровенными подручными Хенрика. За столами играли в кости, боролись на руках, да и просто накидывались горячительными напитками. Около полуночи появились музыканты: барабанщик, флейтист и, разодетый как павлин, лютнист. Словом, в таверне с немудреным названием «У стены» жизнь была ключом. Гости заведения разошлись только под утро, кто сам, кто с помощью охраны. Из-за почетного стола вышли два брата, самого Сигмара, несколько отвыкшего от таких развлечений, пришлось нести до его койки незаменимым подручным Хенрика.

Ночное происшествие

В час, когда сон крепче всего, перед рассветом, Сигмару приспичило облегчиться. Нетвердой походкой, шатаясь и опираясь руками о стены, он брел по коридорам трактира, совершенно непонятным способом выйдя к потайной двери открывающей выход на задний двор. Выбравшись на улицу, Северин мгновенно продрог от утреннего холода. Постояв еще немного и продышавшись, уже более трезвый, он попытался отыскать взглядом нужник, но быстро сдался.

Обхватив себя за локти, дрожа всем телом, он пошел вдоль сложенной из серого камня стенки вперед. Из рта солдата вырывались облачки пара. Щурясь и позевывая, он завернул за угол и увидел в предрассветных сумерках совершенно непонятную для себя картину. Низенький и щуплый субъект старательно поливал из кожаного бурдюка стену таверны какой-то черной маслянистой жидкостью. Северин протер глаза, но субъект никуда не исчез и продолжал свое занятие. Внезапно, почувствовав на себе взгляд солдата, злоумышленник обернулся. Заметив Сигмара, он злобно ощерился и кинулся в драку. От неожиданности Северин завопил как сирена, оглушив щуплого, и попытался ударить в ответ, но промахнулся. Поджигатель скрылся, напоследок здорово заехав солдату в нос. На шум тут же сбежались охранники Хенрика. Здоровенные ребята, увидев пятна горючей смеси на стене и ключья пакли уже собирались забить Северина на месте, но разглядев в нем знакомого хозяина, решили подождать главного лично. Хенрик не заставил себя долго ждать.

— Ну, что там случилось? — бодрым, словно он и не ложился спать голосом, осведомился таверщик.

Все еще пьяный Сигмар с трудом, заплетающимся языком, описал произошедшее. Поняв, что большего от солдата не добиться, Хенрик отправил его спать, а сам удалился, прихватив с собой оставленный злоумышленником кожаный бурдюк с деревянной пробкой, внутри которого плескалась тяжелая, масляно-черная жидкость, пахнувшая нефтью и серой.

Ближе к полудню Северин, наконец, пришел в себя. Голова его адски болела, пульсируя при каждом движении. Он провел рукой под собой и обнаружил, что лежит на матраце, набитом сеном. Полежав еще немного, он все же собрал свою волю в кулак и сел на кровати, с трудом подавив приступ тошноты. Сигмар поднялся, произошедшее ночью казалось лишь тяжелым похмельным сном. Решив узнать все у хозяина, а заодно и утолить мучавшую его жажду, солдат вышел из крохотной комнатухи.

Его взгляду предстал выдавший виды коридор, обшитый потускневшими от времени досками. Пройдя по нему десяток шагов, Сигмар выбрался к лестнице, которую усердно мыла та самая, столь нелюбезно обошедшаяся с ним вчера служанка.

— Проспался, наконец. Спускайся вниз, хозяин там сидит, он ждал, пока ты очнешься.

Северин, не обронив ни слова, послушался совета и спустился вниз. Заведение пустовало, сквозь неширокие окна пробивались солнечные лучи, высвечивая висящие в воздухе столбы пыли. За одним из столов в простой белой рубаше с расстегнутым воротом сидел Хенрик, перед ним стояла миска с вареными яйцами и объемистый кувшин с квасом.

— О, проснулся, подходи, присаживайся, — подманил Сигмара рукой таверщик.

Северин бухнулся на лавку. Проследив тоскливый взор, устремленный на кувшин, хозяин лишь кивнул, слегка улыбнувшись. Осушив залпом целую кружку шипящего, пенистого, щиплющего язык напитка, Сигмар оживился. Туман в голове чуть рассеялся, даже слегка отпустила голова.

— Ожил немного? — заметив явное улучшение здоровья постояльца, спросил Хенрик.

— Да, да, уже легче. А что было сегодня ночью, может мне причудилось, не знаю, — бормотал солдат.

— Выпей еще, освежись, — придвинул кувшин к Северину таверщик, а ночью же, нет, тебе не причудилось, нас действительно хотели спалить. Эйнар уже ушел к нашим общим друзьям, так что скоро, я думаю, мы увидим злодея.

— Вот те раз, как так, спалить? За что?

— Не знаю, мало ли у меня врагов, или у тебя, — долгим взглядом посмотрел на Северина таверщик, — каждый готов со свету сжить, найдем — узнаем. Ты лучше вот что, сходи в баню. Эйнар недавно там был, так что жар еще не ушел.

Вставать решительно не хотелось, но вспомнив, что последний раз он мылся еще в армии, Северин согласился.

Не стоит, пожалуй, долго описывать банные процедуры, принятые Сигмаром, стоит лишь сказать, спустя где-то час, окончательно выздоровевший солдат жадно уплетал крошку, залитую ледяным квасом, ожидая возвращения контрабандиста и совместного визита к князю Атмару.

Солнце перевалило за полдень, на улице было ощутимо жарко, но в таверне «У стены» было прохладно и достаточно свежо. В обеденном зале по-прежнему, было пусто, если не считать служанки, дремавшей за одним из столов, и нашего героя.

Тут дверь открылась, в нее решительно влетел Эйнар. Вид у него был сияющий и грозный, в карих глазах контрабандиста явно читались недобрые намерения. За ним следом пинком был загнан утренний знакомый Сигмара. Лицо бандита было белее снега, левый глаз скрыт под кровоподтеком, руки связаны за спиной, одежда, черный кафтан с капюшоном и

черного же цвета шерстяные штаны были обильно вываляны в пыли, а одна из штанин к тому же вымазана навозом.

Наконец третьим, едва не ломая головой дверной косяк, ввалился охранник тавернщика.

— Хенриик, — орал контрабандист, тут он увидел Северина, — о, Сигмар, как здоровье? А ну глянь, тот голубчик?

Солдат встал, подошел к трясущемуся бандиту, в серых блеклых глазах которого стояла тоска и мольба. Сигмар уже хотел соврать, что это не тот, но повернувшись к Эйнару и увидев его суровый и требовательный взгляд, не решился.

— Да, он самый, я этого негодяя сразу узнал.

— Ну, все, отпрыгался, — пнул под ребра поджигателя Эйнар и, повернувшись, вновь завопил вглубь зала, — Хеен-рик!

— Чего орешь? — спускаясь по лестнице, отозвался тавернщик, тут он увидел скорчившегося на полу разбойника, — Нашел, стало быть, это славно.

Он потер руки и принялся раздавать указания:

— Лия — запри дверь, брат — тащи негодяя под лестницу, Сигмар, ты с идешь с нами.

И закипела работа. Служанка побежала к двери и задвинула на тяжелый засов, затем по очереди прикрыла деревянные ставни. Эйнар кивнул охраннику, который потащил связанного под лестницу, среди земли и сена он поднял едва различимое железное кольцо, открыв массивный люк, ведущий в подвал. Закинув туда поджигателя, охранник полез вниз, следом в подвал спустился контрабандист, хозяин таверны жестом пропустил Сигмара вперед. Северин подошел к лазу, в нем решительно ничего не было видно, но услышав ободряющие крики снизу, он подчинился.

Спрыгнув вниз, он вместо мягкой земли неожиданно ударился о каменный пол, по-прежнему вокруг царила полная темнота, руками он нащупал каменный свод над головой, который уже порос мхом и был слегка влажноватый на ощупь. Пригнувшись, Сигмар, пошел вперед, через некоторое время, выйдя в небольшую комнатку с невысоким потолком, этакий предбанник. Напротив лаза была крепкая деревянная дверь, за которой открывался достаточно широкий коридор, имеющий по бокам новые двери и решетки. В темноте спереди шел Эйнар, зажигающий закрепленные на стенах факелы, за ним волок узника за шиворот амбал тавернщика. Услышав за спиной шаги, Северин обернулся.

— Иди, иди, — подтолкнул его в спину Хенрик.

Сигмар пошел дальше, разглядывая подземелья, освещаемые скудным светом потрескивающих и коптящих факелов. По обеим сторонам коридора тянулись каменные стены, сложенные из крупных булыжников, через некоторые расстояние размещались широкие балки дубовых перекрытий. За одной из решеток сидел на лавке, поджав ноги, обросший и немый человек, не обративший на посетителей никакого внимания. Потолок был составлен из толстенных досок, щели между которыми были щедро заделаны паклей. Словом кричи — не кричи, наверху никто не услышит.

У последней из дверей процессия остановилась, Эйнар провернул ключ в замке, который мягко открылся. Зайдя за ними внутрь, Северин увидел в неверном, колеблющемся свете настоящую пыточную камеру. В центре ее находился крепкий, сработанный на совесть деревянный стул с зажимами для рук и ног, в стены были вмурованы железные кольца, рядом со стулом стояла жаровня, около нее столик с разбросанными на нем инструментами, одним своим видом вызывавшим страх и отвращение.

Подручный тавернщика усадил бандита на стул, закрепив его конечности. Тут солдат

заметил у Хенрика в руках небольшое ведерко с тлеющими углями, от которых исходил слабый красноватый свет. Тавернщик споро пересыпал содержимое ведра в жаровню и, поворошив немного угли, положил туда щипцы и пару непонятных железок. Затем хозяин подземелий подошел к пленнику.

— Кто тебя послал и зачем? — голос тавернщика не выдавал никаких эмоций.

Незадачливый диверсант молчал, лишь его зубы отплясывали чечетку. Хенрик вновь бесстрастно повторил свой вопрос и, не получив ответа, с размаху ударил сидящего по лицу, отчего голова поджигателя резко мотнулась в сторону.

— Говори, или я применю вон те милые шкуи. Хотя нет, стой, — он принялся отцеплять с пояса кожаный бурдюк, — Узнаешь? Хотел сжечь меня да? Теперь я тебя буду жечь, да по частям.

Хенрик открыл пробку, вылил содержимое на тряпицу и щедро намазал большой палец пленника, отчего в комнате запахло серой. Взяв в руку лучину, услужливо поданную охранником, тавернщик занес ее над темной жидкостью.

— Молчишь?

Ответа не последовало.

— Хм, ну, дело твое, — хмыкнул Хенрик и поднес тлеющий огонек лучины к руке узника. Дьявольски зашелестев, мгновенно вспыхнуло яркое пламя. Крики пытаемого, казалось, могли порвать барабанные перепонки Сигмара. Спалив мясо практически до кости, огонь потух. Бандит продолжал тяжело стонать, на лбу его выступила испарина. По одному кивку тавернщика, амбал подбежал к бочке, стоящей в углу, набрал ледяной воды в ведро и окатил пленника.

— Кто и с какой целью тебя послал? — продолжил допрос Хенрик.

— Я не могу... Он, меня, убьет, — медленно, с долгими паузами между словами, ответил разбойник.

— Ты не поверишь, но мы тебя в живых тоже оставлять не собираемся, вопрос лишь в том, что помрешь ты легко и быстро или долго и мучительно, — вмешался в разговор Эйнар.

А тавернщик принялся намазывать горючей смесью следующий палец на руке допрашиваемого. Поджигатель с ужасом наблюдал за манипуляциями Хенрика, наконец, он не выдержал и закричал:

— Я все скажу, все, только не надо больше, не надо!

Братья переглянулись и синхронно ответили:

— Ну, так говори.

— Меня послал господин...арххх, — забился в конвульсиях пленник, пена потекла из его рта, помучавшись еще немного, он замолк навсегда.

— Вот черт, сдох так невовремя, — ударил кулаком по спине амбала контрабандист.

— Сдается мне, что наоборот, как раз вовремя, похоже его наниматель умеет такое, что я даже и вообразить не могу, — нахмурился Хенрик.

— Может, сердце слабое было, — осипшим от волнения голосом добавил солдат.

— Может и так. Ладно, пошли наверх, от него все одно больше нет толку, — пожал плечами хозяин подземелий.

— Пойдем, — отозвался Эйнар, и компаньоны покинули комнату пыток.

Тавернщик оглядел с любовью свой подвал и заговорил с солдатом:

— Знал бы ты, Сигмар, что это за место. О, таверна хоть и хороша, но служит лишь для отвода глаз, главное находится здесь. Я выкопал и обустроил этот подвал давным-давно,

когда заведения наверху еще и в помине не было. Немалых трудов мне это стоило! Но, обсудим мои подземелья как-нибудь потом. Эйнар, ты сегодня идешь к Атмару?

— Да, ближе к вечеру он любит посидеть в саду, там мы его и навестим. Медлить нет смысла, я думаю, ему уже доложили о нашем прибытии, — ответил, почесывая живот контрабандист.

— Ну, тогда, в добрый путь, — напутствовал их тавернщик и полез наверх.

* * *

Крепкого телосложения мужчина в хорошем доспехе, по-видимому, стражник, быстро вышагивал по улице, скрежеща подкованными сапогами по брусчатке. Чертыхаясь вполголоса, он призывал все кары небесные на своего должника:

— Кишки выпущу твари, выпущу и сожрать заставлю. Вчера был момент, вчера должно было сделать, а сегодня уж поздно.

— Петр, — негромкий оклик застыл в ушах колокольным звоном.

Голос принадлежал человеку, чье появление никогда не предвещало ничего хорошего. Стражник развернулся и увидел перед собой лишь спину удаляющегося монаха. Оглянувшись по сторонам, он последовал за ним. Свернув в извилистые переулки трущоб Торгового квартала, они изрядно поплутали по тесным коридорам, образованным стенами неказистых построек, прилепившихся друг к другу, пока, наконец, не оказались в замусоренном тупичке, зажатом среди домов.

— Зачем ты подослал этого скудоумного? Зачем дал ему состав? — начал допрос, приблизившись вплотную к собеседнику монах.

— Я живу ради одной цели — убить этого проклятого контрабандиста. Вчера был отличный шанс осуществить мою мечту, но этот осел, этот тупица провалил задание. Вот только я его поймаю, — сделал недвусмысленный жест Петр.

— Ты уже никого не найдешь, твой подручный в лапах у врага. Можешь начать благодарить меня за то, что я немного поработал с этим червем, и он уже ничего не сможет выдать.

— Спасибо, — посмурнел стражник.

— Предупреждаю последний раз — это дело Ордена. Ты всего лишь наш помощник, хороший, не спорю, но ты не должен и шагу ступить без моего ведома. У нас есть общая цель, я обещаю, что Гарланд получит свое, но до этого нужно еще немало сделать, поэтому просто выполняй мои указания и не выдумывай глупости.

— Я понял тебя, больше не повторится, — как нашкодивший мальчишка, повесил голову Петр.

— Молодец, теперь стой тут, уйдешь после меня, как прочтешь пять гимнов Воину, — напутствовал стражника монах, а сам удалился, посильнее натянув капюшон своего одеяния.

Переодевшись в подобающие случаю одежды, компаньоны направились в город на аудиенцию к князю. Эйнар надел красную шелковую рубаху, вышитую золотой нитью на вороте и рукавах. Опоясанный наборным поясом с серебряными бляхами, ослепляющее ярко блестящими на солнце, он мерно шел по пыльной улице, описывая спутнику текущее положение дел и правила общения с Атмаром.

— Послушай, Сигмар, будь осторожен в том, что говоришь, лучше вообще молчи и кивай мне. Вкратце расскажу тебе историю здешних мест. Лет пятнадцать назад законного правителя этих земель, владений Флориана и тех, что называют себя Союзом трех, убило на охоте молнией, притом так удачно, что заодно погибли единственный наследник и правая рука короля, верховный канцлер, герцог Элинор, весьма любимый в народе. Естественно после такой смерти, мирно власть перейти не могла.

Они вышли из тесных улочек города, выросшего у стен, на широкую дорогу, кольцом опоясывающую сам Старгород и прилегающие земли. Дорога вела на Королевский тракт, исходящий от Главных ворот. Компаньоны шли по пыльной обочине, минуя крестьянские хозяйства, постоялые дворы и мастерские. Эйнар продолжал речь:

— Единая прежде страна развалилась на несколько кусков. Западные земли, те, что у моря, были объединены под главенством герцога Флориана, столицей он предсказуемо объявил свою родину — Эрендаль. Восточные земли объединил Атмар, объявив столицей Старгород, или как его называют на западный манер — Адальберг. Делали это оба огнем и мечом, но Флориан пока тебе не особо интересен, а вот князь Атмар. Атмар врагов своих не жалел, граф Ирвин, владетель Кирхема, был ослеплен и брошен в темницы, а третья часть его войска, из тех кто выжил в битве, была по жребию повешена. Вся его семья сгорела в пожаре. Виновником Атмар выставил охрану, дескать, недосмотрели, не доложили, но всем понятно, кто отдал приказ жечь, и почему оказались заперты все двери в том злополучном доме. Сам город он разумно рушить не стал, лишь взял щедрый откуп, чего не скажешь о Боровом. Если будешь там когда, то сразу заметишь, что почти все дома новые. Потому как лет восемь-девять назад Атмар спалил его дотла, а жителей, из тех, что не успели бежать в леса, продал в рабство. Графа Сельмо, объявившего себя королем, он четвертовал, сперва надев раскаленный обруч в виде короны на его голову. В общем, мужик он суровый и с выдумкой, разозлишь его — конец тебе, понял?

— Понял, — глухо отозвался озадаченный такими сведениями Сигмар.

А тем временем они уже подошли к Главным воротам. Огромные башни, сложенные из серых валунов тяжело нависали над путниками. Покрытые глиняной черепицей конусы крыши были увенчаны шпилями, на которых трепетали под порывами ветра знамена правителя Старгорода. Укрепления грозно ощерились бойницами, в которых можно было угадать орудия, похожие на древнеримские баллисты. Вправо и влево уходили высоченные каменные стены, громоздящиеся на земляных насыпях, на стенах через некоторые расстояния стояли башенки, уменьшенные копии главных башен, из которых за горизонтом наблюдали дозорные, готовые при любой опасности поднять тревогу.

— Пожалуй, немаленький корабль, можно бы построить из тех деревьев, что ушли на ворота, — подметил Эйнар.

— Да уж, — лаконично ответил Сигмар, с восхищением рассматривая сколоченные из

толстенных, мореного дуба досок врата, стянутые широкими железными полосами.

По Королевскому тракту тянулась вереница желающих попасть в столицу: крестьяне, ведущие повозки, нагруженные различной снедью, богато разодетые купцы, со всевозможными товарами, местные ремесленники и служители культа, словом пестрое население и гости города.

Компаньоны, однако, не стали долго ждать в очереди и под руководством Эйнара смело пошли вдоль толпы, заслужив немало злобных шиканий в спину и пару плевков в их сторону. Тем не менее, их никто не остановил, и они подходили к стражникам, перекрывающим вход в город. Небольшой отряд, состоящий человек из десяти, досматривал прибывающих, их груз, назначал и собирал плату. Одетые в добротные кольчуги, вооружены они были копьями и мечами. Шлемы их ярко блестели в лучах послеполуденного солнца, несмотря на жару, никто из отряда не выказывал усталости. Их начальник, здоровый, кряжистый мужик с густой бородой, в которой проскальзывали ниточки седины. Одетый в богатый ламеллярный доспех, единственный он был без шлема, обнажив свой уродливый шрам, пересекающий лицо, ото лба через бровь и переносицу, доходя до середины щеки. Сам он редко вмешивался в течение людского потока, находясь чуть поодаль, лишь внимательно наблюдая за происходящим. Увидев Эйнара, он нахмурился и, дождавшись, контрабандист подойдет поближе, заговорил:

— Ну, с чем пожаловал опять, а?

— А что же так злобно? Я, кажется, давно уже лично тебе зла не делал. А за то, что было, Атмар меня простил и тебе велел простить, разве не так? — с усмешкой в голосе ответил ему Эйнар.

— Так, да не так. Когда-нибудь я сам, лично, повешу тебя, ты будешь молить о пощаде, — глаза стражника горели гневным огнем, — но будет уже поздно, ты будешь хрипеть, задыхаться, твой поганый язык вывалится изо рта и никто, поверь, никто тебя не спасет, ни Никифор, ни сам Атмар.

— Я думаю, начальник стражи Старгорода не сильно обрадуется твоим словам. Он не очень-то любит, когда его друзьям угрожают так бесцеремонно, — не мигая, смотрел на стражника Эйнар.

— Проходи, не соблазняй меня прирезать тебя прямо сейчас, — лишь бросил в ответ воин.

Покачав головой и отвернувшись, Эйнар резко пошагал в сторону ворот.

— Угроздило же встретить этого старого осла, как в душу плюнул, — бурчал он себе под нос.

Уже на деревянном мосту, что был переброшен над глубоким рвом, вырытым перед городскими стенами, Эйнар отвлекся от своих дурных мыслей и счел возможным объясниться с едва поспевавшим за ним солдатом.

— Вот такие дела, Сигмар. Есть друзья, есть враги и есть Петр. Когда-то он был значимой персоной, в те времена за мою голову платили десять тысяч талеров, это около мешка серебра. Тогда он возглавил экспедицию по мою душу, снаряженную самим канцлером Элином, с благословения старого короля. Петр даже почти поймал меня, но всего лишь один человек из его отряда, всего один, польстившийся на мое предложение, а давал я ему двойную цену против назначенной, и все. На одном из привалов, в условленном месте, мы напали на охотников за головами и перебили всех до единого.

Ха, знал бы ты, как тяжело было сдерживать смех, когда из засады я слушал похвалы

Петра о том, как он приведет самого Гарланда-контрабандиста в цепях к королю, как получит свою награду, как, а впрочем, неважно. Короче говоря, на той лесной стоянке я искренне был убежден, что в живых не осталось никого. Но жизнь показала, как сильно я ошибался. Этот гад выжил и поклялся извести меня любой ценой. Ну а потом помер король, началась смута, всем стало не до меня, к тому же и зваться я стал другим именем. О, что это были за времена, в мутной воде всеобщей разрухи можно было поймать самую разную рыбу. Через некоторое время я поступил на службу к Атмару, что, несомненно, заслуживает отдельного разговора. В общем, князь, прослышав про нашу вражду, заставил Петра примириться со мной и отречься от своей жестокой клятвы. Петр, понимая, что выбора у него особо нет, пожал мою руку, но прошептал на ухо, что раздавит меня как змею.

Эйнар снова замолчал, углубившись в свои воспоминания, а тем временем путники уже подходили к величественному сооружению. Проходя через Королевские врата, Северин поразился толщине стен, в которых запросто могла поселиться целая деревня.

Когда они вышли на свет, взору солдата предстала достаточно широкая дорога, уходящая вглубь квартала. По обочинам теснились дома, прилавки, яркие вывески, заманивающие посетителей. Вправо и влево от врат, вплотную прилегая к стене, проходила опоясывающая квартал дорога поменьше. На улицах кишел людской поток, стоял шум и гам, где-то смеялись, где-то ссорились, над толчеей разносились крики неизвестного, яростно торгующегося покупателя. Эйнар уверенно шагал по вымощенной булыжниками мостовой, вбуравливаясь в толпу и увлекая за собой Сигмара. Попутно он как заправский экскурсовод описывал Сигмару открывающиеся виды:

— Это Торговый квартал, здесь находится самый большой рынок во всем княжестве, пожалуй, он уступит лишь эрендальскому, да и то не факт. Сюда свозятся товары отовсюду, богатейшие купцы подписывают рядные грамоты на тысячи и десятки тысяч талеров. Правда, чтобы платить меньше податей, большинство купцов хранят свои товары в Речном квартале или за городскими стенами на складах у причалов. Но нам нужно не сюда, в замок не попасть через Торговый квартал, лишь замковые стены смотрят на рынок. Основной вход в обитель Атмара находится в Дворянском квартале, у Судилища.

Эйнар увлекал своего спутника вглубь все теснеющих улиц. От ярких, богатых и относительно чистых мест они сместились туда, где обитал в основном темный люд. Множество лиц мелькало перед Северином: бегающие дети, горожанка, стирающая белье в кадке, наперсточники, громогласно предлагающие проходящим людям угадать, под каким из стаканов затаился шарик. Пару раз Сигмар чуть не попал по душ из помоев, которые щедро лили на головы горожан жители верхних этажей.

Наконец, они выбрались из застройки на небольшую, полукруглую площадь, отгораживающую проход в Дворянский квартал. После тесного многолюдья трущоб Северину даже стало легче дышать.

Благодаря Эйнару, показавшему стражнику небольшую грамоту со свисавшей сургучной печатью, они беспрепятственно миновали ворота в Дворянский квартал. И снова перед солдатом замелькали дома, особняки, монументальные каменные храмы, напоминающие средневековые католические костелы. Сигмар совершенно не представлял себе, где он находится, и нешуточно опасался потерять из виду своего товарища. Но красная рубаша Эйнара, с мокрым пятном меж лопаток, уверенно вела его в нужном направлении. Миновав большую, овальную площадь, с небольшим возвышением в центре, про которую контрабандист коротко буркнул: «Судилище», компаньоны подошли к вратам замка. Они

остановились, и Эйнар, отерев пот со лба, заметил:

— Зря спешили, кажется, успеваем, если он не изменил своим привычкам, то сейчас занимается фехтованием или вроде того. Ладно, зайдем, не здесь же торчать.

— Пойдем, конечно, — кивнул Сигмар.

Они подошли к дворцовой охране. У ворот вытянулся по струнке высокий, статный мужчина средних лет, в богатых полудоспехах, прикрывавших ноги до середины бедра. На его плечах покоился красно-черный шерстяной плащ, застежка которого была исполнена в виде оскалившейся песьей головы. Посеребренное навершие рукояти меча воина было украшено поблескивающими самоцветами, и с первого взгляда становилось понятно, что служит он человеку, облеченному высшей властью.

— Добрый день, господин Эйнар, — оглушительно рявкнул воин, заставив гостя недовольно поморщиться, и продолжил уже тише, — правитель справлялся о вашем приезде, можете навестить его в саду, где он будет принимать гостей через четверть часа.

— Благодарю, Хьелмир.

— Еще одна просьба, — склонил голову княжий человек, — вас просил зайти дука Никифор, на несколько слов.

— Конечно, зайду, куда уж я без него, — согласился Эйнар, и, указав большим пальцем на Сигмара, небрежно бросил, — этот со мной.

Компаньоны вошли внутрь. Петляя между замковыми постройками, они приблизились к трехэтажному зданию, сложенному из булыжников разных размеров и форм. Во двореке здания, окруженного невысокой, каменной стенкой, тренировались воины в потрепанных временах, но все еще крепких стеганках. Они окружили пару, фехтующую на затупленных железных мечах. Руководил собравшимися пожилой, кряжистый воин с массивной золотой гривной на бычьей шее. Он внимательно наблюдал за поединком и указывал подопечным на их промахи и слабые места, временами разнимая дерущихся, чтобы продемонстрировать им технику нанесения ударов. Северин, заглядевшись, пропустил момент, когда Эйнар вошел внутрь, и, услышав его окрик из дверей, встряхнулся и быстро прошагал внутрь.

— Добрый день, господин Эйнар, — слово в слово повторил приветствие новый страж, — дука Никифор у себя в кабинете.

Эйнар кивнул, и компаньоны поднялись наверх по винтовой лестнице, выйдя в неширокую, но длинную комнату, с лавками вдоль стен. У дверей за небольшим столом сидел писарь, носивший на носу устрашающего вида круглые очки. Увидев гостей, писарь вежливо поприветствовал их и пригласил к начальнику.

— Хе, ну как там старый лис, — пробормотал Эйнар, открывая дверь.

Сигмар немного колебался, раздумывая, стоит ли ему заходить к столь важной персоне, но его сомнения прервал здоровяк, рыкнув на Северина:

— Заходи уже, не бойся.

Однако, вопреки ожиданиям, в комнате их никто не ждал. В пустом зале слышались сквозь неприкрытые ставни лишь звуки тренировки воинов: звон столкнувшихся мечей, деревянный стук щитов, да окрики старшего.

Спустя мгновение, взгляду Сигмара предстал небольшой кабинет, стенки которого были заставлены шкапами с книгами в солидных, кожаных переплетах. Несколько сундуков, окованных железом, защищенных внушительными замками притулились в темном углу. Из окон, вымощенных разноцветными слюдяными пластинками, солнце вырисовывало на полу картины мифических птиц и пейзажей. За т-образным столом, заставленным кипами бумаг,

сидел широкоплечий, сурового вида мужчина, в задумчивости постукивающий по лежащему перед ним пергаменту длинным гусиным пером, утонувшим в крупной ладони. Одет он был в темно-синий дублет с расстегнутым воротом, из которого виднелась массивная золотая цепь с амулетом. На пальцах сановника поблескивали золотые перстни, один из которых имел замысловатую печать. Его лицо было словно высечено из камня — нос с горбинкой, карие глаза, вертикальные морщины, пробороздившие лоб, тяжелая челюсть и прямые скулы. Северин про себя отметил, что не хотел бы быть у такого человека в недругах. Увидев вошедших, дука отбросил перо, резко поднялся и пошел им навстречу:

— О, ты пришел, мой друг, — звучным басом обратился он к Эйнару, пожимая ему руку и хлопая по плечу, — ну как, не поранился на княжеской службе?

Развязного и хитрого Эйнара словно подменили, скромно потупившись, он ответил:

— Пока все в порядке, живой хожу. Вот, решил навестить тебя, раз уж я в Старгороде.

— Конечно, правильно сделал, проходи, присаживайся, — Никифор обошел стол, достал из ящика объемистую бутылку и три серебряных кубка, угостись с дороги, друг, и ты...

— Сигмар, его зовут Сигмар, мой новый компаньон. Он уже проверен в деле, будь спокоен, дука, — представил Северина контрабандист.

— Рад знакомству, Сигмар, — испытывающе смотря в глаза солдату, произнес Никифор.

Они сели за стол, и дука налил гостям вина, от которого исходил приятный, сладковатый аромат.

— Ты, я полагаю, к Атмару, — заговорил начальник стражи.

— Да, надо доложить о задании, узнать, быть может, еще чего надо сделать.

— Сложно было?

— Случалось и хуже. В этот раз хороший план, четкая работа и вот уже трофей у меня.

— Ты в этом деле испытал своего товарища? — вновь уставившись на Сигмара, осведомился дука.

— Нет, на его счету один флорианец, мы повстречали их разъезд на пути в Старгород.

Никифор заскрипел зубами, слегка ударив кулаком по столу:

— Эти подлецы совсем обнаглели, вот здесь, — показал Никифор назад, — три сотни донесений и жалоб от самых разных людей. Эскадроны флорианцев обирают наших путников, нападают на малые отряды и гарнизоны, разоряют приграничные деревни.

Тут дука заметил нетерпеливое выражение лица Сигмара:

— Я вижу, ты хочешь что-то добавить, отрок, так говори.

— Я сам видел, своими глазами. Пожгли дома, людей всех поубивали, одного старика в живых оставили, да их самих всех на сучьях развесить надо.

— Ха, я думаю также, — гулко засмеялся Никифор, — но дело тут посложнее будет, кого поймаем, конечно, казним, а что потом?

Дука повернулся к Эйнару:

— Есть чувство, что Флориан неспроста их сюда засылает, как думаешь?

— Ясное дело, что ничего не ясно, но действительно похоже на провокацию перед атакой. Ты казнишь пару бандитов, а герцог объявит, что его поданных нагло убили, надо восстанавливать справедливость и все пошло-поехало.

— Да знаю я, знаю, — раздраженно махнул рукой Никифор, — хуже того, отправь мы туда войска, как дадим повод Флориану начать войну, вроде как в предупредительном порядке. И перед всеми он чист, вот ведь Атмар на границе войско собирает, что ему, ждать

что ли?

Контрабандист, внимательно слушавший Никифора, возразил:

— Но и ничего не делать нельзя, стерпишь — почует слабинку и точно нападет.

— Куда ни кинь, всюду клин, но ты прав, терпеть нельзя. Говорил я князю, говорил и не раз, о войске заботься в первую очередь. А он построим это, построим то, храмовникам отвалил кучу денег, колдун его тоже не бедствует и Бо-ро-вое, — с надрывом произнес последнее слово по слогам, дука поднялся и заходил по кабинету, — я предупреждал его тогда, не надо жечь город, который уже твой. Он не послушал, и самому пришлось отстраивать его заново. Дома, мануфактуры, а люди — людей чем заменишь? Знаменитые мастера, которых пришлось выкупать из рабства, заманивать из других мест, столько денег мы угрохали на все это, и только сейчас город стал давать в казну, а не забирать. Но ведь далеко еще до предсмутных времен. Мы могли снарядить несколько тысяч латников, которые железной стеной встали бы на пути этого кичливого наглеца Флориана. А теперь, как нам быть? У герцога таких проблем нет, его морские порты стабильно приносят золото, наемников, все, что нужно для войны.

Никифор тяжело бухнулся в кресло:

— Нужно много думать, но тебе уже пора к Атмару, скажи напоследок, каков твой совет?

— Мстить, ловить бандитов и наказывать, делать вылазки, перемещать рати к границе и готовиться к войне, мне так кажется, она неизбежна, — подумав, ответил Эйнар.

— Спасибо за совет, друг, я надеюсь, ты не откажешь мне в помощи, буде такая понадобится?

— Все что в моих силах, я сделаю, клянусь, — прижав руку сердцу, отозвался контрабандист.

Вдвоем с Сигмаром они поднялись из-за стола и принялись выходить из комнаты, уже в дверях их настиг внезапный вопрос Никифора:

— Через какие ворота вы вошли в город?

— Мы прошли сквозь Главные, а что? — пожал плечами Эйнар.

— Значит, встретил Петра. И что он тебе опять наговорил? — нахмурился дука.

— Все то же, ничего нового, ничего, о чем стоит беспокоиться.

— Отнюдь, мой друг, мои источники докладывают, что он снюхивается с твоими врагами, чтобы тебе насолить. Так что, будь осторожен.

— Хорошо, Никифор, буду.

— Если что узнаю, то сообщу и тебе и Атмару, — поразмыслив, добавил дука.

— Благодарю, ну а сейчас действительно пора, князь уже наверняка начал прием.

Сердечно распрощавшись с сановником, компаньоны вышли из кабинета и направились к Атмару.

Князь принимал гостей в своем саду. В тиши яблоневого сада, под сенью замковых стен. Практически без охраны, в простом, домашнем наряде он сидел за столом, уставленным фруктами и вел неспешную беседу со своим советником, персоной в высшей степени неординарной.

Пожилой уже человек, много повидавший на своем веку. Его лицо было испещрено морщинами и носило печать мудрого, всезнающего спокойствия. Обритый под ноль советник носил короткую бороду, которая, контрастируя с общим видом, была черна как смоль. Взгляд его зеленых глаз был тяжел, в нем чувствовались недюжинная воля, энергия и

мощь. Несмотря на жару, он был одет в шерстяную робу с капюшоном, открывающую шею, на которой висел огромного размера сапфир. Камень был огранен шестигранником и заключен в серебряную оправу. Никаких иных украшений, кроме сапфира и замысловатого браслета в виде змеи, обвившей руку, советник не носил.

Сидевший во главе стола князь напротив имел на себе немало драгоценностей — на его светлых волосах сидела украшенная крупными рубинами корона, а шею украшал крупный карбункул в золотой оправе, висящий на массивной золотой цепочке. Лыдистые, голубые, с уклоном в стальной цвет глаза, не мигая, смотрели на собеседника. Время от времени правитель, поблескивая перстнями, отрезал богато изукрашенным ножом кусочки от лежащего перед ним яблока. В целом, он неуловимо напоминал Сигмару начальника стражи. Массивным ли и упрямым подбородком или общей монументальностью черт лица, Северин сказать не мог, но сходство явно было.

— Поклонись в пояс, — прошипел солдату Эйнар.

Из сада послышался окрик Атмара стражникам:

— Пропускай, эти могут войти.

Компаньоны вошли и склонились в пояском поклоне:

— Здрав будь, княже.

— И тебе не хворать, Гарланд. И кого же ты привел с собой?

— Меня зовут Сигмар, ваше величество.

— Можешь звать меня просто — князь, княже. Пышными титулами пусть балуется Флориан, алефтарийцы, да кто угодно, а я как отец для своего народа, мне все это ни к чему, — Атмар повернулся к здоровяку, — значит это твой новый компаньон? Понимаешь ли ты важность выбора друзей в таком деле?

— Да, княже, я все понимаю. Но мне давно уже нужен был надежный товарищ, который был бы посвящен в мои дела и которому бы я смог доверять целиком и полностью, — вступился за Сигмара контрабандист.

— Ох, Гарланд, зная тебя, я уверен, что ты не посвятил своего друга в детали нашего сотрудничества, предложив ему работу. Юноша, ты знаешь, что будет, если вы провалите задание? — вновь обратился к солдату Атмар.

— Нет, — сердце Северина застучало гулко и быстро, а во рту пересохло от волнения.

— Ты будешь счастлив, если умрешь быстро, — усмехнувшись, поведал Сигмару правитель и, обращаясь к Эйнару, продолжил, — скажи мне, ты привез, что должен был?

— Да, мой князь, груз в таверне у брата.

— Замечательно, Гарланд, твоя шея спасена. Обещанную награду получишь, когда Малик придет забирать вещь. Ты слышал? — правитель едва заметно повернулся к советнику.

— Да, мой князь, — отозвался таинственный помощник Атмара.

— Ты готов к новому заданию, Гарланд?

— Конечно, мой князь, я всегда рад служить интересам нашего мудрого правителя.

— Я не ожидал другого ответа и рад твоему рвению. Это задание несколько отличается от предыдущих, я даже разрешаю тебе не выполнять его, в разумных пределах конечно. Я имею в виду, что не казню тебя в случае неудачи, но только тогда, если ты убедительно докажешь мне, что предпринял все возможные усилия для исполнения моей воли. Малик объяснит подробнее.

Все это время пристально рассматривавший Сигмара колдун заговорил, голос его был

вкрадчив и словно бы обволакивал собеседника.

— Видишь ли, Гарланд, ты немало сделал для пополнения княжеской коллекции, но в ней очень хорошо смотрелся бы еще один предмет. Существование его находится под вопросом, хотя лично я уверен, что он есть. К делу, в деревнях и селах близ Суравы бытует легенда о демонах, которые на лесных дорогах, в глухих чащобах и на опушках крадут беспечных путников, а потом то ли поедают их живьем, оставляя лишь обгрызенные кости, то ли утаскивают в свои подземные обиталища, где пленников опять таки не ждет ничего хорошего. Также, копаясь в архивных документах, я наткнулся на довольно интересную историю.

Барон Зельдер, владелец замка Рильке и небольшого лена, состоящего из менее чем десятка деревень, раскиданных вокруг замка, получил сообщение о странных волнениях в деревне Белая речка. Крестьяне, стихийно поднявшись, сожгли дом местного егеря Фавнира вместе с ним самим, всей семьей и лучшим другом, который попытался остудить горячие головы, встав между толпой и домом охотника. Зельдер, хорошо знавший Фавнира и не один раз выбиравшийся с ним на охоту, был крайне раздосадован случившимся и немедленно отправился туда с отрядом воинов. Прибыв в деревню, он согнал всех на одну улицу и собирался уже начинать суд, как внезапно появились новые действующие лица. К месту суда прибыли воины Ордена и его преосвященство, борец со скверной и защитник чистоты веры, храмовник из конгрегации защиты веры при Храме Незримого. Он объявил растерявшемуся барону, что расследованием происшествия, в котором замешаны хулителы веры и смутители умов честных прихожан, теперь займется Храм. Зельдер, не решившись вступать в борьбу с представителями духовной власти, тем не менее, отправил грамотку с кратким отчетом своему сюзерену в Сураву, собственно говоря, из нее я и узнал о событии.

Колдун прервался, отпил из своего кубка, не отрывая взгляда от собеседника, и продолжил:

— О, я вижу, ты догадался, что это не конец. Действительно, хотя мне и стоило больших трудов добраться до закрытых документов Храма, но оно того стоило и я узнал продолжение истории. Проведенное храмовниками расследование выяснило, что где-то за полгода до произошедшего Фавнир с сыном отправился на охоту. Там, по нелепой случайности медведь задрал сына егеря и тот умер на руках охотника. Егерь вернулся из леса неузнаваемый, помолодевший, со странным блеском в глазах. Фавнира будто подменили. Похоронив сына, он принялся распускать еретические речи о том, что все верят неправильно и воплощения Незримого, поклонению которым учит Храм, есть обман. Что иное, достойное поклонения воплощение — это Жнец, несущий с собой смерть и болезни, но могущий отвратить их от своего адепта.

Большинство, в том числе и местный священник, списывали все на потрясение от внезапной смерти близкого человека, но были и те, кто прислушался к проповедям Фавнира. На следствии храмовники выявили круг этих людей. Некоторым удалось сбежать, остальных же после допроса и пыток сожгли на кострах. В пыточной камере прояснились новые детали этой истории: Фавнир в лесу наткнулся на идол Жнеца, когда медведь в лесу поранил сына егеря, то кровь несчастного попала на идол и тот заговорил с егерем. Неизвестно, что именно он ему сказал, но Фавнир крепко поверил, что принося Жнецу человеческие жизни, он продлит свою жизнь. Позже, найдя единомышленников, он совместно с ними проводил кровавые ритуалы, излавливая для того своих односельчан. Поначалу местные жители не обратили внимания на связь между егерем и пропавшими в лесу людьми, даже обращались к

нему за помощью, предполагая появление в округе зверя-людоеда. Но потом в какую-то светлую голову пришла идея — а не Фавнира ли это рук дело? Вскоре нашлись свидетели, и вот уже беснующаяся толпа в праведном гневе запирает все двери и поджигает дом.

А теперь проследи взаимосвязь: лес, демоны, пропадающие путники. Не внучата ли Фавнира балуются на дорогах? Быть может, охотник не сгорел тогда, а сбежал, заранее предполагая такой исход. Храмовники, конечно, проверяли и такую версию, но не нашли ни его следов, ни идола, ни алтаря. Надеюсь, тебе повезет больше. Твоя задача такова: езжай в те края и любыми путями вызнай про их расположение. Можешь ловить на живца, — тут колдун посмотрел на Сигмара таким взглядом, что у солдата свело живот, — можешь искать их в лесу, решай сам. Главная цель — статуя Жнеца, она будет жемчужиной коллекции. По возможности добудь и ритуальное оружие, но это не основная цель. И вот еще, в крайней нужде, можешь обратиться к суравскому маркграфу, но помни, идол жнеца любыми путями должен оказаться в коллекции князя, и о нем не должны пронюхать храмовники.

Помолчав и найдя слов, колдун обратился к Атмару:

— Я все сказал, мой князь.

— Ты понял задание? — пронзил Эйнара взглядом правитель.

— Да, княже, я предприму все усилия.

— Не сомневаюсь, но справится ли твой юный друг?

— Я в нем уверен, на его счету уже один флорианец. Он заколол его на моих глазах как свинью, — хлопнул Сигмара по плечу здоровяк.

Брови правителя взметнулись, он уже с большим интересом разглядывал Сигмара.

— Славный юноша, есть ли у тебя ко мне просьбы?

Северин, робея, ответил:

— Да, мой князь, в пути я встречал разграбленную деревню на берегу моря, Эрейе, там в живых остался один лишь старик, у которого эти живодеры убили всю семью. Он просил меня доложить об их беде.

— Что ж, ты доложил. Молодец. Я скажу нужным людям заняться этим делом, ну а тебе, за твое доброе сердце, я жалую пятьдесят талеров.

Правитель щелкнул пальцами, и внезапно перед столом появился человек из прислуги, держащий в руках небольшой кожаный кошель, перевязанный бечевой. Северин принял неожиданную награду и склонился перед князем:

— Благодарю, мой князь.

— Я принимаю твою благодарность, а теперь, — князь хлопнул в ладоши, — что ж Гарланд, Сигмар, меня ждут новые посетители, посему если вам ясно задание, то можете идти, и пусть вам сопутствует успех.

Компаньоны, раскланявшись, вышли из сада.

Споро преодолев путь из замка, они достигли площади, именуемой Судилище. Только сейчас Северин заметил стоящее во главе здание, увенчанное высокой башней. В этой башне, сложенной из серого камня, разместился часовой механизм с диковинными значками на циферблате, короткая стрелка часов указывала вертикально вниз. Выглядели часы весьма и весьма внушительно, искрясь в мягком свете склонившегося к горизонту солнца. Эйнар, заметив удивление на лице солдата, пояснил:

— Творение альгисских мастеров, таких не больше пяти по всем землям бывшего Сиртийского королевства, Атмар угрохал кучу денег и времени, чтобы их возвести, но мне кажется, что оно того стоило. Ты только взгляни.

Северин покивал головой, восхищенно оглядывая невиданное им доселе творение человеческих рук. Еще немного поглазев на башню, компаньоны двинулись дальше.

— Хорошо бы нам остановиться здесь или в Торговом квартале, я показал бы тебе парочку чудных заведений, но ты слышал, — Эйнар вздохнул, — груз заберут сегодня, а значит вечером нужно быть у брата в таверне.

— Но колдун же не сказал, когда придет забирать груз, — возразил Северин, которому очень не хотелось тащиться обратно через весь город.

— Это понятно и так, отправит своего Молчаливого, и попробуй не выполни, чего он там принесет, — отмахнулся Эйнар.

— Молчаливого?

— Ах, да, ты не знаешь. Когда придет, то сам увидишь, что это за люди. Интересные ребята — без языка, появляются внезапно, как тени и приносят письма от Малика. Он общается с ними на языке жестов, который ведом только ему, колдун доверяет им любые задачи.

Компаньоны замолчали, идя по улицам Старгорода. Уже вечерело, и вокруг них прогуливались степенные особы с охраной, семенили экономки, неся в корзинах ужин для своих хозяев, временами, звеня доспехами, деловито проходили мимо патрули стражников.

— А пятьдесят талеров — это много? — задался вопросом Северин.

— Да так, смотря для кого. Тому старику на берегу моря хватило бы отстроить новый дом, купить корову, еды на зиму и посевные, да еще и осталось бы, а вот мой брат в кости иной раз и побольше просаживает за раз. Или вот, ты его кинжал видел, который с костяной ручкой? Так вот, он 400 талеров стоит, но не бойся, если выполним задание Атмара, то денег изрядно получим, за раз не прогулять.

Слово за слово, разговор затянулся, и компаньоны не заметили, как оказались у таверны Хенрика. Расцветенное бордово-красными лучами закатного солнца здание уже не казалось таким угрюмым и мрачным, как при первом впечатлении. Хенрик встретил гостей у порога:

— Ну как, брат, все нормально прошло?

— Да, сегодня Малик придет забирать груз.

Хенрик немного нервно поправил пояс:

— Пусть приходит, ключ ведь у тебя? — дождавшись кивка Эйнара, он положил руку на плечо Сигмару, — ну, а как наш юный друг, не упал в грязь лицом?

— Вроде бы, нет, — улыбнулся солдат.

— Ладно уж, не стесняйся, прямо скажи, князю ты глянулся, — подмигнул Северину здоровяк, — у него аж брови на лоб полезли, когда он узнал, что ты флорианца подрезал.

Хенрик свистнул прислуге:

— Эй, там, тащите в хозяйскую поесть что-нибудь, да вина не забудьте, а вы, друзья, проходите, располагайтесь.

Тройка дельцов прошла в личную комнату тавернщика.

— Значит, теперь отдыхаешь, — обратился к брату Хенрик.

— Увы, но нет, вскоре мы отправляемся в Сураву.

Тут Эйнара прервала открывшаяся дверь, из которой пролезшая голова прогундосила:

— К вам пришли, хозяин.

Тавернщик кивнул и в комнату вошел человек в робе, как две капли воды похожей на одеяния колдуна. Лицо вошедшего было даже не бледным, а скорее бесцветным, глаза его были пусты и не выражали никаких эмоций. Коротко поклонившись, незнакомец подошел к

Эйнару и вручил ему маленькую записку. Эйнар развернул ее и, пробежав глазами по строкам, резко поднялся:

— Мне пора, друзья. Вернусь, как смогу.

Едва за здоровяком захлопнулась дверь, как в комнату вошла Лия с еще одной, незнакомой Сигмару девушкой. Они несли на руках подносы уставленные вкусностями: тарелки с ароматной, дымящейся ухой, в которой плавали огромные куски белой рыбы, запеченные целиком куриные тушки, истекающие жиром и дразнящие своим запахом обоняние голодного Северина, пироги с самыми разными начинками, тарелку с круглыми свежими булочками и, наконец, несколько кувшинов с медом и ягодными морсами.

— Я не знала, что господин Эйнар так скоро уйдет, и принесла на троих, — прошептала Лия.

— Ничего, он скоро вернется, ты все правильно сделала, — произнес Хенрик и поднял кубок, — ну а теперь к столу, твоё здоровье, Сигмар.

За едой плавно потянулся разговор, начатый словоохотливым тавернщиком.

— Как тебе князь? Суровый? — поинтересовался у солдата Хенрик.

— Да, но честно говоря, меня больше впечатлил дука Никифор, я думаю, его враги долго не живут.

— Правильно думаешь, моему брату крепко повезло, что такой человек у него в друзьях, хотя, казалось бы, что может быть общего между контрабандистом и начальником стражи, а вот гляди же ты, есть все-таки.

— Ага, охрана у него внушительная, песьи головы на шлемах и пряжках, — вспоминал события дня Северин, жуя пирожок с луком.

— Песьи головы? — переспросил Хенрик, усевшись поудобнее и оседлав любимого коня, принялся повествовать.

— Ты знаешь, откуда они взялись? Хотя конечно нет, ну так слушай. Это от родового девиза Атмара: «Верный как пес». Этот девиз вместе с графским титулом пожаловал прапрадеду Атмара старый король Сирта, Мальтир, за то, что тот предотвратил заговор и покушение на короля. Предыстория этого события такова.

Сиртийское королевство, ведомое мудрым Мальтиром, на протяжении десятилетий собирало окрестные земли, готовило армию к главной цели — Старгородскому княжеству, которое в ту пору погрязло в спорах и междоусобицах. И, наконец, этот день настал, князь Ингвар ожесточенно сопротивлялся, но силы были явно неравны, в итоге часть знати княжества сговорились с Мальтиром и добровольно перешли под его руку, получив баронские и графские титулы. Некоторые считают, что определенные договоренности Мальтир заключил еще до войны, обеспечив себе победу.

Так или иначе, Старгородское княжество перестало существовать, а его земли были разделены между сподвижниками и знатью Мальтира. Кроме того, часть земель осталась под рукой прежней владетелей. Само собой, новые хозяева смотрели на старых, не скрывая презрения. Еще бы, они, сиртийцы, победители, а эти, мало того, что побежденные, так еще и предатели. Случались поединки и даже вооруженные столкновения на порубежных землях старой и новой знати. Кое-кто начал говорить об отделении, о восстании против Сирта. Распространившиеся слухи о слабом здоровье Мальтира подстегнули развитие заговора. Предок Атмара, барон Самир, был одним из самых активных участников заговора, однако, его немало смущало отсутствие у заговорщиков хоть какого-нибудь плана обустройства страны после войны. Разумно решив, что даже если они победят, то впоследствии съедят

друг друга как пауки в банке, он запросто сдал всех Мальтиру, который вопреки слухам был жив и здоров. Более того, эти слухи распространялись с его ведома, чтобы выявить неблагонадежных. В итоге, заговорщиков казнили, а часть их земель вместе с графским титулом и знакомым тебе девизом была пожалована барону Симиру.

Вот так, тем более интересно, зная историю, что граф Атмар, став правителем Альдабергского герцогства, назвал себя князем, а не герцогом или королем, и вернул этим землям свое древнее прозвание — Старгородское княжество. Хотя нельзя не отметить мудрость его решения, вместо того, чтобы замахиваться на громаду всего бывшего Сиртийского королевства, он удовольствовался меньшим и преуспел со всех точек зрения.

— А как же дука Никифор? — задал вопрос, с жарким интересом слушавший тавернщика, Сигмар.

— Его звание князь пожаловал Никифору за заслуги, этот титул примерно равен герцогу. Предок Никифора носил его по праву, но ввязавшись в борьбу за трон базилевса, потерял все и бежал в Сирт, где ему пришлось начинать жизнь с чистого листа. Как видишь, Никифор умнее своего пращура и вознесся на вершину. Став правой рукой Атмара, он не забывает о главном — правители никогда не прощают даже малейших попыток покушения на их власть, а потому Никифор беззаветно и преданно служит князю, в то же время, являясь вторым человеком во всем княжестве. Его имя известно даже в самых отдаленных деревушках и не найдется такого дурака, который бы рискнул с ним враждовать. Ну, а теперь, выпьем же за успех нашего дела.

Опустошив кубки, они продолжили беседу, а в это время Эйнар с Маликом и двумя Молчаливыми, пробираясь сквозь подземный ход к подземельям, скрывавшимися под таверной «У Стены». Хенрик и сам не мог сказать, к чему он отстроил такие катакомбы. Стоит лишь отметить, что ход от них вел в канализацию Старгорода, и Хенрика всегда имелась возможность скрытно попасть в город. Другой ход вел к причалу на берегу реки, где стояла лодка, накрытая просмоленной парусиной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Эйнар и колдун, пройдя по извилистым катакомбам, наконец, достигли подвала. Наверху гулял народ, играли музыканты, кое-кто рвался в пляс, но здесь, внизу, царила гробовая тишина, изредка прерываемая звуками капающей воды, да потрескиванием горящих факелов. Отперев одну из дверей, они вошли в хранилище, в центре которого находился тот самый груз, который Эйнар добыл с большим трудом. Это была мастерски выполненная фигура рогатого демона. В янтарных глазах статуи отражался свет факелов, и казалось, что в них стоит пламя. Когтистая рука демона сжимала плетъ из красного мрамора, которая создавала впечатление напитанной кровью. Другая рука указывала на стоящего перед статуей, словно бы готовясь схватить и поставить на колени. На лице демона застыла ужасная гримаса безумной радости, полуоскал-полуулыбка. Контрабандист старался поменьше глядеть в сторону фигуры. Малик же, напротив, осмотрел ее со всех сторон:

— Замечательный экземпляр, именно то, что нужно. Отличная работа, Гарланд.

Колдун повернулся к Молчаливым и показал им несколько жестов, один из них достал из своей робы два увесистых кошель и передал их Эйнару. Тот поклонился и ответил:

— Рад служить, господин.

А колдун все смотрел и смотрел на статую почти с обожанием и, обращаясь ко всем и ни к кому, произнес:

— Документы Храма, свидетельствуют о том, что еретики, у которых Орден собирался

добыть эту статую, приносили ей человеческие жертвы. Быть может, ваше столкновение на дороге не случайно и это существо привлекло кровопролитие.

— Так и было, когда я посетил их собрание, они как раз... Словом, я полагаю, вы можете забрать идола, господин. Если честно я немного неуютно чувствую себя рядом с ним, — поежился Эйнар.

— Да, конечно, ты прав, — Малик показал слугам, и те принялись упаковывать статую.

Вернувшись в таверну, Эйнар вошел в хозяйский зал, где пировали его товарищи, и бухнулся на лавку. Он схватил кусок пирога и принялся молча поглощать его, с торжествующим видом глядя на Сигмара и Хенрика. Немая сцена затянулась, тут контрабандист не выдержал и, достав из-за пазухи два кожаных кошель, кинул их на стол:

— Поздравляю, брат, мы стали богаче на три тысячи талеров.

Последовали возгласы, объятия, поднятые кубки и требования принести еще вина. Попутно Эйнар делил добычу:

— Так, Хенрик, нам с тобой поровну, по полторы тысячи, еще я не могу обделить Сигмара, он сильно выручил меня на дороге, поэтому из своей доли я выделю ему полторы сотни талеров. А уже завтра утром мы пойдем их тратить. Поездка нам предстоит опасная, а значит, тебе нужен доспех покрепче, опять же ни щита, ни меча у тебя нет. Так, что еще? Брат, обеспечишь нам провиант в дорогу?

— Без проблем, все самое лучшее, — согласился таверщик.

— Я решил, что в Сураву мы отправимся на лодке. Завтра поищем подходящую в Речном квартале или у причалов. Еще, я так думаю, стоит нанять трех-четырех бойцов, времена беспокойные, врагов много, а прикрытия у нас есть.

— Какое прикрытия, зачем? — вмешался Северин в рассуждения Эйнара.

— Ну, ты же не собрался всем и каждому рассказывать про Малика и его задание, а объяснить местным чего ты приперся в их деревню, да еще и с воинами, придется. Именно на этот случай Малик выдал мне грамотку, что мы с тобой расследуем пропажу путников в Суравском маркграфстве, ищем разбойников по заданию самого Никифора, словом железное прикрытия, так-то.

— А каков твой план, в общем? — поинтересовался солдат.

— В общем, приедем — на месте разберемся. Ну а так, я думаю...

Их совет продлился до полуночи и уже изрядно уставший Сигмар поднялся к себе наверх. Он сел на свою соломенную кровать и оглядел комнату. Затянутые бычьим пузырем узкие окна, масляный светильник у двери, который коптел и чадил, покрывая потолок пятнами сажи. Северин встал, потянулся и снял с себя рубаху. Поотжимавшись и отработав несколько ударов, он встал перед окном, через дыру в котором проникал поток свежего, ночного воздуха. Он размышлял о произошедших событиях и грядущих вызовах:

— Сигмар Северин, порученец дуки Никифора. Пожалуй, это звучит лучше, чем рядовой Северцев. Хотя ставки в этой игре высоки, как нигде. Но разве у меня есть выбор? Бежать? Нет, ведь куда бы я ни пошел, этот Атмар найдет меня. И тогда все, конец, потому что я знаю уже слишком много.

Решив прервать поток безрадостных мыслей, Сигмар прибег к проверенному средству и попросту завалился спать, даже не раздеваясь.

В этот самый момент, Малик с князем оглядывали трофей, занявший свое место в коллекции правителя. Колдун с жаром доказывал Атмару:

— Мы почти у цели, вся свита в сборе, осталась лишь центральная фигура, Жнец, и

древняя легенда воплотится в реальность, — он нараспев прочитал, — отнимающий жизнь, да дарует ее, насылающий болезни, да избавит от них.

Атмар слушал, медленно прохаживаясь вдоль каменных изваяний. Хотя они изображали разные сущности, с первого взгляда становилось понятно, что вышли они из-под руки одного мастера. Смеющийся, пузатый обжора, олицетворяющий чревоугодие, крылатая демоница, сжимающая своими когтистыми лапами пышную грудь, чьи рубиновые глаза заглядывали в самые потаенные уголки человеческих желаний, покрытый струпьями, гниющий демон, склонивший голову и исподлобья смотрящий на посетителя. Всего восемь фигур, изображающие семь грехов и демон, насылающий болезни. В коллекции Атмара не хватало одной статуи — правителя этих демонов. Жнеца, несущего с собой смерть, горе и разруху. Наконец, Атмар заговорил:

— Мы прошли с тобой долгий путь, Малик. Ты не раз доказывал мне свою верность, не раз выручал меня, а смерть старого короля и вовсе стала моим спасением и вознесла на вершину власти. Но, все же я сомневаюсь, вечная жизнь и свобода от старческой дряхлости, возможно ли это? И что царь демонов потребует взамен? По плечу ли мне будет такая цена?

Малик встал перед правителем и, глядя ему в глаза, мягко заговорил:

— Не время сомневаться, мой князь, я увидел в камне твою победу, верь мне, как верил всегда, и я не подведу. Древняя легенда исполнится, враги будут сокрушены.

— Даже если бы я тебе не верил, бессмертие это слишком притягательная вещь, чтобы хотя бы не попытаться. Но оставим бесплодные терзания, что еще показал тебе камень, что Флориан?

Малик ушел от прямого ответа:

— Я не вижу в нем так же ясно, как сейчас наблюдаю тебя перед собой, это лишь образы, смутные предзнаменования. Но из того, что увидено, я понял одно — будет война, и ты выйдешь из нее победителем.

Опасное задание

Следующим утром, проснувшись и позавтракав, компаньоны начали подготовку к походу.

— Вчера я забыл про наши трофеи. Посмотрим, может для тебя уже есть щит и меч, да и кольчужку примеришь, — сообщил за завтраком Эйнар.

После трапезы, они вышли на задний двор трактира, где лежали приготовленные вещи. Эйнар обрядил Сигмара в стеганый поддоспешник, одел сверху кольчугу, которая пришлась весьма впору, дал в руки щит и дубину вместо меча.

— Одевайся, — сказал он, — мечом позже попробуешь, хороший меч, железо годное, баланс соблюден, оставишь его себе.

Затем, оглядев вооруженного Северина, он крепко погонял его по двору. Солдат бегал, прыгал, приседал и не раз вспомнил родную часть, где похожим образом носился в бронежилете.

— Я смотрю, носить бронь тебе не впервой, это хорошо, меньше придется привыкать, — подметил Эйнар.

— Да, — ответил Сигмар, — у меня даже потяжелее была, а эта лучше, прямо по фигуре идет.

Критично осмотрев трофейные шлемы, контрабандист принял решение купить Сигмару новый:

— Шлемы у них, курам насмех, стены они долбили головами чтоли, другой возьмем, а заодно и броню тебе усилим, купишь чешуйчатый доспех, отличная вещь. Тяжелая и дорогая правда, но может не раз тебе жизнь спасет, как мне в свое время.

А тем временем, тренировка продолжилась.

— Возьми щит, и прими стойку, — приказал Сигмару контрабандист.

Тот вспоминая занятия по ТСБП ВВ [это Тактика служебно-боевого применения внутренних войск] исполнил требуемое:

— Вот так?

— Да, примерно, — внезапно, разбежался и врезался в щит Эйнар, — молодец, не упал, равновесие держишь.

После этого они оба со щитами и дубинками начали тренировочный бой.

— Я вижу, тебя учили биться в строю, это хорошо конечно, но в нашем ремесле бывает и один на один, и один на троих, из-за спины врасплох напасть, тоже по-нашему, так что давай попробуем.

Для начала контрабандист сделал ложный выпад и, ударив по щиту Сигмара сверху, резко ударил ногой вниз, целясь по голени Северина. Однако солдат оказался не промах и вовремя подобрал ногу под щитом, памятуя о схожем случае на занятиях, когда, увидев его торчащую из-под щита ногу, сержант дал ему такого гвоздя [это удар носком тяжелого берца по голени], что Северин еще два дня хромал, но навсегда запомнил, что ноги надо беречь.

Эйнар одобрительно поцокал языком, и продолжил атаку:

— Молодец, помни щит — твоя крепость, поэтому не открывай ворот.

Снизу, сверху, сбоку — удары сыпались со всех сторон, Северин уже запыхался и едва держал натиск. Раз, два, три. Эйнар с силой лупил сверху по щиту. Сигмар, защищаясь, поднимал его все выше и выше. Бах. Острая боль пронзила живот, дыхание перехватило, и

Сигмар опустил на одно колено.

— Вот так, — опуская свой щит, поучал контрабандист, — я же тебя предупреждал, не открывайся, поднял щит — получил под дых, был бы удар повыше и если бы я не сдерживался, то сломал тебе ребра. Ну, ничего, тяжело в учении, легко в бою.

Погоняв солдата еще с полчаса, Эйнар дал ему время переодеться и прийти в себя:

— Молодец, Сигмар, постарался, давай иди в баню. Там есть еще теплая вода, умойся, служанка принесет чистую рубаху, потом в город пойдем на торжище. В Старгороде он открыт все время, не как в других городах раз в год или месяц, тут постоянно привозят новые товары и покупают, покупают и привозят, так что сегодня обязательно подберем тебе стоящие вещи.

Северин умылся, впервые за долгое время, увидев в воде стоящей в кадке, свое отражение. За время скитаний по этому миру у него чуть отросли волосы, и появилась кое-какая бороденка. Пригладив ее рукой, он остался доволен увиденным и, передевшись, пошел искать компаньона.

Пройдя уже известным путем в город, они принялись плутать по извилистым улочкам Торгового квартала. Ясно было, что Эйнар здесь не в первый раз. Он уверенно вел своего товарища от лавки к лавке, опустошая свой кошелек и набивая кожаную сумку на ремне. После посещения цирюльника, компаньоны отправились к аптекарю. Там Эйнар купил мешочек засушенных цветов и бутылочку с непрозрачной, густой жидкостью, обладающей резким запахом, заплатив за нее немалую цену. Он пояснил Сигмару:

— Эти цветочки, дорогой друг, пригодятся, если тебе вспорют брюхо, тогда я сначала залью рану кипящим вином, а потом засыплю порошком из этих цветов, и, если Незримый помилует тебя, то останешься жив и даже встанешь на ноги.

— А в бутылочке что? — спросил солдат у Эйнара.

— А в ней то, благодаря чему ты не сойдешь с ума от боли, пока я шпопаю твое брюхо, а наутро и не вспомнишь, что с тобой было. Это настой дурман-травы. Голову сносит напрочь, главное не переборщить, иначе больной может и не проснуться.

Уже около полудня компаньоны дошли до торжища. Северин увидел огромный рынок, кучи прилавков и разноцветных палаток сливались в целые улицы и районы. Продавалось решительно все: свежайшая рыба, парное мясо, бочки с солониной и квашеной капустой, красные наливные яблоки и спелые груши. Бродили уличные торговцы, неся в руках лотки со свежими, румяными пирогами и горячим сбитнем, экзотичного вида купцы предлагали купить сухофрукты и специи, от которых доносился щекочущий обоняние пряный аромат.

Пробившись сквозь торговцев тканями и портных, товарищи вышли к прилавкам бронников. Обойдя нескольких и приценившись, Эйнар остановился на чешуйчатой броне, закрывавшей живот, грудь и плечи. Вскользь намекнув торговцу, что в соседней лавке просят на 10 талеров меньше, компаньоны вынуждены были выслушать неиссякаемый поток слов, сводящихся к тому, что они де ничего не смыслят, что товар конкурента никчемен и что так тому и быть, купец великодушно скинет пять талеров, своим наивным покупателям. Сговорившись на 80 талерах, товарищи получили в придачу крепкий щит, окованный железом и шлем-мисюрку, со стреловидным наносником и железным шариком на наверху. Контрабандист достал из своей кожаной сумки небольшой тканевый мешок и, упаковав туда доспех, поручил нести его Сигмару, заодно поздравив с покупкой.

Побродив по рынку еще немного, компаньоны отправились в харчевню.

— Ну, Сигмар, большую часть необходимого мы купили, теперь надо бы подкрепиться,

да переброситься парой слов с хозяином харчевни «Старгородский мясник». Он мужик надежный и знает нужных людей, подскажет нам, кто свободен и ищет где подзаработать.

— Бойцов нанять это конечно хорошо, но откуда нам знать, что они нас не обманут. А то возьмут деньги и сбегут или того хуже, сами нас порешат, — поделился сомнениями солдат.

— Ну, кто кого порешит, это еще неизвестно, я кое-что умею, да и ты, не дите малое. Но дело даже не в этом, Алто уже который год в этом варится, людей подберет стоящих, кто уже показал себя в деле, таким свое имя поганить ни к чему. Если слух дурной пойдет, то кто их тогда наймет? А по-иному они зарабатывать не умеют, значит один путь остается — на большую дорогу, разбойничать, а через нее и на виселицу. Так что не бойсь, не обманут, — успокоил Северина ушлый контрабандист.

Крхх, раздался поблизости от них громкий треск. Хозяин лавки, мимо которой проходили компаньоны, резко пробил бочку и воткнул кран.

— Может наполним? — показал на свой новенький бурдюк Сигмар.

— Отчего нет, — кивнул Эйнар, после чего компаньоны опробовали молодого вина, подкинув торговцу пару монет. И уже с приподнятым настроением пошли дальше в сторону харчевни.

Зайдя в нее, Сигмар увидел привычную картину: куча столов, стойка с бочками, лишь посетители были более благообразными, чем у Хенрика. Здесь в основном обедали приезжие купцы, обговаривая свои сделки и иногда через хозяина нанимая себе охрану.

— Мяса с капустой, огурцов соленых и попить, — сделал заказ Эйнар, осматриваясь по сторонам, но тот, кого он искал, подошел первым.

— Будь здоров, Эйнар. Ты только пообедать или с делом пришел? — достаточно дружелюбно осведомился хозяин харчевни.

— И то, и другое. Послушай, Алто, мы с товарищем направляемся в Сураву по делам, земли пограничные, сам знаешь, лихих людей много. Нет ли у тебя на примете команды из трех-четырех бойцов, ищущих заработка. С деньгами проблем нет, поэтому люди нужны серьезные, на кого можно рассчитывать в трудное время.

Почесывая подбородок, Алто ответил:

— Есть такие. Как раз вчера заходил Большой Рик, собирался и сегодня навестить в обед, так что жди его с минуты на минуту. Если с ним не сговоришься, есть у меня еще люди на примете, но этот, я думаю, подойдет. Через меня нанимался уже не раз, нареканий нет, в бою опять же проверен, команда у него тоже крепкая, три человека кроме него, родом с Фольмарка, а ты и сам знаешь чего это стоит.

— Хм, хорошо, подожду немного.

В этот момент, в харчевню Алто зашел здоровенный мужчина в белой рубахе с вышитой красной нитью на рукавах и горловине орнаментом. В глаза Северину бросился амулет на шее незнакомца: заключенный в круг солнечный диск с четырьмя лучами, один из которых, центральный, был выполнен в виде меча. Вошедший имел длинные усы, сбегавшие по подбородку, глаза чуть навывкате и большой лоб.

Осмотрев харчевню и заметив хозяина, он подошел к стойке и взглядом показал тому подойти. В ответ Алто жестом подозвал посетителя к себе. Большой Рик, а пришедшим был именно он, покряхтев и недовольно поскрипев зубами, подчинился.

— Нам бы с глазу на глаз погутарить, — вместо приветствия начал разговор наемник, но Алто ничуть не обиделся.

— И тебе не хворать, а что до твоего дела, то вот, знакомься — Эйнар, человек большого умения и широких знаний, едет в Сураву. Ему нужна охрана, вам нужны деньги, дальше, я думаю, вы и сами договоритесь.

Алто покинул компанию, а контрабандист с Большим Риком принялись прожигать друг друга взглядами. Наконец, пробурчав что-то вроде «Годится» Эйнар поднялся и протянул руку наемнику.

— Эйнар. Все что нужно, и даже немного больше, Алто уже рассказал. Добавлю лишь что с оплатой не обижу, лишь только честно исполняйте свои обязательства.

— Ну, это как водится, никто еще не попрекал меня нечестностью, — пожав протянутую ладонь, ответил Рик.

— Значит, согласен, тогда приходи сегодня с командой на причал в Речном квартале, там, где корабли сдают. Мы как раз собирались туда с товарищем, посмотрим друг на друга, если глянемся, то уже и об оплате поговорим.

— Хорошо, я буду там, — ответил Рик и удалился.

Компаньоны, в свою очередь, утолив голод и расплатившись, направились в сторону Речного квартала. Перейдя через внутренние ворота города, они двинулись в сторону причалов. Поначалу застройка несильно отличалась от Торгового квартала: те же лепившиеся друг к другу лачуги, лавки со всевозможными товарами, толпы самого разного люда, гомон и суета. Уже ближе к причалам пейзаж стал меняться — дома уступали место складам и амбарам, к мутным водам реки, протекающей через город, прилепилось множество пристаней. У пристаней разгружали товары дюжие молодцы. Утробно хэкая, они скидывали себе мешки на спину и перетаскивали их, напоминая вереницу рабочих муравьев. Прогулявшись вдоль причалов до набережной, товарищи направились в сторону речных перевозчиков. Несколько суден различного пошиба были пришвартованы вдоль пристани. Немного поразмыслив, компаньоны выбрали одно из них — небольшое одномачтовое судно, размером напомнимшее солдату двухэтажный автобус. На носу корабля была прикреплена выдавшая виды русалка. Эйнар, не заметив возле судна никого из хозяев, перелез на корабль и, найдя лестницу, спустился в трюм, приказав Сигмару ждать его рядом.

Постояв несколько минут и оглядевшись по сторонам, Северин заметил приближающихся к нему четверых здоровяков, один из которых показывал на него пальцем. Они подошли ближе, и Сигмар узнал своего нового знакомого — Рика, а тот уже был рядом и представлял его своим соратникам.

— А, вот и ты, здравствуй. А где Эйнар?

— Там внутри, — Северин показал на корабль, — пошел поговорить с командой.

— Хорошо, — ответил Большой, и наемники встали кругом чуть поодаль от Сигмара. Через некоторое время из чрева судна появился Эйнар вместе тощим и длинным мужиком с белесыми, рыбьими глазами. Они о чем-то спорили, и Северин прислушался:

— Десять талеров, это в самый раз для такой поездки, — доказывал Рыбий Глаз.

— Семь талеров, вот красная цена вашей посудине, — горячился Эйнар, размахивая руками.

— Это не посуда, а отличный корабль, девять талеров.

— Семь, я сказал!

— Восемь талеров и ни сеттом меньше, помилуйте, господин, мне семью кормить, команду и корабль содержать надо.

— По рукам, восемь так восемь, — наконец согласился контрабандист. Они пожали

руки и Эйнар слез на мостки причала. Тут он увидел пришедших наемников:

— О, я вижу вы прибыли. Здрaвы будьте. Я думаю, Рик вам уже рассказал детали нашей сделки, — поприветствовал бойцов Эйнар, подходя ближе. Сигмар последовал за ним. Две команды сблизились, и солдат принялся рассматривать своих будущих соратников. Здоровые, крепкие мужики, большие загрубелые ладони, привычные к оружию, сильные рукопожатия, уверенный взгляд.

— Бравые ребята, с такими хоть куда, — подумалось Северину. Один из наемников был огненно-рыжий, и, представляясь, он оправдал ожидания Сигмара.

— Ярун Рыжий, — назвался он, пожимая руку солдата. Другой, Рогатый Свен, как ни странно имел на лбу небольшой костяной нарост под кожей, действительно напоминающий рог. Третий, Хальм Костолом, не имел явно бросающихся в глаза черт, кроме того, что был крайне широк в плечах, и ручищами, казалось бы, мог забить молодого бычка.

Беседу начал Рик:

— И ты будь здоров, Эйнар. Мы торговаться не будем, наша охрана стоит 30 талеров на круг, больше можно, меньше нет, еда и кров тоже с тебя, взамен получишь четырех бойцов, каждый из которых стоит десятерых. Поверь, я не хвастаюсь, люди мы надежные, слово держим и в беде не бросим, можешь спросить у Алто, он подтвердит.

Выпалив всю эту тираду, Большой Рик ожидающе уставился на контрабандиста, который недолго думая ответил:

— Сам вижу — ребята вы серьезные, да и цена меня устраивает, но всю плату сразу не отдам, треть вперед, остальное по возвращении. Едем в Сураву по заданию Никифора, думаю не надо объяснять кто это. Работа может быть опасная, но вам, на мой взгляд, будет по плечу. Если что, с деньгами не обижу и за опасность накинута. Коли задержимся надолго, тоже заплачу больше.

— Договорились, рядную грамоту подпишем у Алто, он будет свидетелем, как всегда.

— Ну, все, ждите меня там, уговорюсь сейчас насчет корабля и приду.

Наемники развернулись и пошли в сторону Торгового квартала. Эйнар в свою очередь обратился к Сигмару, показывая на корабль:

— Пожалуй, на этой ласточке мы и двинем в Сураву, не Кит конечно, но места на нас хватит. Ты видел Кита?

— Рыбу? — недоуменно переспросил солдат.

— Нет же, корабль. Раз переспрашиваешь, значит, не видел. Признаю, что ты многое потерял. Кит — это просто чудо, флориановский флагман, огромное судно с несколькими палубами. Я видел его в Эрендале уже больше десяти лет назад, но как сейчас перед собой вижу.

— Хотелось бы и мне повидать его, — мечтательно произнес Северин.

— Кто знает, может и приведет судьба. Но и наша птичка неплоха, в трюме места достаточно, три кубрика, один для команды, другой для нас, самый большой для охраны, ну и для груза тоже место есть. Сам корабль ладный, не гниет, следят за ним крепко, команда неказистая, но толковая. Короче, через три дня отплываем.

Вернувшись в харчевню «Старгородский мясник», компаньоны заключили договор с Риком и его ребятами. Алто был свидетелем вместе с парой заезжих купцов. Получив задаток и наказ быть через три дня на рассвете у причала, что напротив мельницы Старого Якова, наемники ретировались. Товарищи в свою очередь отправились к Хенрику в таверну.

В течение этих дней они занимались фехтованием, готовились к походу, просто

отдыхали перед важным заданием. Наконец, на рассвете четвертого дня компаньоны выдвинулись в путь. С помощью амбалов Хенрика товарищи загрузили уже знакомую Сигмару телегу, которой все-таки смазали салом колеса, отчего она перестала столь отчаянно скрипеть. В дорогу приключенцы взяли провизии на две недели, несколько бочек с питьем, вяленого мяса и рыбы. Эйнар переделался в свой доспех — бригантину. Живот прикрывали полосы железа, внахлест скрепленные между собой, от груди и выше начиналась кольчуга двойного плетения, в которой были укреплены круглое железное блюдо с изображением четырехлучевого солнечного диска, защищающее грудь и железные наплечники. Руки прикрывали кольчужные рукава с железными пластинами, защищающими предплечья. Довершали доспех кожаные перчатки с нашитыми пластинками и шлем, точь в точь, как у Сигмара. Эйнар имел вид грозного ратника. Северин не отставал и, облачившись в кольчугу, накинув сверху ламеллярный доспех, с перекинутым за спину щитом и мечом на поясе, он сам себе казался воякой хоть куда. Лишь ноющие от тренировок с Эйнаром мышцы напоминали, что ему еще многому предстоит научиться.

Подъезжая к пристани, Сигмар увидел, что напротив нее, на холме, действительно возвышается мельница, чьи широкие лопасти медленно вращались на ветру.

— Это она, мельница Старого Якова? — спросил Северин.

— Угу, — кивнул Эйнар, — правда, самого Якова давно уже нет в живых, но память о нем живет. Очень уж интересный был человек. Недаром его именем до сих пор пугают местных ребятишек. В свое время поговаривали, что он читает по Черной книге и знает нечистой силой. Храмовники приходили к нему, но мельник умудрился отпереться от всех обвинений, а через пару дней заболел его сосед через дом, и через месяц помер, сгнив заживо. Ходили слухи, что именно он наушничал Храму на колдуна, и Яков жестоко отомстил доносчику. Много историй про него рассказывали, всего не упомнишь. Лишь одно известно точно — все его боялись при жизни и боятся до сих пор.

Они подкатили ближе к причалу, где возле пришвартованного корабля стояли две компании: команда корабля и стоящие отдельным кругом наемники, травящие друг другу байки и оглашающие громогласным смехом всю округу. Увидев компаньонов, они подошли к телеге и поприветствовали своих новых нанимателей.

— Ну, вот и начался наш поход, давайте ребятки помогите загрузить мешки в корабль, братан расстарался, так что с голоду не помрем, — весело вещал Эйнар.

С помощью наемников они быстро загрузили провизию в трюм, расположились сами и дали команде приказ отчаливать.

Худощавый юноша с соломенными волосами, по-видимому, сын владельца корабля, отвязал лодку от причала и спустил паруса, которые, зашелестев тканью, тут же наполнил ветер. Судно медленно двинулось вперед, рассекая воду. Охранники и Эйнар спустились вниз, располагаться и раскладывать вещи. А Северин остался на корме.

— Какая удивительная красота расстелилась, смотрю и наглядеться не могу. Не сравнишь это с рабочей окраиной, где я вырос. За всю жизнь не выбрался никуда, разве что армия, да и там глядеть не на что было, — размышлял солдат, глядя на уходящие вдаль могучие стены Старгорода, мельницу Якова, городские слободы, — так бы и прожил всю жизнь свою, не повидав ничего подобного. Как же все-таки хорошо все сложилось. Может, конечно, мой путь будет опасен, очень опасен, но зато это будет настоящая жизнь, а не вялое существование.

Постепенно причалы и склады уступили место полям и холмам, и заскучавший солдат

спустился в трюм. В их кубрике стояло три кровати с соломенными матрацами, небольшой столик с деревянными кружками и мисками, в углу примостился деревянный сундучок. Эйнар уже скинул с себя броню и щеголял в одной рубашке. Увидев Сигмара, он сразу предупредил солдата:

— Насмотрелся на воду? Тогда погоди скидывать бронь, сперва немного побьемся на мечях, учиться тебе придется всегда и везде, если конечно не хочешь сгинуть в первой же схватке. И еще, я думаю, нашим доблестным друзьям не стоит знать, что ты еще не очень-то хорошо владеешь мечом, люди они конечно надежные, но и лишние соблазны порождать ни к чему. После занятий, Северин вновь полез на корму, но однообразный пейзаж быстро утомил солдата и он попросту уснул, проснувшись уже к обеду. Покушав, они немного передохнули, и Эйнар вновь немилосердно гонял солдата до седьмого пота. К вечеру они пристали к берегу и устроили привал.

Так тянулись день за днем: дул свежий ветер, наполняя паруса, бурлила вода, рассекаемая носом корабля, за бортом поля сменялись лесами, леса деревеньками, иногда им навстречу попадались рыбацкие лодки и купеческие ладьи. Но зато вечерний привал Северин ждал с нетерпением. Сытно покушав и устроившись на пяточке возле костра, разминая приятно ноющие от тренировок мышцы, он готов был вечно слушать истории пройдохи Эйнара, ушедших и много повидавших на своем веку наемников, даже Рыбий глаз иногда вспоминал истории про речных чудовищ и разномастную водяную нечисть.

На одном из привалов Северин спросил Рогатого Свена.

— Послушай, а почему у всех амулет с солнечным диском, а у тебя молния?

— Это потому, что я почитаю обычаи отцов и дедов и не променял истинной веры, которую некоторые называют старой, на сказки о Незримом и его воплощениях, — напыжась ответил Свен.

Внимательно слушавший его тираду Ярун расхохотался:

— Ты больше слушай этого ухотера, все не так было на самом деле.

— А как тогда? — недоуменно переспросил Сигмар.

— А вот так, слушай. Давным-давно, когда Свен был еще младенцем его отец, приняв новую веру, решил, как добропорядочный прихожанин приобщить к ней и своего сына. Но, не тут то было. Местный храмовник, увидев рог на лбу малыша, заявил, что перед ним демон в обличье человека, слуга тьмы и все прочее, что они там любят. Святоша даже порывался спалить младенца, но отец Свена разумеется не дал. Вместо этого он хорошенько накомистил духовному наставнику и выкинул свой амулет Незримого, во всеуслышание объявив, что вернулся к старой вере. Так-то. Фольмарк, это тебе не княжество, у нас Храму такой власти не дают, да и верит народ, кто во что хочет. Нанимаются ведь все в самые разные земли, и везде разная вера. Некоторые принимают местные обычаи и, возвращаясь, приводят с собой. Так или иначе, наш добрый Свен в Незримого не верит, да и тебе не советует.

— Ха, точнее и не скажешь, — ударил кулаком по спине рыжего весельчака Свен.

На другом привале речь зашла о Фольмарке. Наемники, расчувствовавшись, как могли хвалили свою родину, а Северин узнавал все новые факты о жизни обитателей этого мира.

— Фольмарк — это земля воинов, мы издревле славились своим искусством. Однажды, когда нашим предкам надоело резаться друг с другом, — ворочая угли у костра, повествовал Большой Рик, — они решили объединиться и собрать Совет Старейшин. Двенадцать семей Фольмарка, двенадцать колен, каждый из которых избирает своего старейшину в Совет,

который в свою очередь избирает Хранителя Фольмарка. В его ведении вопросы войны и мира, правители и сановники других стран, которым нужна целая армия, а не кучка бойцов, тоже идут к нему, и он совместно с Советом дает добро. Вопросы помельче решают с представителями семей или отдельными вольными горожанами. Бывали случаи, когда помощь оказывалась и не за деньги. Во время смуты костяк армии Союза Трех составляли фольмаркцы, бившиеся за свободу, а не ради богатства.

Он рассказывал об их обычаях, героях и жизни, а солдат слушал и проникался уважением к этим суровым и сильным жителям города среди камней.

Их путешествие продолжалось, не изобилуя событиями, но иногда река преподносила сюрпризы. Уже в паре дней пути от цели, кормчий заметил на горизонте облако пыли, приглядевшись, он различил сражающихся воинов. Поднявшиеся из трюма на борт компаньоны с охраной на всякий случай переоделись в доспехи, а Ярун всем утверждал, что разглядел цвета, и бились флорианцы с суравцами. Однако опасность миновала и через день, на рассвете, путники достигли Суравы.

Багряно-красные лучи полыхали на каменных стенах города, возвышавшегося на холме, который с одной стороны огибал полноводный Сирт. Размерами Сурава значительно уступала столице, хотя и захолустьем город назвать было сложно. По обе стороны реки вытянулись от стен ремесленные слободы.

Высадившись на пристани, Эйнар поблагодарил команду и предложил им дожидаться возвращения.

— Ну, спасибо, мужики. Довезли в целости и сохранности. Есть предложение — через месяц, или около того, мы будем возвращаться обратно. Если будете здесь к этому сроку, то заплачу за проезд на три талера больше.

Переглянувшись с сыновьями, кормчий согласился:

— Вот, спасибо, господин. Поездка с вами была приятной, а насчет предложения, то постараемся быть в срок.

Распрошавшись, приключенцы двинулись вперед, наняв пару повозок, чтобы довести груз до постоянного двора. Разместившись и позавтракав, Эйнар с Сигмаром прихватили одного охранника, Яруна, и направились в сам город. Несмотря на раннее утро по улицам уже сновали обыватели. Компаньоны шли по размокшей от дождей дороге через ремесленные слободы к городским вратам. Навстречу им, бряцая амуницией, сосредоточенно прошагала колонна латников, оттолкнув зазевавшегося крестьянина.

Переглянувшись с Яруном, контрабандист хмуро подметил:

— А ребята ведь не местные, видимо маркграф Суаль начал сбор своих вассалов.

У ворот, как и положено, их встретила охрана. Невыспавшийся стражник с заплывшими глазами недовольно пробурчал простуженным голосом:

— Кто такие и с какой целью в Сураве?

— Торговцы из Старгорода по делам к златокузнецу Фирте, — не моргнув глазом, соврал контрабандист.

— Фирта? Знаю такого, товар при себе есть?

— Торговать не собираемся.

— Тогда проходите. Хотя, господа, неурочное вы время выбрали для поездки.

— Это почему это? — любопытствовал Эйнар.

— Да так, тучи сгущаются на горизонте, скоро будет гроза, — непонятно ответил стражник, но посторонился и пропустил путников в ворота.

Внешне, в вопросах архитектуры, Сурава не сильно отличалась от столицы. Однако содержание и настроение резко отличались от виденного Северином в Старгороде. Толпы людей, снующих как муравьи, пестрые гости города, съезжающиеся отовсюду, гомон и суета, бьющая ключом энергия, предприимчивость и действие. Так можно было бы описать столичный град.

С первых же минут пребывания в Сураве солдат ощутил разницу. Ненадолго открывшееся небо вновь затянуло тучами, грозящими скорым дождем. Встревоженные горожане, жались друг к другу, как нахохлившиеся воробьи. Все вокруг казалось серым и блеклым. Обрывки разговоров доносили до Северина тревожные новости: столкновения на границе, Флориан готовит войну, Суаль призвал баронов.

Компаньоны прошли мимо храма, устремившего свои шпиль в небо. Из дверей на свет вытекла толпа людей, кто-то целовал свои амулеты, кто-то испрашивал благословения у священнослужителя. Скептически оглядывающий эту картину Эйнар едко подметил:

— Ха, в обычный день здесь и десятой части наберется. А сейчас гляди, полгорода пожаловало, надеются, что Незримый их спасет.

Свернув в переулок, контрабандист попросил Северина подождать его, и солдат, желая скоротать время, прислушался к разговору.

— Ты слышал, что на Зеленых Холмах отряд Суалья прижал и разбил летучий эскадрон флорианцев?

— Правда? Вот здорово, поделом им, собакам!

— погоди радоваться, знаешь, кто командовал эскадроном?

— Да не томи уже, говори.

— Одноглазый Хармут, вот кто.

— Не может быть, его же повесили в прошлом году.

— А вот и нет. Помнишь, пару лет назад стали пропадать разбойничьи шайки по всему порубежью?

— Конечно, помню, все так радовались тогда.

— Поговаривают, что Флориан не так просто тогда взялся за них, он излавливал и собирал их вместе, сберегая до поры. Теперь же он дал им снаряжение и бойцов и отправил к нам в Сураву.

— Он просто безумец, что же с нами будет...

Последние слова обывателя скомкал и унес ветер.

— Ты что, ежа проглотил? — толкнул зазевавшегося солдата в бок Эйнар.

— Да вот, слушал разговоры местных.

— А, понятно, и что они?

— Помнишь бой на холме, который мы видели с корабля, говорят, там был Одноглазый Хармут.

— Да ну, его ж повесили в том году, — изумился Эйнар.

— Говорят, что Флориан специально собирал таких как этот Хармут у себя, чтобы позже натравить их на суравцев.

— Хм, может быть и правду бают, хитрый чертяка этот Флориан, измотать противника до схватки не пожертвовав ни одним своим воином.

— Нечестно это, — вдруг со злостью сплюнул Ярун.

— Покамест это не наше дело, — пожал плечами Эйнар, и приключенцы двинулись дальше.

Набухшие серые тучи заволокли небо, готовясь пролиться холодным дождем. Северин уже прилично озяб и потому с радостью зашел в лавку Фирты, рассчитывая немного согреться. Златокузнец встретил их радушно — заулыбавшись широкой улыбкой, обнял Эйнара, потом пожал руки Сигмару и Яруну. Затем он провел компаньонов в свой кабинет, оставив рыжего наемника охранять вход.

В его уютной комнатке пылал, потрескивая угольями, камин. У очага лежала небрежно брошенная медвежья шкура, окруженная обитыми бархатом стульями. Фирта усадил гостей и наполнил их кубки горячим глинтвейном.

— Попросил у служанки для себя, а пригодилось для всех, ваше здоровье, — поднял кубок златокузнец.

Северин отпил, и волна жара прокатилась по его телу, вышибая промозглую сырость, накопившуюся за недолгое пребывание в Сураве.

— Хорошая вещь, — вполголоса пробормотал он.

— И впрямь недурное вино, — отозвался Фирта и продолжил, — так с чем ты прибыл, мой старый товарищ Гар... гхм Эйнар?

— Можешь называть меня по настоящему имени, Сигмар посвящен в мои тайны.

— Хорошо, Гарланд, и все же, ты по делам или проездом?

— И то, и другое. Я здесь по заданию Никифора. Ты ничего не слышал о пропаже людей в местных лесах?

— Ах, вот оно что. Поздновато слухи доходят до столицы. Конечно, слышал, об этом вся Сурава языки стерла. Мол, демоны нападают, крадут путешественников и купцов, а то и вовсе их живьем едят.

Глядя на скептический тон Фирты, контрабандист усмехнулся:

— Ну, ты, понятное дело не веришь сказкам.

— Честно сказать, не особо. Слухи они такие. Пропадет человек пять: один утонул спьяну, другого зверь задрал на охоте, третий от опостылевшей жены сбежал, четвертого разбойники на дороге уложили, а про всех сразу демоны, демоны утащили. Сам понимаешь, многие любят потрепаться.

— И ничего стало быть эти байки под собой не имеют?

— Почему ничего, кое-что они все же имеют — рассказы всяких дуралеев. Ха. И ведь верят люди...

Эйнар, переглянувшись с Сигмаром, продолжил беседу.

— Понятно, а так вообще, о чем говорят?

— Сейчас только об одном, о войне с Флорианом.

— Я заметил. Кстати, на входе в город мы столкнулись с латниками барона Райса, Суаль разве уже поднял черный стяг?

— Ничего такого он не делал, но войска постепенно собираются. В город уже прибыло около сотни латников, конная полусотня, арбалетчики, да и другие ратники, всех не упомнишь.

— Ясно, ясно, а сам как поживаешь? Как дела, заботы?

— Да лучше всех, — засмеялся Фирта, — люди ждут войны, готовятся, продают вещи и покупают у меня украшения, золото, камни. Зарыть под землю кубышку проще, чем дом, корову, две лошади и собаку впридачу.

— Это верно, — кивнул контрабандист, — но самого тебя разве не волнует все это? Война как мне кажется неизбежна.

— А чего мне бояться? Я так понимаю Флориан сюда всерьез и надолго собрался, а значит, если возьмет город, то сильно грабить не даст. Ну, пожгут несколько лавок, опустошат пару винных погребов, да задерут подола местным девкам. Я так думаю, что на мой старый зад никто не польстится, а уж от грабежей я придумаю, как спастись.

— Ха-ха, — грохнули над шуткой Фирты гости, а Эйнар, утерев слезы, похлопал мастера по плечу.

— Да, узнаю, узнаю старого товарища, никогда не унываешь.

Поговорив о всяких мелочах еще с полчаса, компаньоны попрощались с добродушным Фиртой и вышли из его лавки.

— Аах, погутарили, здорово, конечно, но по делу так ничего и не узнали, — потягиваясь на ходу, спускался по прилегающей к входу лестнице контрабандист, — ну что ж, поедem в самую Белую речку, больше ничего не придумаешь.

Товарищи недолго думая направили свои стопы на постоялый двор. Проходя по центральной площади города, они увидели занимательную картину. С помоста, по бумаге придворный глашатай громогласно зачитывал собравшейся толпе новые законы, принятые суравским маркграфом.

— Жители Суравы и гости нашего хлебосольного края, — кричал он, — слушайте сами и передавайте своим близким. С сего дня и до отмены указа любая ходьба по городу ночью не допускается. За нарушение указа: для неблагородных — плети, для благородных — вира и немилость правителя.

Он помолчал, дождавшись, пока недовольный ропот, промчавшийся среди собравшихся людей подобно волне, утихнет.

— За поджоги — смерть, за нападение на стражу — смерть, за выведывание военных тайн — смерть.

— Короче, всем бояться, — подтолкнул солдата к выходу с площади Эйнар.

По пути на постоялый двор контрабандист между делом узнал у Северина ездил ли тот верхом и, получив утвердительный ответ, обрадовал парня:

— Ну, вот и отлично, в Белую речку мы двинем на лошадях.

Прибыв к месту назначения, Эйнар отрядил Свена с Хальмом на торг, чтобы приобрести лошадей. Наемники обернулись споро и привели шестерых весьма ладных кобылок, со всей упряжью и сбруей. Сигмару досталась гнедая лошадь, спокойного характера. С благодарностью вспомнив занятия на ипподроме, Северин попробовал заседлать и расседлать кобылу, проехался на ней по окрестностям, потом почистил ее и задал овса, заранее купленного хозяйственным Эйнаром. Умное животное быстро признало нового хозяина, а потому довольный солдат вернулся в таверну к товарищам.

Отдохнув ночь на постоялом дворе, на рассвете искатели приключений двинули в путь.

Дорога посланников Атмара пролежала через лес, и весь день прошел довольно однообразно. Спокойная рысь лошадей, проносящиеся мимо деревья, изредка попадавшиеся таверны и лесные ручьи, да недолгие привалы.

Наконец, уже перед закатом, путники решили остановиться на ночлег на ближайшей опушке. Но на подходящем им месте уже разместились двое крестьян и их пустая повозка. Рогатый Свен предложил попросту прогнать их и расположиться самим Однако, Эйнар, с молчаливой поддержкой Сигмара, решил для начала поговорить с ними о совместной ночевке.

— Здрaвы будьте, путники, — обратился он к мужикам.

— И вам не хворать, господин, — ответил дюжий крестьянин, широкий в плечах, но с простодушным лицом ребенка.

Эйнар продолжил:

— Вы не против будете, если мы рядом с вами остановимся?

— Конечно, нет, господин, лес то общий, — ответил крепыш, кротко.

Поначалу крестьяне заметно опасались своих вооруженных соседей и были явно не рады такому знакомству.

— Из города едете? Как расторговались? — полубопытствовал Эйнар у мужиков.

Один из них, попроще, уже начал отвечать что-то вроде: «Спасибо, хорошо», как был буквально пришиблен взглядом второго, который неодобрительно прицокнув языком, сказал:

— Да никак, господин. Прицениться ездили.

— Ага, с пустой повозкой, сразу же ясно, — подколот их Сигмар.

А Эйнар не замедлил расставить все точки над и:

— Эй, мужики, хватит на нас уже как на флорианцев смотреть. Я здесь совсем по другим делам. Если хотел бы ваших денег, то давно уже болтались вон на тех ветках. Так что хватит страсти разводить, а давайте лучше помогите ужин сварганить.

Вдохновленная контрабандистом закипела работа: Ярун распрягал и стреноживал лошадей, крестьяне ушли за водой и дровами для костра, остальные охранники обустроивали стоянку и размещали груз. Компаньоны же взялись за ужин. Время пролетело незаметно и вот, сытые и довольные путники сгрудились вокруг весело пляшущего костра, оставлявшего красные отблески на их лицах и одежде. Окружающий их лес казался непролазной стеной, временами оттуда слышались крики диких зверей и уханье филина. У костра плавно текла беседа, незаметно подталкиваемая хитроумным Эйнаром в нужное русло:

— Так, стало быть, доля правды в этих слухах есть? — подначивал он горячившегося крестьянина.

— Доля правды, господин? Да это чистая правда про нежить лютую, я вам Незримым клянусь.

— Да ведь своими глазами ты их не видел?

— Нет, но есть надежные люди, которым я верю как себе.

— Послушай, Вель, — так звали мужика, — я ведь не спорю. Просто все это очень уж похоже на сказку, а твоих людей я не знаю, не видел ни разу, может мне они показались бы столь надежными.

Вель вздохнул, огляделся по сторонам, борясь с собой, и не выдержал:

— Да как же не видели, вот же он прямо здесь сидит, — выпалил он, указывая на своего товарища, — Марек, расскажи им, наконец.

Тот лишь укоризненно покачал головой, но все же начал рассказ:

— Ну ты и трепло, Вель.

Тут не выдержал Северин:

— Слушай, Марек, рассказывай скорее, чего тянешь?

— Хорошо, хорошо, не надо горячиться. Два года назад я ездил к своему шуруну в Белую речку по делам. Мы придумали кое-какую вещь и рассчитывали неплохо расторговаться. В обратный путь он напросился со мной, чтобы увидеть все на месте, — рассказчик вздохнул, а глаза его подернулись влагой, — хороший был человек, добродушный, отзывчивый. В общем, днем не было ничего интересного, мы катили на своей

повозке по лесу и трепались о всяких глупостях. А вот ночью. Ночью я проснулся от его резкого вскрика. Тут же вскочил и в свете луны увидел, как сама тьма, сгустившись перед ним, схватила его за горло. Шурин побледнел и не мог ничего сказать, а лишь дико хрипел. Я побежал к нему на помощь, но из тьмы передо мной явилось новое чудовище. Из ниоткуда прямо перед моими глазами появилась морда нечистого с бешеными алыми глазами, которые будто бы горели огнем. Тут чудище ударило меня в грудь. Отлетев на несколько сажень и ударившись о дерево, я потерял сознание и очнулся лишь у себя дома. Меня обнаружили на рассвете возвращавшиеся из далекого похода охотники из нашей деревни, белого от потери крови и почти уже не дышащего. Незримый помиловал меня и раны затянулись сами, охотники лишь засыпали их порошком из цветов и перетянули. Провалившись еще около месяца, я все же выздоровел, а вот шурина моего так и не нашли. На память о ночной истории у меня осталось вот это, — он снял с себя верх одежды и на его груди в красноватом свете костра зловеще забелели глубокие, страшные шрамы, как будто от пятипалой руки.

Хальм, слушавший рассказ крестьянина разинув рот от удивления, увидев шрамы что-то пробормотал и, достав амулет Незримого, поцеловал его. Потом он не раз еще взволнованно оглядывал чернеющую стену леса. Большой Рик, в свою очередь озабочился охраной:

— Так, я встаю в предутреннюю смену, ты, Хальм, я гляжу уже не уснешь, твое время сейчас, а вы, Свен и Рыжий, разберетесь сами.

У костра воцарилось молчание, страшная сказка внезапно обрела реальные очертания и лес вокруг уже не казался столь безобидным, а их стоянка надежно защищенной и безопасной.

Постепенно все, кроме оставшегося на страже Хальма, все еще впечатленного и бормочущего молитвы, разбрелись по своим местам и улеглись спать. Северин, следуя примеру товарищей, завернулся в овчинную скрутку, как в спальный мешок и вскоре уснул. Во сне солдата преследовали зловещие, безликие тени. Они бежали за ним, а солдат не мог скрыться от них. Сигмар все замедлялся и вот, когда одна из них уже схватила за плечо, он проснулся от толчка Эйнара:

— Эй, вставай уже, солнце поднялось давно.

Северин выполз из скрутки. На опушке было свежо, совсем неподалеку выводили замысловатые трели лесные птицы. Сейчас ночной кошмар казался бесплотным порождением ночи, сгинувшим вместе с ней. Но Марек, как молчаливое подтверждение правдивости местных слухов был перед ним и также собирался в дорогу.

Наконец, свернув лагерь и оседлав лошадей, путники отправились к своей цели. Эйнар, на правах главного, решил прежде Белой речки посетить имение местного барона, владельца замка Рильке, дабы засвидетельствовать почтение и быть может вывести что-нибудь полезное.

Уже после полудня, когда солнце палило нещадно, путники выбрались из леса. Вдали на холме расположился каменный замок, отсюда казавшийся весьма грозным сооружением. Кавалькада всадников, поднимая за собой клубы пыли, двинулась по единственной дороге в сторону крепости.

— Странно, нас бы уже должны были заметить, — обратился к Северину контрабандист, однако, они подъезжали все ближе и ближе, но никакого движения ни на стенах, ни возле ворот не происходило.

Эйнар, едущий во главе процессии, осадил коня.

— Интересно они службу несут, — не обращаясь ни к кому, подметил он, спускаясь с коня и, постояв немного, добавил, — а ну, братцы, спешиваемся.

Легко спрыгнув на утопанную твердь дороги, контрабандист передал поводья своего коня Сигмару и пошагал к воротам.

— Бах, бах, — стучал он кулаком в кожаной перчатке по выцветшей от старости древесине врат, но ответом было лишь молчание.

Эйнар прислушался, и брови его поползли вверх:

— Храпит, сука, — оглянулся он на товарищей, указывая на дверь. Те загоготали, а контрабандист снова принялся лупить по двери, на этот раз не стесняясь и от всей души. Наконец, заспанный голос ответил:

— Ну, кто там ломится, эй, я ведь выйду сейчас.

— Выходи, дорогой, выходи, — самым спокойным голосом на который только был способен, ответил настойчивый гость.

Зашуршали засовы, яростно заскрипели проржавевшие петли, и створки дверей начали расходиться. Перед путешественниками появился одутловатый воин барона с заспанным и недовольным лицом, его кольчуга нелепо выпирала на животе и явно была сделана для более стройного человека, никакого оружия при страже не наблюдалось.

Он развернулся к посетителям, но под их насмешливыми и одновременно твердыми взглядами уверенных в себе людей немало смутился.

— Посланники дуки Никифора, по его личному заданию из самого Старгорода. Мы пришли с делом к барону Зельдеру-младшему, сюзерену замка Рильке, — представился Эйнар, показывая грамоту, скрепленную личной печатью дуки.

Человек барона еще раз осмотрел всю компанию, нелепо пошамкал губами, не зная, что ответить. В конце концов, покраснев как рак, стражник убежал искать владельца замка, крикнув подвернувшейся прислуге впустить именитых гостей внутрь и помочь им разместиться.

Под сенью замковых укреплений челядь приняла лошадей, пообещав напоить их и распрячь, а сами компаньоны остались ждать барона Зельдера, который не заставил себя долго ждать.

Румяный, распаренный крепыш с объемистым животом, в насквозь мокрой полотняной рубаше, шел к ним навстречу, широко улыбаясь.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие гости. Далеко же вы забрались от столицы и до наших краев.

Эйнар и Сигмар отвесили поклоны, ответив на приветствие, а контрабандист не замедлил представиться Зельдеру.

— Мир вашему дому, уважаемый барон. Меня зовут Эйнар, а моего молодого друга Сигмар, — показал на Северина рукой, зажав в ней грамоту со свисавшей сургучной печатью, гость, — мы прибыли по личному заданию дуки Никифора, вот его печать, — жестом Эйнар предложил барону рассмотреть ее поближе, но тот лишь отмахнулся.

— Не стоит, я верю вам на слово, но, право, сгораю от любопытства. Какое же должно быть задание, что привело вас за тысячу верст от Старгорода в нашу, признаться честно, глушь.

— Об этом я и собирался с вами побеседовать, но чуть позже, когда...

Внезапно Зельдер перебил гостя:

— Ох, старею видимо, уже битый час держу вас у порога, как не вежливо с моей

стороны.

Он повернулся к беспечному стражу ворот и что-то шепнул ему на ухо, сверкая пятками, подчиненный убежал выполнять приказ, а барон продолжил беседу с гостями:

— Сейчас придут слуги и помогут вам расположиться, — он решительно вытянул руки вперед, словно отметая могущие появиться возражения, — и не спорьте, не останетесь у меня хоть на денек — обижусь смертельно. Ну а сперва пожалуйста в баню, сам только оттуда, жарища нестерпимая, любую хворь из тела выгонит на раз.

В этот момент прибежали слуги, и Зельдер приказал им во всем помогать гостям, а сам, пожелав напоследок гостям приятно попариться, удалился в направлении каменного замка.

Путники, следуя лаконичным указаниям дворовых людей, шли по внутреннему двору замка Рильке. Северин про себя отметил, что большинство построек деревянные, лишь главное здание и стены Рильке были сложены из серых валунов и булыжников разных размеров и форм. Они шли, а окружавшие их запахи меняли один другой: аппетитный аромат свежего хлеба сменялся зловонием навозных куч, которое в свою очередь, было заглушено приятным запахом дыма, исходящим от труб довольно большой бани. Компаньоны вошли внутрь, а охрана, не сговариваясь, осталась ждать на лавке снаружи. В предбаннике товарищей уже ждали несколько больших крынок с квасом, полотенца и свежее исподнее. Открыв дверь, Северин зашел внутрь, в лицо ему немедленно ударила волна влажного жара, обжигающего нос.

— Ууф, и вправду прилично натоплено, — следом за ним залез Эйнар, держа в руке кружку с квасом.

— А ну, посторонись, — отодвинул контрабандист спутника и плеснул на камни немного кваса и в воздухе поплыл хлебный аромат, а Эйнар уже вовсю готовился к банным процедурам, запаривая веник и наполняя деревянные кадки горячей водой. Северин сходу полез на лавку, рассчитывая хорошенько погреться.

Словом, баня удалась, и разомлевшие компаньоны сменили охрану на лавочке у входа. Вдыхая свежий вечерний воздух, Сигмар чувствовал себя заново родившимся, тело казалось невесомым, а усталость, накопленная в пути, исчезла без следа.

Отправив охрану отдыхать, Эйнар с Сигмаром направились на ужин к барону. Зельдер ожидал со всей семьей, женой и младшим внуком, которые показавшись гостям и выждав подобающий срок, удалились, оставив именитых гостей наедине с хозяином.

— Ну, как дела у вас, уважаемый Зельдер? Все ли спокойно? Чем занимаетесь? — сыпал вопросами Эйнар, барон же скромно ответил.

— Дела помаленьку идут, временами выбираюсь на охоту, приглядываю за своими крестьянами, разбираю их споры. Изредка снаряжаю обозы в Сураву с теми, у кого есть, что продать, благо знакомые купцы столице маркграфства имеются.

— Обозы? — заинтересованно переспросил солдат.

— Да, вместе то безопаснее. Я или мой сын, к слову он сейчас на охоте, иначе с удовольствием познакомил бы, десяток бойцов, да крестьяне с повозками, вот и весь обоз.

— А что, часто шалят? — вел в разговор в нужное русло проницательный Эйнар.

— Как сказать, бывает, что излавливаю шайки бандитов, да и на сук их тут же, подвешиваю. Ходили, правда, слухи кое-какие, мрачные прямо скажем, мда, но глупости все это, — неопределенно ответил владелец Рильке.

— Слухи об исчезновении людей в лесах, верно?

— Хм, даверно, — улыбка сползла с лица барона, — значит, про это уже знают в

Старгороде.

— Не то, чтобы все судачат, как у вас несколько месяцев назад, но те, кто должен знают об этом. Так каково ваше мнение, уважаемый барон — нечисть, лихие люди или зверь людоед?

— Вопрос простой и в то же время сложный, любой здравомыслящий человек, я думаю, вы со мной согласны, выберет что угодно, кроме демонов, сочтя истории про них байками неотесанной деревенщины, но... Я снаряжал походы, преследовал бандитов, ловил на живца, но все тщетно.

— Давно это началось? — спросил Сигмар, уже зная ответ.

— Поговорим начистоту, но я возьму с вас слово, сохранить наш разговор в тайне, — склонился к гостям Зельдер, они молча кивнули в ответ. Получив их согласие, барон откинулся назад и начал неторопливо рассказывать:

— Вся эта история началась более полусотни лет назад. Тогда, как и сейчас, пропадали люди, жители Белой Речки. В тот раз, все свалили на местного егеря, Фавнира, и пожгли его к чертям вместе с семьей. Мой дед, к слову знавший охотника, пытался разобраться в деле, но тут пришли храмовники и велели ему молчать и вообще забыть о том, что произошло.

— Мне кажется, не до каждого убийства есть дело Ордену, — добавил Сигмар.

— Именно, дед, конечно, пытался вызнать, с чем связано вмешательство Храма, но потерпел неудачу. И все, все прекратилось, но имело самое неожиданное продолжение. Через несколько десятилетий, уже на моей памяти, Зельдер старший, весьма преклонного возраста, слег от непонятной болезни. Он иссыхал буквально на глазах, и, однажды утром, его обнаружили бездыханным. Признаюсь вам как на духу, — глаза барона распахнулись, и невидящим взглядом смотрел он на собеседников, устремленный в собственные кошмарные воспоминания, на его лице застыла маска отвращения и страха, — я никогда не забуду его искаженного предсмертным ужасом лица, его распахнутый в беззвучном крике рот, — барон резко выдохнул, — но, ни к чему так ярко оживлять это событие, оно и так слишком часто приходит ко мне во снах. Тогда все списали на старость, но его жена, моя милая бабушка, не выдержав потрясения, слегла и через несколько месяцев также отошла в мир иной. Перед самой кончиной она поведала мне тайну гибели старого Зельдера. Оказывается его болезнь имела имя Фавнир. Старику грезилось или же это было наяву, что его посещает давно умерший товарищ, такой же молодой и здоровый, как и несколько десятилетий назад. Он призывал Зельдера отказаться от своей веры, сулил вечную жизнь и новую молодость, но старый барон, по всей видимости, отказался и был наказан демоном.

— А если все-таки поближе к нашим делам? — сказал Сигмар.

— А если поближе, то сейчас история повторяется. Слухи ходят уже около года, но уже два года минуло с тех пор, как я получил первое предупреждение о грядущих событиях. Чтобы уладить кое-какие дела, я ездил в Белую Речку, по обыкновению остановившись у одной старухи, Селены, содержащей что-то вроде постоянного двора. Как обычно, вечером она кормила меня вкусным ужином. Я поднял голову, чтобы поблагодарить бабку, но еда просто встала поперек горла. Передо мной сидела она и вроде бы не она, седые пряди выбились из платка и вздыбились вокруг головы, глаза светились как две лучины, а она, увидев мое замешательство, засмеялась не своим голосом и сказала, с трудом открывая рот и кривя губы: «Бес проснулся — быть беде». Я вскочил, достал амулет Незримого, уже не зная, что делать, как увидел недоуменный взгляд Селены. В тот же момент от ее стула отделился человеческий силуэт, уплывший в темноту. Ночью мне снился какой-то мужик, бормочущий

про царя демонов, собирающего свиту, пробуждение беса и другие глупости. Потом он превратился в старую бабку, которая мне причудилась вечером, и стал смеяться безумным смехом. Я проснулся в холодном поту, а его нечеловеческий хохот так и продолжал стоять в ушах. Поэтому, узнав о похищениях, я уже не столь сильно удивился.

Сигмар, слушая барона, сам наблюдал за Эйнар, который по мере повествования нахмурился все больше и больше, а услышав историю с Селеной, даже слегка побледнел. Решив выправить ситуацию, солдат прервал разошедшегося барона.

— Спасибо вам, уважаемый Зельдер, но я вижу, как тяжелы вам эти воспоминания. Поэтому предлагаю сменить тему, к тому же вы итак прояснили многое своим рассказом.

Вслед за этим потек разговор об охоте, торговле, Флориане и диковинных часах в Старгороде.

Эйнар потихоньку пришел в себя и втянулся в беседу. Про часы он уже рассказывал сам. Контрабандист расписал их так, что барон уже собирался немедля броситься в путь и лишь ночная пора остановила его, поэтому изрядно выпивший Зельдер решил дождаться следующего дня.

Уже под утро, укладываясь спать, Сигмар осведомился у товарища о причинах такой бурной реакции. Эйнар, разумеется, не ответил, но чуть позже совершенно невпопад брякнул, не на шутку встревожив Северина:

— Слушай, Сигмар, чую я, что лезем мы с тобой в самое пекло.

В итоге путники отправились в Белую Речку лишь после обеда. Лошади лениво шагали по жаре, а Эйнар, опасаясь заблудиться, внимательно следил за дорогой, выискивая указанные бароном ориентиры. Сигмар, уставший от их неторопливой поездки, увидел на горизонте телегу, груженую бочками, с двумя сельчанами на козлах. Он пришпорил коня и помчался к ним навстречу:

— Эй, мужики, здорово. В Белую Речку верно едем?

Тот, что держал вожжи, как-то подозрительно переглянувшись с соседом, ответил:

— И тебе не хворать, едете то правильно, через два поворота направо. До вечера доберетесь, я думаю, только...

— Спасибо, дядьки, — собрался обратно Северин, как до него дошло, — постой, что только?

— Не надо вам туда, нехорошо там, — почесывая поясницу, неясно ответил мужик.

— Ты чего тут загадки загадываешь, напугать хочешь? — начал уже злиться Северин.

— Ничего я не хочу, просто нехорошо там, — миролюбиво ответил возница, вновь подозрительно переглянувшись с соседом.

Несмотря на послеполуденный зной у солдата внезапно пробежал озноб по телу, он потряхнул головой, чтобы снять наваждение и, развернув лошадь, двинул к своим.

— Что там, Сигмар, верно едем? — спросил у солдата Эйнар, когда тот влился в их строй.

— Да, через два поворота будет дорога направо, — сообщил Северин товарищам, решив не рассказывать о предупреждении подозрительных личностей.

Их небольшой отряд достиг цели уже вечером. Они въехали в деревню в промозглых сумерках, небо ясное в течение всего путешествия, здесь было затянуто мутной пеленой низких туч, улицы деревни застилал туман.

С зажженными факелами они следовали по главной улице в поисках дома старосты. Белая речка не изумляла своими размерами, всего полторы улицы из, быть может, сорока

домов, и они легко отыскивали нужное здание. Из-за закрытых ворот путников яростно облаивали дворовые псы, возвещая об их прибытии, поэтому ни Эйнар, ни Сигмар не стали спешиваться, ожидая появления кого-нибудь из дома. Встречать их вышел сам староста, довольно полный человек неопределенного возраста с отвисшими щеками, бегающими маленькими глазками-пуговками и гладко прилизанными жиденькими волосенками. В целом деревенский голова оправдывал описание, данное ему бароном: «Скользкий тип, неприятный такой».

— Доброго вечера, староста Вельфир, мы прибыли из Старгорода по поручению дуки Никифора, — громовым голосом вещал Эйнар, — твой барон велел тебе подыскать для нас место для ночлега и помогать нам по мере сил.

Староста, услышав гостей, весь как-то нервно задергался, будто пританцовывая на месте:

— Нельзя ко мне, господа, никак нельзя, полы хочу перестелить, гниют падлюки. Вы лучше разместитесь у Селены, она с того края деревни живет, места на вас хватит, это точно.

— Хорошо, староста, но завтра жди нас с утра, есть разговор, — ответил посланник Атмара.

Вельфир, едва дождавшись отъезда гостей, скрылся за своими крепкими, дубовыми воротами, с резным изображением четырехлучевого солнечного диска. Сигмар, на повороте обернулся, но сквозь крепко закрытые ставни поместья решительно ничего нельзя было углядеть внутри здания.

Когда Вельфир покинул гостей, он спешно вернулся в свои покои, где его, практически в полной темноте, ожидал бледный, с мертвенного вида лицом, мужчина, однако, взор его был ясен, а движения резки и уверены. Староста заметно боялся своего таинственного посетителя.

— Вот те, о ком я тебе говорил, Вельфир. Не доноси им ничего о нас, отвлекая их внимание, будь радушен, лучше всего, если они покинут деревню в полной уверенности, что здесь все спокойно. Если люди не уймутся, мы найдем, как исправить положение, но пока, делай, как мы велим. Ты понял? — спокойно, неторопливо, но веско проговорил ночной гость.

Староста кивнул, и незнакомец поднялся со скамьи, он медленно вошел в тень, став как бы частью ее, едва различимый силуэт проскользнул к окну и растворился в нем без следа. Вельфир тяжело осел на скамью, утирая рукавом вспотевший, несмотря на ночную прохладу, лоб.

А тем временем, горя желанием побыстрее разместиться, путешественники подстегнули лошадей, с шумом промчавшись по деревне.

Селена не особо удивилась приезду гостей и, выслушав их короткую рекомендацию,пустила пришельцев внутрь. Вскоре, привычно уладив дорожные дела, вся честная компания находилась за столом, жадно уплетая немудреный, но вкусный деревенский ужин. Селена, оказавшаяся благообразной старушкой незлобливого нрава, не отходила от гостей, с интересом выслушивая последние новости большого мира. Во рту у нее осталось всего четыре зуба, что не мешало ей иногда искренне посмеяться вместе с гостями. Наконец, когда с ужином и новостями было покончено, Эйнар завел привычную шарманку об исчезновениях и Фавнире.

— Совсем туго стало, деревня наша обезлюдела, кто может, тот бежит отсюда, куда глаза глядят, — жаловалась старушка, но Сигмара куда более интересовал загадочный егерь.

— Ты уж немало пожила, бабуля, может помнишь такого человека, Фавнир, его имя.

— Конечно помню, из-за него, проклятого, я сколь десятков лет без мужа живу, да и сейчас все куда как похоже на то, в чем его обвиняли.

— Твой муж тоже пропал, как и остальные? — спросил Сигмар.

— Нет, милоч, здесь все приключилось по-другому, — Селена поставила локти на стол и, подперев голову рукой, медленно начала рассказывать, не глядя на гостей, — ну, я мыслю, раз вы знаете его имя, так и про судьбу его наслышаны?

— В общих чертах, — заметил Северин.

— Ну а подробнее я и сама не знаю, помню лишь, что мой муж, Хильд, сам не свой был тогда, как хотел наказать Фавнира. Были у них промеж собой свои счеты, так или иначе, мой супруг был одним из главных зачинщиков расправы. Только не подумайте, что это было просто душегубство. Это была кара, честная расплата за все то горе, что принес этот проклятый охотник деревне. Я так испугалась тогда за мужа, когда приехал сам барон и начал свой суд. Но все обошлось, люди Ордена тоже хорошо отнеслись к нему, хотя и велели не своевольничать впредь, а доносить Храму обо всем, тот мол сам разберется кого жечь, а кого простить.

История позабылась, стали жить-поживать, обрастали добром, дом новый поставили, побольше. Хорошо жили, да только стала Хильда преследовать невезучесть какая-то, огонь стал его напастью. То печь разжигает, да ему уголек на бороду попадет, пол-лица обгорело, то в костер упадет, едва успели рубаху затушить. Стал муж смекать тогда, что неспроста все это, а мстит ему кто-то крепко. Он мужик был башковитый, потому поопасливей стал, везде где работал рядом воду держал. Да только не углядел раз, баня, где Хильд мылся, загорелась, пытался он выбраться или нет, того уж не скажешь, одно ясно, что сгинул он в огне, как его недруг, Фавнир.

— Опасный тип, этот егерь, пожалуй, Эйнар прав, мы лезем в самое пекло, — дослушав рассказ старушки, подумал Сигмар, а вслух сказал, — а как ты думаешь, Селена, такое может быть, что охотник до сих пор жив?

— Я в этом уверена, только он жив не так, как ты или я, а иначе. По сути, он уже мертвец, хотя и заделавшись слугой зла, выпросил себе поблажку, и охотится теперь не на косуль и зайцев, а на людские души.

Посидев еще немного, товарищи улеглись спать, а перед этим, Рик, вскользь намекнул Гарланду:

— Сдается мне, что за опасность придется накинуть по паре талеров на брата.

— Ты, повидавший виды труженик меча, проливший реки крови, и вдруг испугался рассказней выжившей из ума старухи? — засмеялся контрабандист, немало удивившись.

Но вождь наемников не утратил серьезности:

— Рассказни не рассказы, а своей чуйке я верю, иначе бы давно лежал в сырой земле. А она говорит мне — будь настороже, Рик, будь настороже, здесь творятся ужасные вещи.

— Всегда нужно быть настороже, так что твой совет принят к сведению, а теперь пора отдохнуть — ответил Эйнар, и, не желая продолжать опасную беседу, улегся на своей кровати, через пару минут задав отменного храпака, от которого тряслись стены.

Утром компаньоны, взяв Яруна и Рогатого, отправились к старосте на разговор.

— Тьфу, что здесь за дрянная погода, — выругался Свен, когда они вышли на улицу. И было отчего, тучи по-прежнему полностью покрывали небо, не пропуская солнечные лучи к соскучившейся по ним почве, воздух был прохладным и влажным, и, казалось, стремился

проникнуть своими щупальцами сквозь одежду к телу, чтобы высосать все тепло. Чтобы не оседлывать лошадей, компаньоны отправились к Вельфиру пешком, благо идти было не очень далеко. Они шли, а деревня казалось вымершей, лишь изредка им попадались вяло бредущие крестьяне, да привычная деревенская живность, остальные же как-будто попрятались за своими массивными деревянными воротами.

Встретивший гостей староста был полной противоположностью себе вчерашнему. Он выглядел веселым и беззаботным, его пороссячи глазки лучились радостью. Вельфир провел гостей в покои и предложил дожидаться обеда, чтобы вместе провести трапезу. Сигмару, кстати не ему одному, веселье старосты показалось наигранным и натужным, а улыбка поддельной. По молчаливому согласию, товарищи отказались от обеда, на всякий случай. Слово взял Эйнар:

— Спасибо, Вельфир, но мы только поели, да и к тому же времени у нас не очень много, а дело нам поручено важное. Потому не будем ходить вокруг да около. Ходят упорные слухи о непонятных исчезновениях людей в суравских лесах и все пути сводятся сюда, в Белую Речку, — контрабандист тяжело уставился на Вельфира.

Староста, забежав глазками и нервно барабанив пальцами по столу, ответил:

— Вранье все, господин, от первого до последнего слова. Брешут всякие негодяи глупости, про нечисть небось рассказывали, да кто в здравом уме в это поверит.

— Вранье значит, ну и зачем тогда распускают подобные слухи, поведай нам.

— А кто ж их знает, я то ведь не из тех, кто такие гадости болтает, может попугать кто себя любит, может из зависти бают, чтоб к нам сюда ездить перестали. Раньше то деревня ого-го была, барон нас любил, заезжал все время, а сейчас уж не то, захирела Белая Речка, да.

Северин слушал, а сам исподволь наблюдал за Рогатым Свеном, который весь покраснел и скрипел зубами, явно борясь с собой, чтобы не заткнуть старосту. Только правила приличия не позволяли наемнику наорать на хозяина в его собственном доме. Сигмар незаметно показал Рогатому помолчать и успокоиться, а сам вернулся к разговору. Но более ничего интересного Вельфир не поведал. Напрочь отрицая слухи, он как мог хвалил свою деревню и пытался навязать угощение гостям.

— Спасибо староста за помощь, но нам пора, а потрапезничаем потом как-нибудь, — прервал его Эйнар, и компаньоны вышли из поместья старосты наружу.

— Врет собака, — наконец прорвало Свена.

— Ты о чем? — спросил солдат.

— Как о чем, брешет Вельфир, наглый пес. Если все говорят одно, значит есть тут правда, деваются куда-то люди, этого, как там, Марека, ты и сам видел. Такие шрамы от чего по твоему остались, какой зверь такое сделает, а? Да никакой, я тебе скажу, и поверь, я знаю, о чем говорю.

— Ладно, ладно, не пытаться же нам его, во всяком случае, сейчас, — успокоил Рогатого контрабандист.

— Ну, друг, куда дальше двинем, — осведомился у Эйнара солдат.

— Да думаю, местный храм посетить, вон купол его виднеется.

— Так он же заброшенный.

— Ну и что, тем лучше для нас, в путь ребята.

Компаньоны отправились по главной улице деревни в сторону леса. Заброшенный храм находился возле опушки, буйно разросшаяся растительность уже вплотную подступала к нему. Здание было каменным и внешне выглядело вполне целым, лишь черепичная крыша в

паре мест обвалилась, обнажив толстенные деревянные перекрытия. Рядом с культовым сооружением неожиданно притулилась старая, замызганная палатка, человек на десять. Отправленные на разведку Ярун и Рогатый внутри никого не встретили. Оставив у дверей Свена, компаньоны зашли внутрь, отворив изрядно подгнившие двери.

Их встретила атмосфера запустения и заброшенности — иссохшие лавки, готовые разрушиться от легкого прикосновения, потускневшая статуя воплощений Незримого, проржавевшие подсвечники, развешанные по стенам. Все это было покрыто толстым слоем пыли, в которой ярко и отчетливо отпечатались пересекающиеся следы нежданных гостей, по всей видимости, обитателей той выдавшей виды палатки у входа. Стараясь не шуметь, компаньоны осмотрели здание, но никого и ничего не обнаружили. Место было забытым и безмолвным, как заброшенное кладбище, и они повернули назад. Едва Ярун переступил порог, как неожиданно рванулся вперед, следующий за ним Сигмар тоже припустил, когда увидел происходящее.

На дорожке, Свен прижал к земле незнакомого мужика и яростно лупил его по морде, приговаривая:

— Я тебе покажу беса, я тебе покажу рогатого.

Вдвоем Ярун с Сигмаром оттащили наемника от избитого, который сел на дороге и обхватил голову руками, словно пытаясь прийти в себя. А к ним уже бежали пятеро новых действующих лиц. Однако, они оказались благоразумными и прежде чем лезть в драку сперва решили узнать обстановку.

— Эй, что случилось? Кто главный? — сходу закричал высокий, плечистый мужчина с черными, как вороново крыло волосами и крючковатым носом.

— Я, — ответил контрабандист, — меня зовут Эйнар, посланник дуки Никифора. Ваш человек оскорбил моего друга, за что и получил. Так было, Свен? — повернулся он к Рогатому.

— Именно так, все верно, — обиженно просопел тот, — этот бурдюк умудрился еще и родителей моих оскорбить, пусть благодарит, что я вообще его не убил.

Главарь неизвестных, услышав столь громкий титул, сразу же сник и предпочел пойти на попятную:

— Мы с уважением относимся к могучему начальнику стражи Старгорода, а равно и к его посланникам, поэтому верим вам с первого слова. Мы разъясним нашему непутевому товарищу его ошибку.

— Хорошо, тогда я полагаю, мы можем разойтись, но прежде... Мы расследуем здесь некое дело по заданию Никифора, о чем есть печать самого дуки, а вот ваше присутствие здесь довольно подозрительно, прошу вас, объяснитесь.

Слово вновь взял черноволосый:

— Меня зовут Корв, я начальник рабочей команды. Храм поручил нам восстановить местную часовню, дабы жители беспрепятственно могли восславить Незримого. Если хотите, могу показать бумагу, скрепленную печатью самого епископа Суравы.

— Нет, спасибо, — ответил Эйнар, а сам жестом показал ребятам уходить.

— Странные какие-то каменщики, на рабочих совсем не похожи, — размышлял контрабандист, идя по дороге.

— Да и инструмент у них все больше ломать годится, — делился сомнениями Ярун.

— Но, пока это не наше дело, — махнул рукой контрабандист, — вернемся, пожалуй, к нашей гостеприимной бабуле.

У входа в деревню они заметили девушку. Она неподвижно стояла, глядя в сторону леса, глаза ее были красны и опухли от рек выплаканных слез. Ее скулы резко выпирали, а кожа на иссохших руках резко очерчивала кости рук.

— Нда-а, ну и деревенька, если подобное творилось полсотни лет назад, то я понимаю, зачем они сожгли этого егеря, — вслух подметил Сигмар, а за обедом спросил у Селены:

— Это что за изваяние у вас на краю деревни?

Бабуля поняла все с полуслова:

— Ее зовут Милана, бедная девочка. Муж несчастной уехал в Лесные ключи к родственнику, да и не доехал, пропал бесследно. Вот она и стоит, ждет его вроде как. Уж и пытались ее увести, привязывали даже. Но не помогает, только хуже делает. Белугой воет, плачет, кричит, волосы на себе рвет, совсем с ума сошла девка.

Кто-то из наемников тяжело вздохнул:

— И эх, жалко бабу.

— А что, бабуль, он по какой дороге ехать собирался?

— По Ингердовой, она как-раз по лесным деревням идет, куда рекой не добраться, а вы никак по ней ехать собираетесь? Не вздумайте!

— Это почему это? — задался вопросом Сигмар.

— Сгинете там ни за что, ни про что.

— Не бойся, бабка, и не в таких переделках бывали, а вишь — живые стоим, — успокоил Селену Рогатый, а их неформальный глава экспедиции хлопнул ладонью по столу.

— Ша ребята, придется нам проверить эту дорогу, так что вооружайтесь, как следует, и к вечеру двинем.

Остаток дня компания провела в приготовлении к походу. Они подгоняли снаряжение, проверяли бронь и щиты, разминались с оружием и без, проводили учебные схватки.

На закате княжьи люди, готовые к бою, выстроились в круг во дворе усадьбы Селены. Выслушав последние наставления Эйнара, они молча стояли и слушали вечерний стрекот кузнечиков и пение птиц, каждый думая о своем. Небо неожиданно прояснилось и на горизонте окрасилось в багровый цвет. Ярун скромно заметил:

— Хороший знак, друзья, небо чистое. Да поможет нам Незримый.

— Ты прав, его помощь нам явно лишней не будет. Вперед ребята, но для начала навестим старосту.

Путники вывели уже оседланных лошадей на улицы и запрыгнули в седла. Промчавшись по деревушке, они подъехали к поместью деревенского головы, застав его копошащимся около забора.

— Эй, Вельфир, ты ли это, друг? — закричал Сигмар.

А староста уже всю семью селенил к ним.

— Я, ребята, я. А вы никак уезжать собрались, — с надеждой в голосе спросил староста.

— Навроде того, посоветуй-ка нам дорогу до Лесных ключей, там вроде два пути есть, прямая и в объезд, какая лучше?

— А езжайте по прямой, по Ингердовой, так быстрее будет, — ответил Вельфир, а солдат уловил едва заметный злорадный огонек в его глазах.

— Там безопасно? — осведомился Эйнар.

— Конечно, господин, у нас все оттуда ездят, никто не жаловался.

Рогатый, слушая эту ахинею, отвернулся и молча краснел, вполне готовый поспорить своим цветом со спелым помидором.

— Спасибо, староста, за совет, а нам пора в путь. Может, свидимся еще, отведем твоего угощения, а пока всего доброго, — попрощался контрабандист, развернул лошадь и жестом пригласил товарищей в путь.

Они ходко двигались по указанному пути, а день неумолимо отдавал свои права ночи. Чащобы они достигли уже в полной темноте. Шестеро против полной неизвестности.

Медленно вышагивая по лесной дороге, всадники зорко смотрели по сторонам, выискивая возможную угрозу, но лес был обманчиво спокоен.

— Э нет, мы в таких потемках никого не углядим. Придется на живца ловить, пешим порядком, — наконец решился Эйнар.

Княжьи люди привязали лошадей к деревьям и, разбившись на пары, двинули дальше. Эйнар и Сигмар по самой дороге, Ярун с Риком по лесу слева, Хальм с Рогатым справа. Время от времени они оповещали друг друга свистом о том, что все в порядке. Сигмар несмотря на надежную броню и присутствие верного друга рядом, совсем не чувствовал себя в безопасности. Напротив, страх скручивал его внутренности, усиливаясь с каждым шагом. Внезапный громкий крик справа заставил Северина вздрогнуть. Почувствовав неприятную горечь во рту, он сплюнул и, повинувшись приказу Эйнара, побежал в сторону крика. Добравшись до места, они застали Свена в боевой стойке, дико озирающегося по сторонам и рисующего шипящую мельницу мечом.

— О, это вы друзья, вооружайтесь скорее, бесы рядом, они забрали Хальма!

Тут Сигмар услышал шорох сбоку от себя. Северин резко развернулся, на ходу поднимая щит. И весьма вовремя, клубящаяся темнота нанесла свой невидимый удар. Рука солдата сразу же онемела, а на щите появилось несколько глубоких борозд. В ответ он стремительно ударил снизу мечом, но тварь оказалась не промах и вовремя отскочила, обнаружив человекообразное строение. Сигмар, увидев, что чудовище, несмотря на всю свою сверхъестественность материально, ринулся в атаку.

Используя все навыки, полученные в учебных боях с Эйнаром, он пытался уязвить демона, но тот играючи уходил от ударов меча, словно смеясь над солдатом. Увлечшись, Сигмар забыл о защите, и на замахе демон неожиданно ударил его в грудь. Северин отлетел, дыхание перехватило, слезы сами брызнули из глаз. Силясь подняться, он с ужасом наблюдал, как тварь подплывала к нему. Немую сцену прервал Ярун, он с разбега нанес демону удар, располовинив его до пояса. Сигмар заметил, что меч наемника мерцал неярким, желтовато-красным светом. Тварь резко завизжала, в воздухе запахло паленым, а неожиданный противник растаял в темноте.

— Давай, друг, подымайся, — протянул руку Ярун.

Сигмар, крепко ухватившись за ладонь наемника, подтянулся и встал на ноги. Свежий лесной воздух, наконец, наполнил легкие солдата. Не сговариваясь, вся компания поспешила на открытое место. Северин мчался, не чувствуя себя. Упругая лесная почва мягко пружинила под ногами, а разросшиеся корни норовили хватить за ноги.

Добежав до дороги, вся компания, подняв щиты и мечи, сгрудилась вокруг Яруна, который, едва заметно шевеля губами, шептал неизвестные молитвы. Амулет наемника замерцал светом закатного солнца. Северин кожей ощущал, как воздух буквально звенел от творящегося волшебства.

Секунда, две, минута. Повисла мертвая тишина, разбавляемая лишь тяжелым дыханием собравшихся воинов. Медленно, аккуратно переступая, напряженно вглядываясь в окружающую их темноту, они двинулись в сторону лошадей.

— Вперед ребята, уходим отсюда, — приказал, взбираясь на лошадь, Эйнар, когда они достигли цели.

Свен взвился:

— Эй, а как же Хальм?

Ярун положив Рогатому руку на плечо, тихо заметил:

— Боюсь нашему другу уже не помочь.

— Да, а ты откуда знаешь? И что за штуки ты показывал? — продолжал горячиться Свен, — это ты за этим пропал на шесть лет? Чтобы выучиться колдовать?

— Это не колдовство, а милость Незримого, которой он озаряет верных рабов своих, а что до Хальма, скажи мне Свен, куда демоны его уволокли? Не знаешь? Тогда не болтай глупостей, сунемса к нечисти в логово, пропадем ни за грош. Я считаю, нам нужен Вельфир, этот слизень явно что-то знает.

— Вельфир? Аа, староста, точно-точно, эта гнида и заманила нас сюда.

— Да, я тоже хотел навестить его, — согласился контрабандист.

Определив себе цель, воины вскочили в седла и помчались к поместью старосты.

А тем временем сам Вельфир внимательно выслушивал наставления своего покровителя.

— Сейчас к тебе придут люди, они будут злы, будут спрашивать о нас. Ты удивишься, заплачешь, будешь молить их о пощаде, и только после этого направишь их в старую часовню. Ход в подземелья открывается поворотом меча статуи Воина. Три раза направо. Запомнил, человек?

— Дда, — кивнул староста, захлопав своими маленькими глазенками.

Вихрем неслись воины по дороге, никто не произнес ни слова, лишь стук копыт, шуршание сбруи и сопение лошадей были их спутниками. Добравшись до поместья Вельфира, компания не стала терять времени и звать хозяина. Их нападение было внезапным как вспышка молнии. Рик и Свен, перебравшись через забор, быстро успокоили дворовых собак и отперли тяжелые створки ворот товарищам. Выбив входную дверь, ратники проникли в поместье. Вельфир встретил неожиданных гостей в сенях, увидев их решимость, он сглотнул и попятился назад.

— Получай, гнида! — подбежал к нему Свен и с размаху ударил в челюсть, сбив старосту с ног.

— Отвечай, где Хальм, где?! — кричал он, пиная скрючившегося на полу деревенского голову. Большого труда стоило главарю наемников на пару с Эйнаром, чтобы оттащить разбушевавшегося Рогатого. Сигмар подошел к старосте и резко поднял его на ноги, убедившись, что тот понимает его, солдат начал допрос:

— Где Хальм? Кто приказал тебе заманить нас в западню? Отвечай!

Вельфир, лишившийся нескольких зубов, лицо которого уже начало заплывать в месте удара, весь как-то съежившись, бухнулся на колени и зарыдал.

— За что, господин, за что? Я ничего не знаю, никакого Хальма, никого...

Сигмар схватил плачущего старосту за шиворот и рывком бросил на подвернувшуюся длинную лавку.

— Не ври нам, Вельфир. Мы потеряли хорошего друга, а виноват в этом ты, так что поверь, никто не будет с тобой церемониться.

Допрашиваемый молчал, тяжело дыша. Его маленькие, плутоватые глаза бегали из стороны в сторону. Тем временем Рогатый, воспользовавшись тем, что державшие его

ослабили хватку, вырвался. На ходу достав нож, он подбежал к Вельфиру и рычащим от злости голосом произнес:

— Говорри, паскуда.

Наемник пару секунд ожидал ответа. Не дождавшись, Свен схватил старосту за руку, и, прижав ее к скамье, резко отсек ему один палец. Вельфир заверещал как закалываемая свинья, кровь оросила деревянный пол, рассыпавшись созвездием ярко-красных капель. А Рогатый, совершенно потеряв разум, кричал:

— Где Хальм? Говори или я тебя сейчас на куски порежу!

Побледневший староста широко распахнутыми от страха глазами смотрел, как Рогатого оттаскивают Рик и Эйнар. Сигмар продолжил допрос:

— Я жду ответа, или ты хочешь еще немного пообщаться вон с ним, — указал он на Свена.

Староста вздохнул и, стараясь не смотреть на кусок ткани, которым солдат наскоро перемотал ему кисть, заговорил:

— Я действовал по приказу одного из Старших Братьев, не знаю его имени. Их логово в заброшенном храме, под землей, вход открывается так, — он помолчал, стараясь преодолеть внезапный приступ дрожи, — изваяние Воина держит меч в руках, поверните его три раза направо, и вход в подземелья откроется.

— Смотри Вельфир, если соврал, то мы живо оборотимся, и уж тогда ты парой пальцев не отделаешься.

— Чего ждать-то, я прямо сейчас могу его слегка подкоротить, — язвил Свен, но Эйнар оборвал наемника.

— Хватит, Рогатый, мы узнали, что нужно. Сигмар, Ярун вяжите этого тюфяка и даем деру отсюда, чем быстрее доберемся до храма, тем вернее спасем Хальма.

Наскоро повязав старосту, посланники Атмара направились в сторону окраины деревни, где прижатая лесом, пустовала заброшенная часовня.

Вскоре после их ухода из поместья, перед полусидевшим на лавке Вельфиром, который с тревогой наблюдал за стремительно набухающей кровью повязкой, сгустилась тьма, приобретающая человеческие очертания. Пути неожиданно ослабли, а в голове зазвучал тяжелый голос.

— Молодец, ты выдержал испытание и не проронил ни слова о Сеерхалле, даже и под пытками. Быть может, вскоре мы сочтем тебя достойным Посвящения.

Гость подобрал побелевший палец и, сдернув насквозь сырую тряпицу с руки старосты, приложил обрубок к кисти. Вельфир почувствовал, как его тело наполняется легкостью, с удивлением и ужасом он взглянул на свою руку. Омертвевшие ткани оживали неведомым образом, разорванная кожа срасталась, не оставляя малейших шрамов. Старший Брат отпустил руку Вельфира, который с недоверием пошевелил, казалось бы, навеки потерянным пальцем. Неожиданно деревенский голова упал перед гостем и гулко зарыдал, дрожа всем телом.

Добравшись до места, искатели спешили и направились к часовне, стараясь производить как можно меньше шума. Рик и Эйнар, подобно теням проникли в палатку, вырезав в полотняной стене проход, но их встретило безмолвие. Ничто не выдавало человеческого присутствия, а потому, осмотрев шатер, воины направились в храм. Звук яростно заскрипевших дверей показался Сигмару оглушительно громким в ночной тиши. Свен просунул голову внутрь и через пару секунд показал товарищам на вход. Внутри их

ожидало небольшое открытие. Указанный старостой тайный проход в подземелья был уже открыт, тяжеленная каменная статуя Воина сдвинулась вбок, обнажив узкий люк, ведущий вниз. Поочередно спустившись, приключенцы собрались вместе, а Свен зажег припасенный факел. В неверном, дрожащем свете полыхающей головки перед ними проявились круглые своды коридоров, вымощенные кирпичом.

— Нда, тут особо не развернешься, — проворчал Большой Рик, прикинув ширину хода, — Ярун со мной вперед, идем, сомкнув щиты, Свен с факелом посередине, а вы друзья прикрывайте тыл.

— Хорошая идея, двигаем — одобрил Эйнар.

Коптящий факел скупо освещал кирпичную кладку.

— А здесь довольно сухо для подвала, — отметил про себя Сигмар, осторожно ступая вслед товарищам.

— Тсс, — полуобернулся Рик.

Насторожившись, Сигмар уловил впереди едва слышимый шум, похожий на звуки битвы.

— Уааа!! — звериный вопль ударил по барабанным перепонкам Северина, который вместе с Эйнаром развернулся и поднял щиты. Но чудовище напало на Рика и Яруна. Сильными и быстрыми атаками оно умудрялось теснить двух опытных воинов, чьи мечи оказались бессильны перед порождениями тьмы. Не зная, чем им помочь, солдат лишь напряженно вглядывался в свой сектор наблюдения, изредка оглядываясь назад. Тут он заметил крошечный огонек на острие своего меча. Северин растерянно сморгнул, но видение не исчезло, а пламя без огня окутало уже половину меча. Оглянувшись, Сигмар обнаружил то же самое у своих боевых товарищей, чьи амулеты также мерцали неярким светом. Ярун резко упал на одно колено, пропустив поверху очередной удар когтистой лапы, и вонзил свой преобразившийся меч в брюхо чудовища, которое растерянно отступив, совершенно по-человечески простонало. От середины туловища по телу демона пробежала волна, преобразившая тварь, которая обратилась в подобие каменной статуи. Осторожно, маленькими шажками, Ярун сблизился с истуканом и резко выбросил руку со щитом вперед, обратив в прах демоническое изваяние.

— Уууф, — выдохнул Эйнар, — оно все-таки смертно, это радует, но, может, ты все же объяснишься, мой рыжий друг.

— Не сейчас, после, — отмахнулся Ярун, — у нас другая проблема, из пяти мечей против нечисти годятся лишь четыре. Незримый не дал силы Свену, ибо тот не имеет в сердце истинной веры. Рогатый загорячился:

— Я и с железным мечом покротю эту нечисть, ваше колдовство мне ни к чему.

— Некогда спорить, друзья, нам нужно двигаться дальше, — поторопил всех Рик.

Компаньоны двинулись по узким коридорам вперед, факел Рогатого едва рассеивал темноту подземелий, и воины шли скорее на доносящиеся звуки битвы, нежели руководствовались своим зрением.

Пропуская ведущие неведомо куда ответвления узкого коридора, они сосредоточенно шагали вперед, ежесекундно ожидая нападения.

— Слышите, мы уже рядом, — обратился Ярун к спутникам.

Сигмар действительно слышал отчетливо различимые звуки: звериный вой впереди и крики людей, на фоне этой какофонии чуть заметно гудел ветер. Продвинувшись на пару десятков метров их ошестинившийся мечами строй попал в немалых размеров крипту. Едва

рассеиваемый факелами, закрепленными в стенах, полумрак скрадывал величественную обстановку. Но все же Северин разглядел колонны из белого мрамора, подпиравшие оштукатуренный потолок, покрытый изысканными фресками. Между колоннами высились ряды каменных саркофагов, украшенные замысловатыми узорами и лепниной.

Между гробницами и на противоположном конце крипты, у стены с барельефом, изображавшим четырехлучевой солнечный диск, кипела битва. Атакующий демон, как две капли воды похожий на их недавнего противника, теснил широкого в плечах мужика, чей топор бесполезно вонзался в тело чудовища, не причиняя вреда. Едва заметный, мощный удар когтистой лапы рассек горло несчастного, оторвав нижнюю челюсть. Голова откинулась, и из рассеченного горла брызнул фонтан крови, к которому жадно припал демон.

— Эге, мужики, так просто не уйдем теперь, — подметил Эйнар, а на новых действующих лиц уже обратили свое зловещее внимание хозяева подземелий. Но заколдованные мечи верно разили нечисть, раз за разом обращая их в пыль.

С упоением бились посланники Атмара, не заметив, как прямо в середину их строя прыгнул очередной Младший Брат, а именно так в иерархии учеников Фавнира именовались эти твари. Мощным ударом демон оглушил Свена и внезапно нанес сдвоенный удар в спину Яруна, который отлетел на добрые пару метров, ударившись грудью о каменный саркофаг. Не теряя времени даром, Сигмар пронзил своим мечом затылок чудовища, а сам бросился на помощь товарищу.

— Больно дышать, похоже, эта тварь сломала мне пару ребер, — сообщил наемник Северину, который оттащил его с гробницы и уложил на пол.

— Подожди чуть-чуть, мы почти их перебили, — солдат подложил оставленный искателями приключений мешок под голову Яруна, а сам поднялся и оглядел крипту.

Под изображением солнца друг напротив друга встали его боевые товарищи и выжившие искатели приключений, в одном из которых Северин узнал черноволосого бригадира рабочей команды, встреченной ими днем у шатра.

Между двумя группами бойцов явно назревал конфликт. Подойдя ближе, Сигмар увидел и его причину — на серой запыленной мешковине лежал громадных размеров изумруд, по всей видимости, покинувший свое место в солнечном барельефе.

— Ты не забывай, если бы не мы, вас бы уже давно сожрали, — тыкая в грудь Корву, вещал Большой Рик.

— А я так думаю, что и без вас мы почти всех изничтожили. Хотя за помощь благодарю, конечно, но камень наш, вы про него слышали раньше? За ним сюда пришли? Нет? Так и идите восвояси, — невозмутимо ответил бригадир лжекаменщиков.

В беседу вмешался раскрасневшийся как свекла Свен:

— А если я тебе сейчас запросто башку отчекрыжу, тогда как?

— Попробуй сперва, тогда узнаешь, — пожал плечами черноволосый, совершив непоправимую ошибку.

Рогатый кинулся в атаку без предупреждения, стремительный, как коршун. Но реакции Корва можно было позавидовать, меч Свена лишь со звоном отскочил от железной окантовки щита бригадира, не принеся вреда.

Сигмар побежал на помощь к друзьям. Он уже не чувствовал страха, уставший, желая лишь одного — побыстрее покинуть эти проклятые подземелья. Но на его пути выросло препятствие, один из строителей, выраженный в побитую временем стеганку, со стареньким

деревянным щитом и грозным оружием — моргенштерном. Противник медленно подходил к Северину, покачивая опущенной правой рукой, отчего шипастый металлический шар на железной цепи раскручивался в разные стороны, притягивая внимание солдата. Шестое чувство не подвело Сигмара, по наитию, быстро подняв щит, он успел заслониться от летящего со свистом снаряда. Левая рука мгновенно онемела до самого плеча, щит стал казаться непомерно тяжелым, а утренняя звезда уже летела сверху, грозя размозжить голову. Сигмар едва успел увернуться, и смертоносное орудие лишь несильно задело шлем, однако, в голове уже зашумело от ошутимого удара.

— Этак мне скоро конец придет, — мелькнула отстраненная мысль, заставившая уставшее тело двигаться и нападать.

Пара финтов, удар своим щитом по вражескому, атака мечом снизу и неудача. Против Северина явно стоял опытный противник. Свист. Удар. Рука Сигмара уже почти не повиновалась ему, солдат отпрыгнул, чтобы не пасть жертвой новой атаки. Внезапно фортуна подкинула дезертиру шанс, и он воспользовался им сполна. Железный шар моргенштерна завяз в дубовых досках щита Северина, и прыжок солдата заставил противника потерять равновесие, сделать шаг вперед, обнажив туловище. Резкий, с выдохом, удар Сигмара попал точно в цель, пропоров стеганку и брюшину, окровавленное оружие Северина вышло из спины каменщика, руки которого безвольно повисли. Он выронил амуницию и обеими руками схватился за меч Сигмара, который мгновенно вытащил его из тела, начисто отрезав противнику пальцы. Тот сел на колени и через секунду упал лицом вниз. Северина пронзила мысль, что враг не один, в животе похолодело, он резко принял боевую стойку, огляделся и понял, что битва окончена.

Неподалеку от солдата сидел на корточках Большой Рик и безотрывно глядел на лежащего друга, в котором с большим трудом можно было узнать Свена. Удар вражеской палицы размозжил ему кости, превратив некогда полное жизни лицо в кровавую кашу. Чуть поодаль валялась в лужи крови отсеченная рука злодея, навечно зажавшая орудие убийства. В это время, стонущего и мечущегося обладателя руки, ударом милосердия прикончил Эйнар, безучастно поднявшийся и пошагавший к Северину. За плечами контрабандиста лежал с распоротым горлом, из которого стремительно вытекала жизнь, предводитель каменщиков, Корв.

— Ты как, жив? — спросил Гарланд и сам же ответил, — ага, цел вроде. Тогда меч вытри быстрее, чтобы не заржавел.

Сигмар подобрал валяющуюся тряпицу и принялся счищать тягучие, темно-красные капли с острия своего клинка. В это время, Большой Рик словно очнулся от оцепенения, приблизившись к Эйнару, он, требовательно вглядываясь в его глаза, задал вопрос:

— За что они погибли?

— Я предупреждал, что поход может быть опасным, — нимало не смущаясь, ответил контрабандист.

— Ты не предупреждал, что противником нашим будут неуязвимые демоны, и что идем мы на верную смерть.

— Ты — жив.

— И ты, хотя и не должен, а мои друзья, мои преданные соратники, с коими я обошел полмира, они мертвы!

— Я заплачу их долю тебе.

— Мне не нужны деньги, золото, даже этот поганый камень не нужен, — указывая в

сторону изумруда, отвечал Рик, — мне нужна справедливость, честный бой, один на один. Незримый укажет нам, кто прав.

Эйнар как-то тоскливо оглянулся на Северина:

— Да, Сигмар, наверное, ты подумаешь, что я сумасшедший, но я согласен с ним драться. Хватай камень, посмотри, что с Яруном и двигай к выходу.

Северин вложил меч в ножны, подхватил лежащую на мешковине драгоценность и, завернув ее в кусок грубой материи, положил в поясную сумку.

— Ярун, Ярун, — потрепал рыжего наемника по плечу Сигмар.

— Я, кх, кх, со мной все в порядке, лучше скажи, что они там удумали, — прокашлявшись, ответил Ярун, а на его губах заалела кровь.

— Нет, не все в порядке, раз кровь из легких идет, давай обопрись на меня, пойдем отсюда.

— Кх, а как же они, Рик, Эйнар?

— Это их дело, пусть они решат все сами, пойдем, — поднял Сигмар товарища и они пошагали по лабиринту тесных коридоров. У самой железной лестницы, ведущей наверх, их догнал Эйнар, его щека была распорота и сочилась кровью, но в остальном он был цел. На немой вопрос Яруна контрабандист ответил лишь:

— Рик хотел справедливости, он ее получил.

Выбравшись наружу, посланники Атмара задумались о том, что им делать дальше.

— Он не выдержит поездки, понимаешь, — доказывал, показывая на Яруна контрабандист.

— Но и оставить его мы не можем, если бы не его волшебство, нас бы порвали на части.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Я видел повозку, здесь у шатра, лошади у нас есть, медленнее конечно, чем верхом, но все равно успеем.

— Успеем куда? — резонно задался вопросом Эйнар.

— К Зельдеру. Он, я думаю, не откажет в помощи, тем более бумага Никифора при нас, можно припугнуть, если что. Хотя, скорее всего это не потребуется.

Эйнар задумался:

— Вообще это хорошая мысль, хотя лошадей придется бросить, конечно, но плевать, мы и так уже богаты, камень у тебя?

— Да, — похлопал себя по сумке Сигмар.

— Тогда решено, отправляемся в Рильке.

И вот уже в предрассветных сумерках катила по наезженной дороге повозка, управляемая Сигмаром. Солдат то и дело клевал носом, проваливаясь в сон. Рядом с ним скакал верхом Эйнар, по его виду казалось, что закаленному искателю приключений все нипочем. В повозке лежал, впавший в беспамятство Ярун, ему явно становилось хуже, и Эйнар, то и дело беспокоило заглядывал внутрь, размышляя, чем помочь наемнику. За время путешествия он успел сдружиться с рыжим балагуром и искренне переживал за него. Кроме того, Гарланд осознавал, что без магии Яруна он попросту не вышел из проклятого леса или сгинул бы в подземельях.

— Шесть лет? — внезапно всплыли в голове контрабандиста слова Рогатого Свена, — и я ничего не знаю, поверил Алто, а он молчал об этом. Надо бы разузнать, когда будет возможность, Хотя какая разница, где он этому научился, главное в том, что его колдовство спасло наши шкуры.

История Яруна

Метавшемуся в бреду наемнику виделись картины шестилетней давности. События того злополучного дня навсегда перевернули жизнь воина.

— Я сказал по десять сетов за пуд, и никак иначе, — шепеляво толковал купец, с отвисшими бульдожьими щеками.

Они стояли на пристани, к которой была пришвартована купеческая ладья под завязку загруженная зерном. В разоренной многолетней междоусобицей стране это был самый ходовой товар.

За спиной толстого купца выстроилось четверо наемников — банда Большого Рика. Свен, как всегда горячился, кровь прилила к его лицу, покрасневшись, он закричал сельскому сходу:

— Эй вы, мужичье, расходитесь, коли вам жизнь дорога. Альмир почтенный купец, и он заплатил нам, поэтому если с его головы упадет хоть волос, то ваши головы попадают с плеч!

В собравшейся толпе пронесся возмущенный ропот.

— Эй, умник, так что ж нам теперь из-за этого скупердяя с голоду помирать, — подбежав к Рогатому, затараторил сухонький старичок, — ты скажи нам, будь добр.

Свен необычно для себя терпеливо ждал, пока крестьянин выговорится, но когда тот, распалясь, упомянул о связи матери Рогатого с нечистой силой, то, не стесняясь, врезал ему промеж глаз кулаком в тяжелой ратной рукавице.

— Наших бьют! — раздался в толпе крик.

Едва началась заварушка, как толстяк Альмир проворно полез на корабль, спрятавшись за спинами наемников. Воины тут же заученно сомкнули строй, выставив вперед стену щитов, в которые тут же впились зубья вил, стукнули топоры, скрежетнули о железные умбоны крестьянские косы. Селяне навалились, рассчитывая задавить числом, расправиться с горсткой наемников защищающих мироеда-купца. Но прожженных рубак, закованных в броню, им было не одолеть. Сверкали на солнце острия мечей, прорубая тела крестьян, защищенные лишь рубахами, рассекая животы, вонзаясь в глотки. В изобилии лилась кровь, орошая поросший высокой травой берег.

— Бежим, бежим — одумались, наконец, жители села и отступили, оставив на берегу реки, никак не меньше полутора десятков тел своих менее удачливых товарищей.

* * *

Уже ближе к полудню на горизонте показались каменные стены Рильке, в этот раз их повозку заметили сразу, навстречу товарищам выехал сам Зельдер.

— Здравы будьте, друзья, что приключилось с вами? — тревожно оглядывая изрядно побитых гостей, поздоровался барон.

— И ты будь здоров, Зельдер. Выследили мы твоих демонов, правду люди говорят, не брешут.

— И что же?

— Порубали мы их конечно, но и сами под удар попали, положили наших товарищей,

один Ярун в живых остался, — махнул рукой к повозке Эйнар.

— Сильно поранили?

— Думаю, что пару ребер сломали и внутренности отбили. Парень кровью кашляет, сознание потерял, плохо дело словом.

— Ничего, ничего, — Зельдер взволнованно подстегнул коня, — двигайте в замок, у меня хороший лекарь, из самого Эрендаля до нас добрался, вмиг его на ноги поставит, вот увидите.

— А вы никак ждете кого? — оглядел полностью вооруженного барона Эйнар.

— Ждем? Нет, скорее сами идем навестить кое-кого. Сегодня в поход выступаем.

— Какой поход? — наконец подал с повозки голос Сигмар.

— Ну да, вы же не знаете. Аккурат как вы уехали, ввечеру, прибыл гонец из Суравы. Он передал, что Суаль поднял черный стяг, что Атмар, собрав войско, выступил из Старгорода, а Флориан уже стоит на границе.

— И где же сейчас Атмар?

— Этого я не знаю, но полагаю, что отправившись с нами в Сураву, вы его там застанете.

— Благодарю, за хорошее предложение, с вами и веселее и безопаснее.

— Поеду предупредить, чтоб кликнули лекаря, — хлестнул коня Зельдер и умчался к воротам замка.

Рильке встретил гостей необычайной оживленностью, по внутреннему двору сновали люди, слышалось ржание коней, бряцанье амуниции, крики ратников, укладывающих мешки с провизией на телеги. Нельзя было точно сказать, сколько человек собирает с собой Зельдер, но по первому впечатлению Сигмар насчитал не менее трех десятков. Хотя гостей никто не торопил, они прекрасно понимали, что барон должен как можно скорее двинуться в путь и до сих пор на месте лишь из-за них. Поэтому они наскоро позавтракали и посетили раненного друга, обнаружив его замотанным в тугие повязки.

В комнате резко пахло настоем неизвестных трав, Ярун тихо дремал, лишь иногда из его легких вырывался тяжелый хрип. Внезапно из незаметного закутка вынырнул согбенный старичок с длинной белой бородой.

— Я дал вашему другу настой дурман-травы, так что в ближайшее время вы не дождетесь от него хоть каких-то слов, если хотите я передам ваши наилучшие пожелания, когда он проснется, — прошамкал старик.

— Да, конечно, — ответил Сигмар, нервно кусая губы, — он тяжело болен?

— Рана серьезная, но парень молод, полон сил, да и лечить я его буду на совесть, поэтому через пару месяцев будет лучше прежнего.

— Ну, спасибо, обнадежил, — расцвел Северин, — удачи вам и еще раз благодарю за помощь.

Распрощавшись, компаньоны отправились к барону. Менее чем через час вереница конных воинов вместе с обозом покинула замок Рильке и отправилась в Сураву.

Война начинается

Громкий вой труб возвестил всех о выступлении в поход. Из открывшихся ворот выдвинулись войска. Во главе, на конях, шествовали барон Зельдер, его сын и их ближние, затем следовали на повозках пешие воины замка Рильке и обоз, в котором уже дремал Сигмар, доверив свою лошадь одному из людей барона. Последними покинули замок всадники — доверенные люди Зельдера, которым было поручено идти в арьергарде, прикрывая тыл. За ними наружу выбежала толпа провожающих: молодые девушки и уже пожилые женщины, ребятя, дворовые люди. Плачущие и смеющиеся, все они желали уходящим удачи, победы и скорейшего возвращения домой.

Молодой внук Зельдера не без тревоги наблюдал с крепостных стен, как сверкающая доспехами на солнце змея уползает на простор. Уже на холме передние всадники оторвались от основной массы и ускакали вперед, возглавив авангард, арьергард, напротив, замедлил ход — войско приняло походный порядок.

— Они вернутся, обязательно вернутся. А теперь нам пора вниз, к людям, они не должны забывать своих правителей, — приобнял за плечо юношу его дядька-пестун, в свое время воспитывавший еще сына Зельдера — Альфреда.

Измощенный организм Северина требовал отдыха, а потому солдат проснулся только вечером, обнаружив себя лежащим на мешках с зерном. Он сладко потянулся и замер, прислушиваясь. Их обоз двигался по лесу, ветер шелестел верхушками деревьев, которые окрасило багровым цветом закатное солнце. Иногда повозка подпрыгивала на попадающих под колеса кореньях, в чаще щебетали птицы, Северин откинулся на мешки и устремил взор на небо, где плыли огромные кучевые облака.

— Я пробыл здесь меньше месяца, а повидал уже больше, чем за всю свою жизнь Там. Правда и по краю прошелся уже не раз, но, черт возьми, оно того стоило. Разве не так ощущаешь всю полноту жизни? Разве не это вдохновляет и будоражит кровь? О, с этим ничто не сравнится. И деньги, ха, в моем пояском мешке лежит вещица, которая стоит больше, чем я бы мог заработать, хоть сто лет горбатясь без продыха в родном мире. Нет, я очень доволен, что так повернулась судьба. Надеюсь, дальше будет не хуже.

Он переполз по мешкам в сторону возницы и похлопал того по плечу:

— Эй, братан, далеко ли от замка уехали?

— Да прилично уже, целый день ехали. Я так мыслю, что передние начали подыскивать место для ночлега.

— Ясно, а друг мой где, здоровый такой?

— Господин Эйнар чтоли?

— Да, да, именно, — покивал Сигмар.

— Он, как выспался, уехал к барону и просил тебя тоже присоединиться к их компании.

— Спасибо, пожалуй, так и сделаю, — поблагодарил мужика Северин и откинулся на мешки.

— Подъезжаем, — разбудил солдата голос возницы. Сигмар привстал и, стараясь удержать равновесие, стал всматриваться вперед. На небольшой лесной опушке растеклись в разные стороны воины барона. Работа спорилась: по кругу расставлялись их повозки, чуть поодаль распрягали лошадей, кое-кто отправился в лес, за дровами, кашевары, подыскивали место для костров, над всем этим слышались окрики десятников и старшин, да изредка

зычный голос барона Альфреда.

Среди всей этой суматохи островком спокойствия оказалось поваленное дерево, на котором запросто расселись Эйнар и Зельдер, совершенно не обращающие внимания на царящее вокруг мельтешение. Солдат, заметив парочку, пошагал к ним.

— О, здравствуй Сигмар, ты как? — весело поприветствовал друга контрабандист.

— Хороший сон всегда на пользу, — улыбнулся в ответ Сигмар.

— Чистая правда, тем более, что нам всем скоро будет не до сна, едем то на войну как-никак, — несколько меланхолично добавил барон.

— И что же, уважаемый Зельдер, кто сильнее Атмар или Флориан? — полюбопытствовал Сигмар, наступив на большую мозоль старого рубака.

Зельдер около часа сравнивал тактику восточных и западных земель, преимущества наемников, морскую блокаду и речную торговлю, силу эрендальской латной конницы и несокрушимую личную дружину Атмара. Когда он прервал речь, небольшой походный лагерь был уже обустроен, от котлов, висящих над весело полыхающими кострами и в которых яростно бурлило варево, доносился приятный аромат мясной каши.

— Ого, похоже, я вас совсем заболтал, пожалуй, мы можем перейти на более удобные места, — подметил барон, и вся компания разместилась возле их палатки, где уже сидел на подвернувшемся пне и утолял жажду из кожаного бурдюка сын Зельдера — Альфред.

Чуть побеседовав, компаньоны приступили к ужину, не отличавшемуся особой изысканностью, но показавшемуся голодному Сигмару, за весь день не съевшему ни крошки, вкуснейшим на свете.

А тем временем, солнце скрылось за горизонтом, и небольшое войско Зельдера окутала тьма, едва рассеиваемая весело пляшущим огнем костров.

Барон Альфред, а также остальные ближние разошлись по своим спальным местам, и товарищи остались наедине с Зельдером.

— Я не настаиваю, но если бы вы поподробнее рассказали о своих злоключениях, я был бы очень признателен.

Сигмар, прежде чем ответить, переглянулся с Эйнаром, тот незаметно кивнул, потом, скосив глаза на пояс, покачал головой.

— Ну, рассказывать особо нечего, мы шли по следу, попали в западню, откуда на нас напали демоны, которых не брала обычная сталь.

— А как же вы до сих пор живы тогда? — недоуменно спросил барон.

— Все же способы борьбы с ними есть, нас спас Рыжий Ярун. Он заколдовал наши мечи так, чтобы они смогли разить порождения ночи. Но в самое пекло мы полезли, чтобы спасти нашего друга, Хальма.

— И, я вижу, не удалось.

— Именно, я рад, что хотя бы мы сами спаслись, да, кстати, заманил нас в ловушку твой староста — Вельфир, я бы посоветовал приглядеть за ним, когда вернемся.

— Я пригляжу, будь уверен, так пригляжу, шкуру спущу с негодя, — барон зачесал в затылке, — но что такого Ярун сделал с вашими мечами? Какие слова произнес?

— Этого я не знаю, он не успел открыть своей тайны, как был ранен, — развел руками Сигмар.

— Очень жаль, неизвестно где и с каким противником придется столкнуться.

Поговорив еще немного и вызнав еще некоторые подробности про неведомых чудовищ, старый барон откланялся и отправился в свою палатку.

— Ну, мыслю, ты и сам понял, — проводив барона взглядом, обратился к товарищу контрабандист.

— Что понял?

— Зачем мы к ним прибились.

— Так война началась, охраны у нас теперь нет, тут уж не до поисков. Я так думаю, доложиться надо, о том, что уже сделали, да отсрочку просить или, если повезет, то и помощи, — пожав плечами, ответил Северин.

— Хм, верно молвишь. Надо бы рассказать все, сам знаешь кому. Иначе решат еще, чего доброго, что мы сбежать решили. А тут уж сам понимаешь, что далеко от таких людей убежать не получится.

Уловивший вопросительные нотки в голосе Эйнара солдат внимательно оглядел хмурое лицо компаньона. Северин кашлянул и, поворошив рдеющие угли, объятые затухающим огнем, подытожил:

— Да, тут и думать не стоит о такой глупости. Изловят и шкуру снимут, имени не спросив.

— Ладно, доброй ночи тебе. Пора и на боковую, — поднялся с приземистого пенька контрабандист и направился в палатку.

— Доброй, — эхом откликнулся солдат.

Сон не шел, поэтому Сигмар, подкинув в костер охапку высохшего хрусткого валежника, как замороженный смотрел на вспыхнувшее желто-красное пламя. Внезапно, воровато оглядевшись, он достал из поясной сумки изумруд, добытый ими в бою. Минерал имел продолговатую форму и был похож на застывшую в полете каплю воды, в его зеленоватой прозрачности весело плясали огненные отблески маленького костра.

— Сколько же людей погибло из-за этого камня, — размышлял солдат, — и сколько еще может погибнуть, если кто-нибудь прознает про его существование. А ведь есть связь между камнем и теми чудовищами в подземельях. Как-никак щербина в стене очень ясно показывала, откуда этот Корв добыл изумруд. Даром такие вещи не делают, а значит, попытавшись завладеть сокровищем, он нарушил какие-то охранные чары, тут то и появились проклятые твари.

При этой мысли живот Северина скрутил знакомый холодок страха. Он представил себе, как из тьмы, прямо перед ним проявляется оскалившееся лицо демона, против которого бессильно обычное оружие, а секрет победы над ним, остался у раненного Яруна. Чтобы успокоиться, Сигмар снова принялся глядеть на отблески пламени в изумрудной зелени. Поток мыслей затих, а в камне неожиданно проступили темные, расплывчатые силуэты, оформившиеся в образы воинов, без пощады режущих друг друга, проливая реки крови. Солдат растерянно сморгнул и видение пропало. Решив не искушать судьбу, Сигмар достал свою овчинную скрутку и полез в палатку, где закутался в нее, проспав до самого рассвета.

Через пару дней войско достигло Суравы. Сигмар нашел город совсем иным, нежели при первом посещении. Вялость и апатия уступила место энергии и деятельности. Под стать изменилась и погода, солнце жарило с самого утра, на пронзительно синем небе не проплывало ни облачка.

Оставив отряд под руководством доверенных людей, Зельдер с сыном и посланниками Атмара, отправились искать место для ночлега. Что было непросто в Сураве, наводненной войсками, стягивающимися со всех концов маркграфства. Едва найдя небольшую

комнатушку, в которой в мирные времена помещалось не больше двоих, а теперь стояло аж четыре кровати, они заселились, заплатив шесть сеттов, что, по мнению Зельдера было настоящим грабежом.

После завтрака решено было разделить, оба барона, молодой и старый, отправились представляться маркграфу Суалю, предоставив компаньонам право действовать самостоятельно. Товарищи, посидев немного на лавке во дворе таверны и изрядно заскучав, решили пройтись по городским слободам. В привычную размеренную жизнь ремесленников и крестьян, живущих близ Суравы, накаленная до предела обстановка внесла свои коррективы. Слободские улочки были буквально запружены воинами — конными и пешими, которые сосредоточенно маршировали в разных направлениях, тренировались на крестьянских подворьях в стрельбе из лука и рубке на мечах, да и просто праздно шатались там и сям.

Во всей этой кутерьме, брели куда глаза глядят, Эйнар и Сигмар. Мимо них по пестрящей высохшими лужами дороге мчался богато одетый всадник. Тут, откуда ни возьмись, прямо под копытами его коня выскочила маленькая, черная собачонка, которая, однако, не страшилась могучего противника и яростно бросалась на коня, пытаясь укусить голень. Всадник замешкался, пытаясь осадить горячащееся животное, а в это время, невидимый им, затрапезно одетый субъект, подбежал к гонцу и неуловим, ловким движением, вытащил из седельных сумок посланца сверток, напомнивший Сигмару письмо или грамоту. Столь же незаметно, субъект покинул место злодеяния и скрылся в лабиринте узких улочек.

— Не знаю, что это было, но гонец явно огребет по полной, — подытожил Сигмар, глядя вслед, помчавшемуся во весь опор всаднику.

А их бесцельное брожение в ожидании баронов продолжилось. В конце концов, извилистый путь вывел их к пристаням вдоль Сирта. Мимоходом Сигмар помог горожанину закинуть мешок с провизией на телегу, за что получил пару спелых, сочных яблок. Компаньоны примостились на небольшой постройке, и Северин с аппетитом поглощая яблоко, наблюдал за рекой, по которой двигалось множество судов. Они пришвартовывались и отплывали, привозили продукты, соль, иные грузы, могущие помочь при осаде. Некоторые корабли выгружали отряды воинов, а в обратную сторону набивались люди, жаждущие отплытия. Теперь, когда боевые действия были лишь вопросом времени, горожанам следовало сделать выбор: бежать, оставив нажитое добро на произвол судьбы или понадеяться на скорую победу Атмара и остаться в Сураве. Судя по виденному Сигмаром на реке, многие не верили в победу князя.

— Я так думаю, что наши именитые друзья уже вернулись от Суалю, — прервал раздумья солдата Эйнар.

— Да, пожалуй, нам стоит вернуться, только мы теперь полдня будем искать нашу таверну.

— Часа три, не больше, я все-таки запомнил название, — засмеялся контрабандист, и они пошагали обратно.

Компаньоны застали Зельдера в таверне.

— Мы вас уже потеряли, подумали даже вы и вовсе уехали, — печально встретил их барон.

— Куда там, просто проветрились, посмотрели на людей, — отмахнулся Сигмар, — как сходили, что сказал маркграф?

Зельдер разочарованно ответил:

— Мы его и не видели, так записал какой-то грамотей в свою книгу, одно хорошо, хоть старых друзей встретил, погутарили о том, о сем.

Однако, несмотря на меланхоличную уверенность Зельдера в том, что его все позабыли, уже вечером за бароном пришел вестовой от маркграфа, пригласив их на прием, следующим днем. Весь изведясь, барон дождался вечера и, заодно с сыном, отбыл в маркграфский замок. Вернулся он слегка навеселе, сияющий как начищенный медяк.

— Эйнар, Сигмар — друзья мои, как оказалось, Суаль помнит меня и даже угостил вином из своего кувшина, это такой почет, такой почет.

Заспанный Сигмар пытался уловить смысл сказанного, но ему это не удалось. Вместо этого солдат задал несуразный, но животрепещущий вопрос:

— А война то когда?

Эйнар, видя недоуменный взгляд Зельдер пояснил:

— Где Атмар, скоро ли прибудет, что замышляет Флориан?

— Князь Атмар на Зеленых холмах, он намерен дать решающий бой Флориану там и разом закончить эту войну. В Сураве останется лишь небольшой гарнизон под руководством правой руки Суаля, виконта Стерра, они отвлекут на себя часть сил эрендалцев.

— А что Никифор? — поинтересовался судьбой друга контрабандист.

— Он останется в столице, управляя ею, пока Атмар в отлучке.

— Этого стоило ожидать, жаль, конечно, что не встретимся, но не впервой уже.

Общий сбор и отправление к Атмару был назначен на четвертый день. Зельдер был назначен в сводный отряд под руководством барона Силле. На вопрос Сигмара, почему он подчиняется равному титулом, Зельдер снисходительно ответил, что ничего зазорного в этом нет, род Силле гораздо более древний, да и привел он не тридцать человек, а почти три сотни.

Наконец, настал тот день. Рано утром, когда солнце всходило над парящей предутренней влагой земель, силы маркграфа Суаля двинулись на соединение с основной армией князя Атмара, расположившегося на Зеленых холмах. Небольшая часть войска и припасов отправили по реке, остальная же людская масса, выстроилась в походные порядки. Герцоги и бароны, предводители больших и малых отрядов подсчитывали людей, десятники и старшины проверяли оружие и брони. Вскоре появился и сам маркграф Суаль. Приняв доклад от своих поверенных, он обратился к людям с небольшой речью, которую Сигмар, к своему немалому сожалению не услышал, будучи в самых дальних рядах. После Суаля, иерарх Храма Незримого благословил войско на победу, пообещав тем, кто падет в битве с захватчиком прощение всех грехов и вечное блаженство. Ту, ту, ду: горны, трубы и барабаны возвестили всех — в путь!

Сигмар находился в самой гуще событий, поэтому ему сложно было оценить масштаб происходящего, но и то, что он видел, вызывало в нем чувство восторга и причастности к великим событиям, могущим изменить все в этих землях. Однако, монотонность дороги вскоре усыпила его восторги, и он просто маялся от безделья, то болтая с Эйнаром, то перекидываясь парой слов со старым Зельдером и его людьми.

— Почему Атмар выбрал именно это место для главного сражения? — задался вопросом Северин, на одном из привалов.

Зельдер тут же принялся объяснять своему менее опытному товарищу ситуацию:

— Ну, а как же, смотри, Сигмар, у Флориана одна цель — Старгород, двигаться он

будет со стороны Суравы, так?

— Наверное, — кивнул он.

— Воот, частью сил он блокирует город, если он осадит Сураву, то Атмар сам нападет на него, и герцог окажется между молотом и наковальней, поэтому он двинется дальше.

— Ага, и что потом?

— А после Суравы к столице ведет одна дорога, что по реке, что по суше — в сторону Зеленых холмов, а там князь Атмар, который уже наверняка закрепился на своих позициях, так-то. Не знаю, право, пойдет ли Флориан в такую западню.

— Куда он денется, — махнул рукой Эйнар, в душе описывающий ситуацию точно также.

Изгибающаяся дугой река плавно и величаво катила свои волны, над рекою с громкими криками носились стаи чаек, временами камнем падая в воду и выхватывая бьющуюся и блестящую чешуей рыбу. Вымощенная булыжником дорога уходила в гряды холмов, поросшие изумрудно-зеленой, сочной травой, давшей название местности. Где-то вдалеке, на горизонте, виднелась едва различимая кромка леса.

— Какая красота, — подумал Северин, искренне восхищаясь видами природы, — неужели всего через пару дней тысячам людей придется столкнуться здесь в кровавой сече, потому что такова воля всего лишь одного человека — не самого сильного, не самого умного, не самого благочестивого. А ведь так будет, и никуда нам от этого не деться. Вдоволь насытятся вороны, досыта наедятся черви земные, еще буйней разрастется трава, обильно политая людской кровью. Надеюсь, правда, что вражеской.

Прицокнув языком, Северин огляделся. Головные отряды уже скрылись в отдалении за холмами, от них растянулась огромная, пестрая лента марширующих войск, заполонившая собой всю ширину дороги. Двигаясь чуть быстрее пешего, Сигмар с товарищами, нескоро еще перевалил через холмы. Когда же настал его черед, он, наконец, увидел своими глазами укрепленный лагерь Атмара.

В строгой армейской прямолинейности расположились за небольшой земляной насыпью, укрепленной частоколом, ряды палаток, многие из которых были украшены гербами своих владельцев. За лагерем вдалеке паслись табуны лошадей и отары овец. В низине близ лагеря выстраивались для смотра прибывающие войска. Присоединились к ним и Зельдер с товарищами и прочими ратниками. Когда выстроилось все войско, приведенное маркграфом Суалем, из главных ворот окруженный дружинниками выехал на породистом коне сам князь Атмар. Его чело венчала корона, виденная Сигмаром еще в Старгороде. Одет он был в полный латный доспех, на груди, бликующей на солнце эмалью, был изображен черно-красный герб княжеского дома. Наплечники же представляли собой стилизованные изображения песьих голов, олицетворяя родовой девиз князя. Атмар проехал на середину войсковых порядков, приняв доклад от Суаля и сердечно поздравившись с ним, он приблизился к прибывшим подкреплениям.

— Здравствуйте, мои верные воины, — взметнул обе руки вверх правитель Старгорода. Выстроившиеся ратники подняли неимоверный гул, ответив на приветствие, их нестройные, но громкие крики, постепенно оформились в одну фразу: «Да здравствует Атмар», которая подобно волне, проносилась по людскому морю. Разделивший всеобщий восторг Сигмар, даже прослезился от такого зрелища. Атмар опустил одну руку, оставив поднятой правую, сжав ее в кулак. На поле воцарилась гробовая тишина.

— Я рад видеть вас здесь и благодарю за поддержку. Будьте верны мне, и я отплачу вам

сторицей. Теперь о главном, как мне сообщили, то чего мы так долго ожидали, свершилось. Флориан перешел границу и двигается в направлении Суравы. Он хочет разграбить ваши дома, поругать ваших жен, забрать себе ваши земли и ваших людей, — и без того зычный голос Атмара перешел в крик, — Позволите вы ему это?!!!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нет! Нет! — неслось отовсюду, пусть сдохнет, поганая собака, смерть ему.

Атмар вновь поднял кулак, заставив замолчать горячащуюся толпу.

— И я не позволю, и все мы кто уже здесь ожидает вас вместе со мной. Готовьтесь к предстоящей битве, закаляйте свое тело и дух, служите мне и нашей родной земле. Служите честно, искренне и нас ждет ПОБЕДА!!!

— Да! Да! Славься Атмар! — крики переходили в овацию. Прождав некоторое время, правитель развернул коня и скрылся за воротами лагеря.

После ухода князя, появились его помощники и указали на соседнем холме место для размещения прибывших подкреплений. Северин с Эйнар, а также Зельдер с отрядом, были вовлечены в круговорот событий. Постепенно соседний холм обрастал палатками и шатрами, некоторые попроще, другие побогаче, но все они готовы разместить воинов. До позднего вечера продолжались работы по обустройству укрепленного лагеря. Компаньоны вовсю помогали Зельдер оборудовать место, указанное для его небольшого войска. Внезапно, разгоряченному работой, оголенному по пояс Северину легла на плечо мертвецки холодная ладонь. Солдат дернулся как ужаленный, развернулся и увидел перед собой выцветшее, безэмоциональное лицо. Одетый в шерстяную робу гость, вынул из-за пазухи небольшую, скрепленную сургучом грамоту. Сигмар взял ее в руки, а странный человек с поклоном удалился.

— Молчаливый, — вспомнил Северин рассказы тавернщика, про личных телохранителей Малика. Тут же он помчался к Эйнару, не распечатывая письма. Контрабандист внимательно выслушал Сигмара:

— Я не удивлен, плох был бы ближайший советник Атмар, коль не имел повсюду свои глаза и уши, — Эйнар разломал печать и развернул письмо, — он зовет нас на доклад, чем быстрее, тем лучше. Письмо послужит нам пропуском.

— И что мы ему расскажем? Статую то мы не нашли, с задачей не справились.

Эйнар, подумав, ответил:

— Думается мне отчего-то, что для колдуна это не станет новостью, недаром нам сразу объяснили всю сложность задания. К тому же нас отправили, как верно подметил Рик, на верную смерть. Уже из того, что мы выжили, колдун сделает кое-какие выводы и, надеюсь, уговорит Атмара сберечь наши шеи до поры. Хотя, к черту бесплодные раздумья, собирайся скорее и пошли к Малику.

Пешком, налегке, они отправились на важную встречу, от которой зависели их здоровье и даже жизнь. Обычно невозмутимый Эйнар шел, молча, нервно кусая губы. Волнение от него передалось Северину, который, обдумывая тысячу мыслей и ни одну по настоящему, совершенно не обращал внимания на происходящее вокруг них. Как две безмолвные тени просачивались они сквозь ворота и укрепления, зоркую стражу и патрули. Не без помощи письма Малика, они преодолели внешние стены и несколько колец оцепления перед шатром правителя, который находился в центре холма, от него радиально разросся весь военный лагерь прибывших старгородцев.

Колдун словно ожидал их, минута в минуту он встретил компаньонов у дружинников,

охраняющих проход в княжеские покои.

— Он проведет вас в мою палатку, — указал Малик узловатым пальцем в сторону Молчаливого, — ждите меня там. Гости повиновались, ни о чем не спрашивая.

Жилище советника Атмара не блистало особой роскошью: несколько топчанов, небольшой столик, жесткая лежанка, ряд здоровенных сундуков с внушительными замками. Находились в его палатке и довольно странные вещи, например, выполненная из ажурного металла стойка, напомнившая солдату кафедру, с которой невообразимо давно читали ему лекции преподаватели. По краям стойки размещались подсвечники, а выемка для книг была испещрена загадочными геометрическими узорами. Сигмар, ожидая колдуна, разглядывал диковины и пытался разгадать их предназначение.

— Заждались? — откинулся полог у шатра, — дела государственной важности, сами понимаете, — обволакивающим баритоном вещал Малик.

— Так, и что же вы мне поведаете, — наклонился колдун к гостям. Эйнар набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, как чародей прервал его.

— Хотя нет, стойте,ждемся нашего правителя, я думаю, он захочет лично услышать историю ваших злоключений.

Атмар прибыл вскоре, и гости склонились в пояском поклоне.

— Здрав будь, княже.

— И вам не хворать, — правитель оглядел компаньонов требовательно и вопрошающе.

Атмар прошел в сторону топчана и присел на него, незаметным движением Малик проскользнул за его правое плечо. Достав свой магический кристалл, советник князя приложил его ко лбу. Он зашептал заклинания на незнакомом языке, а самоцвет постепенно стал терять свою голубоватую прозрачность, приобретая блестящий, насыщенный черный цвет, как вдруг все пропало, камень заискрился сполохами электрических огней. Уши Северина словно залепило ватой, он сглотнул, помотал головой, но ничего не изменилось. Он видел, как шевелятся губы Эйнара, но решительно ничего не слышал. Солдат обернулся к Малику и увидел, что тот, сложив губы трубочкой, дует в их сторону. Через мгновение слух обрушился на Сигмара.

— Небольшая предосторожность, тонкие тряпичные стены не самая лучшая защита от чужих ушей, — усмехнувшись, пояснил чародей.

Атмар приказал компаньонам:

— Начинайте.

Контрабандист принялся повествовать:

— Мы выдвинулись из столицы вскоре после получения задания, для охраны и так, на всякий случай, мы наняли четырех бойцов.

— Я в курсе насчет этого, банда Большого Рика, верно? Хорошие ребята, даже я как-то раз пользовался их услугами, — кивнул, подтверждая слова Эйнара колдун, — мои друзья проследили ваш путь до Суравы, дальше, я полагаю, вы отправились в Рильке?

— Именно так, господин. Мы поехали в замок, где нас радушно встретил барон Зельдер, именно в числе его людей мы прибыли сюда, он прояснил нам некоторые детали задания, и мы решили идти по следу.

Далее последовал долгий, обстоятельный рассказ, описывающий их приключения, ужасных врагов и найденное богатство. Атмар слушал, не перебивая. Малик же иногда задавал уточняющие вопросы, проясняя детали, услышав про изумруд, он потребовал немедленно осмотреть его. Чародей приказал Сигмару положить драгоценность на

деревянный столик и, не касаясь, стал водить над ним раскрытой ладонью. В камне взвился чуть видимый ураган энергии и исчез. Советник Атмара разочарованно махнул рукой:

— В нем есть сила, но она слишком упрямая, чтобы кто-нибудь мог ею управлять.

Вынеся вердикт, он утратил интерес к изумруду.

— В общем, задание не то чтобы не выполнено, а скорее требует больше времени к решению, — подытожил свой рассказ Эйнар.

— Хм. Пожалуй, вы и впрямь постарались, как-никак подверглись смертельной опасности и сумели выкарабкаться. Мне не за что вас наказывать, решим так — камень, как честно заработанный останется у вас, делайте с ним что хотите. Гарланд, подумай и назови, что вам нужно, чтобы достать эту проклятую статую?

Контрабандист нахмурился:

— Время, деньги, чтобы нанять людей и, главное, дожидаться выздоровления Яруна, лишь ему ведом секрет победы над тварями.

— Хорошо, ты получишь необходимое, но после боя, сам понимаешь, нам сейчас не до поиска замшелых древностей. Держись с этим, про кого ты говорил, Зельдером. Коли начнется сеча, то вы в бой не лезьте. Когда понадобится, Малик отправит Молчаливого. А теперь, свободны оба.

Компаньоны, раскланявшись, вышли на улицу. Солнце уже почти скрылось за горизонтом и на лагерь опускались сумерки. Сигмар вытер неожиданно вспотевший лоб:

— Живы кажется...

— Живы пока, — ответил Эйнар, и компаньоны облегченно рассмеялись.

Пройдя через оба лагеря, компаньоны вернулись к Зельдеру.

— А я вас и не ждал уже, — развел руками старый барон, — из того, что рассказывают про Молчаливых, я усвоил одно, те, к кому они приходят, исчезают бесследно.

— Ну, как видишь, это неправда, — улыбнулся Сигмар.

— Больше верь рассказам старых бабок, — добавил Эйнар.

— Некоторые сказки имеют свойство воплощаться в жизнь, хотя бросим эту тему, вы успели как раз вовремя, каша уже поспела, — пригласил друзей к только что снятому с огня котлу барон.

Следующие несколько суток Северин провел в общем для всего лагеря ритме. Весь день он тренировался и готовился к предстоящей битве. Зельдер, увидев его занятия с Эйнаром, присоединился и с азартом гонял юношу. Впрочем, Сигмар и сам был не против. Пройдя буквально по острию ножа, он крепко осознал, что лишь ратное мастерство, да быть может толика удачи, может спасти от бесславной смерти в этом жестоком мире, куда его закинула неведомая сила. Он бился один на один, двое на одного, стенка на стенку, вместе с бойцами Зельдера. За тот короткий промежуток времени, что выделила ему судьба перед боем, он научился многому. Вскоре пришла пора испытать свои навыки в деле.

Около полуночи оба лагеря были подняты по тревоге. Назначенные старшие выгоняли своих подчиненных из палаток и, выстроившись в боевые порядки, вливались в большие отряды, соединявшиеся в полки. Стремительным броском войско Атмара заняло заранее разведанные позиции на холмах перед долиной. Один их фланг ограждал полноводный Сирт, недалеко от другого шумел лес.

— Очень выгодное место для драки, — подметил накануне Зельдер.

Ночная тревога не была новостью для компаньонов, несколько ранее их разбудило появление Молчаливого с неизменным письмом от Малика, где он еще раз приказал

держаться барона, в полку левой руки, ближе к чащобе. Они не спеша оделись, вооружились и разбудили Зельдера. Впоследствии все шло своим чередом, движение маховиков отлаженной военной машины, привело их на место, где они должны были встать неприступной стеной на пути неприятеля.

Их строй размещался на холме, близ леса. Несколько линий пехоты в четырехшереножном строю, поддерживаемые с флангов латной конницей, поодаль от них, на вершине расположилась гордость Суаля, огромные стрелометы, метаящие снаряды величиной с человеческий рост способные пробить разом несколько доспешных воинов. Передняя линия пехоты состояла из копейщиков, укрывавшихся за тяжелыми круглыми щитами. Позади копьеносцев, в центре, стояли наемные ратники в крепких доспехах, вооруженные топорами и короткими мечами Часть войска Суаль оставил в резерве. Похожим образом, разместил все силы старгородцев князь Атмар, усилив центр своей гвардией — личной дружиной. Но был у правителя и небольшой секрет, призванный окончательно склонить чашу весов в пользу старгородцев. Тайно, под покровом ночи, в близлежащем лесочке закрепился Засадный полк, в пылу схватки должный ударить в незащищенный тыл флорианцев, обеспечив Атмару победу.

Словом, план был разработан блестяще, и Сигмар оказался на своем месте, оглядывая долину с высоты холма. И посмотреть было на что — растянувшаяся змея походных колонн Флориана, пестрящая огнями факелов, втягивалась в долину, принимая боевой порядок. До слуха Северина донесся стройный хор голосов, распевających незнакомую ему песню.

— Ха, ишь, как выводят, — усмехнулся Зельдер старший.

— Что это за песня?

— Это не просто песня, это летопись их побед, побед Эрендаля, позволивших им взять власть над всеми землями вокруг Сирта. Судя по всему Флориан готов повторить это вновь.

Голоса смолкли, в ночной тиши слышались тяжелый топот тысяч людей, фыркание лошадей и бряцанье оружия. Первые линии эрендальцев приняли боевой порядок, подняли щиты и, ударив по ним, подняли неимоверный гвалт. Они иступленно кричали, распаляясь. Северину стало не по себе, когда он представил, как железная махина обрушивается на них, грозя смять, раздавить и уничтожить. Неожиданно в воздухе засвистели арбалетные болты, что-то цвенькнуло, ударив Сигмара по шлему, поодаль выругался ратник, которому наконечник болта пробороздил щеку.

— Поднять щиты, берегись, стреляют! — повисли в воздухе запоздалые команды, а скрывавшиеся под покровом темноты арбалетчики Флориана спешно уходили вглубь линий своих войск. Так прошел остаток ночи до самого рассвета, Флориан беспокоил своих врагов, не давая им расслабиться и немного поспать, посылая вперед стрелков, проводя ложные атаки. В это же время основная часть его войска отдыхала перед решающей битвой.

Вскоре после того, как солнечный диск заалел на горизонте, раздался громкий вой труб.

— Готовься, они пошли в атаку, — толкнул Северина в бок контрабандист, оглядывавший из под своих густых бровей долину.

Первыми, рассыпавшись широкой цепью, двинулись вперед стрелки. Они остановились и, прицелившись, спустили тетивы. Треск сухих арбалетных щелчков слился в один, воздух наполнился тучей снарядов, с жужжащим свистом врывающихся в щиты, доспехи и тела старгородцев. А противник уже натягивал тетивы для новых выстрелов, с каждым залпом подходя все ближе и ближе. Стрельба становилась точнее и смертоноснее, в щите Сигмара уже торчало оперение нескольких арбалетных болтов и еще один, вскользь проехавшись по

кольчуге, разорвал пару звеньев. Некоторым из его соседей повезло меньше, тот, которому болт вонзился в руку спешно уходил в тылы, ругаясь, на чем свет стоит.

Отряды врага, не встречая отпора, нагнали, все ближе подходя к пехотным линиям Суаля. Как вдруг Северин услышал зычные крики:

— Заряжай, целься, пли!! — лучники маркграфа начали свою работу. Облака стрел затмили солнце, многие из них нашли свою цель, значительно проредив ряды флорианцев, которые находясь в долине, представляли собой отличную мишень для лучников. А в противника уже летели все новые и новые снаряды, за то время пока арбалетчик выстрелит один раз, лучник выпускал две или три стрелы. Наконец, не выдержав смертоносного ливня, эрендальские стрелки отступили, оставив на поле боя множество тел своих товарищей.

— Тут, ту, ду, — вновь загрели трубы, сомкнув щиты, пехотинцы Флориана, двинулись вперед, набирая ход.

— Э! Рен! Даааль!!! — с разбегу врезались они в строй старгородцев, и закипела битва. Сыпались удары, как колосья под серпом, один за другим падали сраженные воины, чтобы уступить место новым.

Наступающий день безраздельно вступал в свои права, становилось все жарче, и с облаченного в доспехи Северина струями лился пот, чего уж говорить о воинах, сражавшихся в первых рядах. Солдат искренне сочувствовал им, но влезать в драку пока было бессмысленно, в этой жестокой сече еще не пришел его черед.

Ратники маркграфа Суаля держались стойко, не отдавая ни пяди земли и щедро орошая густую траву вражеской кровью. Звенела сталь, кричали в исступлении воины, беспощадно рубя, коля и круша соперника. Внезапно Северин увидел, как строй эрендальцев прогибается, уступает натиску войск Суаля, их отступлении все ускорялось.

— Вперед! — кричали возликовавшие старгородцы, — еще немного и враг побежит.

Повинуясь общему порыву, Северин бросился в атаку. Они преследовали вяло огрызающегося врага, все дальше уходя от своих позиций и не замечая, что вокруг них сжимаются железные клещи флориановской западни. С азартом втянувшийся в гонку преследования, Сигмар обнаружил, что бегущий враг неожиданно остановился и даже теснит его товарищей. Он замешкался, натянув поводья. Наступление старгородцев остановилось, вновь закипела упорная сеча. Северин попытался прорваться вперед, как увидел, что на их фланг несется, разбрасывая комья земли из-под копыт, конная лава.

— Берегись! — закричал солдат, но его голос утонул в шуме битвы. Кавалерия Эрендаля смяла беззащитные фланги старгородцев, их длинные пики пробивали щиты ратников, сея смерть. Безумный натиск разметал стройные ряды войск Суаля, которые, потеряв боевой порядок, теперь как могли, сражались лишь за собственную жизнь. Сигмар оглядел холмы, где увидел, что Суаль спешно вводит в бой свежие резервы, пытаясь выровнять фронт, который по всей протяженности атаковали тяжелые пехотинцы Флориана.

Северин обернулся, а прямо перед ним возникла закованная в доспехи фигура, с железной маской вместо лица. Противник уже заносил свою палицу для удара, Сигмар, защищаясь, дернул коня вбок, подняв руку со щитом, по которому вскользь, выбив деревянную стружку, прошел удар шестопера. Сигмар нанес удар сверху мечом, надеясь попасть в слабое место под железной личиной, прикрытое лишь кольчужной сеткой. Однако враг легко увернулся, отбив удар краем щита. Собравшийся атаковать вновь, Северин, увидел, как воспользовавшись тем, что всадник целиком поглощен схваткой, незаметно подкрался и резко, ударил врага копьём в печень старгородский ратник. Флориановский

кавалерист резко обмяк и, проехавшись пару шагов, мешком свалился с коня. А Северин двинулся вперед, понукая лошадь. В голове сложился спасительный план: вырваться из кольца и окружным путем прорваться к своим. Но, чтобы осуществить его, нужно было прорваться сквозь кипящий котел битвы, разбившийся на тысячи отдельных схваток.

Сигмар расталкивал людей грудью кобылы, рубил мечом направо и налево, едва успевая отражать сыпавшиеся отовсюду удары врага, когда, наконец, весь забрызганный кровью, с помятым и побитым доспехом, не раз спасшим солдату жизнь, он прорвался из кольца и помчался во весь опор, стремясь сбежать подальше от водоворота смерти.

Сигмар оглянулся — битва продолжалась, но до нее было далеко. Со стороны холмов в его сторону мчался всадник, в котором Сигмар с удивлением узнал Эйнара. Приблизившись к нему, контрабандист сходу закричал:

— Не стой, не стой! Двигай к лесу!

Солдат подстегнул лошадь и гонка продолжилась. На свежем коне Эйнар быстро догнал Северина.

— Я рад, что ты цел друг. Уж не чаял встретить тебя живым, но оставим пока чувства. Малик отправил меня доставить письмо графу Фанниру — предводителю Засадного полка, положение безнадежное, если они не ударят прямо сейчас, то... Лучше не думать об этом.

Подъезжая к чащобе, они замедлили ход, среди стволов деревьев не было видно ни воинов, ни чего либо, хоть отдаленно похожего на лагерь.

— Как-то слишком тихо здесь для полутысячи человек, — обернулся контрабандист к Северину, — давай слезай с кобылы.

Компаньоны привязали животных к дереву и стали осторожно пробираться вглубь, стараясь не наступать на отчаянно хрустящие ветки под ногами. Но чем дальше они заходили, тем больше понимали, что предосторожности излишни. Уже слишком поздно. Товарищам стали попадаться лежащие ничком люди, даже не успевшие надеть броню, посеченные и побитые — кому то удар пришелся по голове, кому то отсекали конечности. На коре деревьев Сигмар увидел потеки крови и отметины мечей и топоров.

— Иди обратно, — приказал Эйнар, а сам отправился дальше.

Он вернулся вскоре, даже не удивленный, а скорее подавленный.

— Никого нет в живых, Сигмар. Похоже, флорианцы напали внезапно этой ночью и вырезали весь лагерь. Может часовые проспали или еще что, но многие кого я видел, даже не успели проснуться, как оказались с распоротой глоткой. Возвращаемся, здесь нам делать нечего.

Они вскочили в седла и помчались туда, где решалась судьба Сиртийского королевства, где любая мелочь могла склонить чашу весов победы на одну из сторон.

На холмах кипела битва, ярость безудержной схватки достигла предела. Силы были примерно равны, и теперь лишь воля к победе и несгибаемый дух могли принести победу. Или чудо, но чудо Атмара было безжалостно уничтожено коварной ночной вылазкой флориановского любимца, Реймира. Он подкупил виночерпиев, приказав им опоить ратников Засадного полка сонным зельем, многие из которых, уйдя в страну грез, так и не вернулись назад.

На полпути к цели, когда уже слышны были крики воинов и лязг стали, Эйнар вдруг осадил коня.

— Тпруу, стой, скотина, — он обернулся к Сигмару, — А может ну его к черту, Атмара, колдуна, эрендальцев, вообще все это...

— Он нам этого не простит, — насупился Северин.

— Да какая разница, сейчас Флориан втопчет его войско в землю, а потом придет черед и самого Атмара.

— Эйнар, еще ничего не решено, посмотри вперед, флорианцы похожи на волны, бьющиеся об утес, которым уж не суждено разрушить его. И подумай, если князь победит, то он нас со своим Маликом из-под земли достанет. Что он тогда с нами сделает, и подумать страшно.

— Хм, что есть, то есть, Атмар скор на расправу. А, — махнул рукой контрабандист, — была, не была, вперед мой друг. Об одном прошу, не будь безрассудным, не лезь в пекло — это не твоя война.

Получив несколько стрел, на счастье застрявших в перекинутом за спину щите, Сигмар с Эйнаром, наконец, пробрались сквозь линии сходящихся в кровопролитном сражении войск. Еще один рывок и они достигли ставки правителя. Очевидно, их прибытие ожидалось с минуты на минуту, и они беспрепятственно миновали дружинников Атмара. Сам князь, вместе с ближайшими советниками оглядывал с вершины холма поле боя. Рядом с ним безотлучно находились несколько вестовых, готовых по первому знаку сорваться, чтобы передать приказ правителя войскам.

В глаза Сигмару бросился высоченный, восседающий на огромном битюге, мужчина. Одет вельможа был в латный доспех, с изображенным над сердцем геральдическим щитом, раскрашенным в синий и зеленый цвета. Долговязый, приблизившись к правителю, склонился к нему и настойчиво что-то втолковывал, нетерпеливо ударяя кулаком по луке седла.

— Мой князь, посыльные вернулись, — сообщил Атмару гвардеец.

Вокруг компаньонов вмиг собралась толпа народу, на них смотрели с надеждой и нетерпением.

— Ты передал приказ? Что ответил Фаннир? — не выдающим волнения голосом осведомился князь.

— Сожалею, но принять приказ было некому, Засадный полк полностью уничтожен.

По собравшимся пробежался тревожный шепоток: «Как уничтожен, не может быть». Тень на мгновение легла на чело правителя, но Атмар быстро оправился от удара. Он обвел всех пристальным взглядом, заставляющим поежиться.

— Что ж, так тому и быть. Значит, нам придется побить Флориана без них. Суаль! — обернулся он к долговязому, — Считай, ты меня убедил. Скачи к своим и начинай выступление всеми силами.

Князь замолчал, глядя на небеса, он глубоко вдохнул и отдал приказ:

— Поднять дружину в седло, атакуем немедленно.

Северин волею судеб оказался в центре нарождающейся трагедии. Атмар принял решение и пошел ва-банк. Менее чем через десять минут за спиной князя выстроилась в атакующий строй личная дружина князя. Три сотни бойцов в крепких доспехах, закаленных рубак, прошедших с Атмаром сквозь огонь и воду.

Правитель осмотрел прибывших. Солнце в зените ослепляющее ярко растеклось по сверкающим шлемам и панцирям воинов. Атмар набрал в грудь воздуха и закричал:

— Вперед братцы. Правда на нашей стороне, Незримый с нами, да поможет нам Воин!

— Ааа! — завопили сотни глоток. Задрожала под копытами конной лавы земля. Северин, поддавшись общему порыву, поскакал вперед, обнажив меч.

Эйна́р в это время лишь горько простонал:

— Куда ж ты лезешь, дурак, сгинешь там ни за грош.

Контрабандист окинул взглядом горизонт, тут он увидел нечто привлекающее внимание. По реке со стороны Флориана двигались, набирая ход, военные галеры, под завязку набитые воинами. Исход битвы был предрешен. Эйна́р развернул коня и, не привлекая в общей суматохе ничьего внимания, поскакал назад к лесу.

* * *

Дыхание подводило его, легкие сжигало огнем, а сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Но приходилось бежать, бежать как можно быстрее, чтобы спастись, покинуть эту ужасающую мясорубку, в которую превратилось сражение на Зеленых Холмах. Старгородское войско дрогнуло и бесповоротно проиграло битву. Теперь ничто, кроме быстрых ног, не имело значения. Спасительный лес уже мелькал на горизонте. Сминая высокую траву, выкинув свой бесполезный щит, Сигмар мчался, сжимая, однако, в руке меч. В своем безумном забеге он не слышал, как его настигает флориановский всадник, с азартом гоняющийся за подобными Сигмару беглецами. Громко усмехнувшись, кавалерист вскинул палицу...

* * *

Разъяренный князь метался по неказистому крестьянскому домику, меряя шагами земляной пол. Временами Атмар прикладывался к кожаному бурдюку, не особо заботясь о собственном виде, отчего вино заливало бороду и богатый камзол, окрашивая их в кроваво-красный цвет. Поодаль от него стоял Малик и ожидал окончания бури. На его лице не шевелился ни один мускул, отчего колдун казался искусно выполненной восковой фигурой.

Атмар, в очередной раз, отхлебнув из меха, тяжело оперся на жалобно заскрипевший старенький стол.

— Сейчас я должен был пировать в чертогах Флориана, на костях его войска, а вместо этого прячусь в халупе вшивого смерда, — рычащим шепотом произнес правитель.

Малик осторожно приблизился к князю:

— Судьба сделала свой ход, негоже оплакивать несбывшееся.

Атмар усмехнулся, отбросив мех с вином, он резко, с разворота ударил советника по лицу. Малик отлетел к бревенчатой стене, скрючившись и хватаясь за нее старческими, узловатыми пальцами.

Князь схватил колдуна за шиворот и потянул на себя:

— Ты так сладко пел мне про битвы, победы и триумф, — глядя в глаза, щекоча обоняние винным духом, шептал Атмар, — Где она?! — внезапно закричал он, припирая советника к стене.

— Где она?! Где? Моя? Победа? — кричал князь в лицо Малику, неуловим движением вынув из ножен кинжал.

На лице колдуна, внезапно появилось некое подобие эмоции, в его душе ворохнулось давно забытое чувство страха, глаза Малика расширились, он побледнел и покрылся

испаринной.

— Ааа! — завопил князь, вонзая клинок. Тут же Атмар отпустил, внезапно обжегшую ладонь рукоять, и повернулся к чародею спиной. Побелевший Малик опустил взор, и, не веря собственным глазам, понял, что смертоносная сталь лишь пригвоздила к стене его одеяние, нисколько не задев тела.

Атмар, через плечо, оглядев советника, криво усмехнулся:

— А я, было, решил, что тебе неведом страх. Ха, неужели ты думал, что я собственными руками уничтожу последнюю надежду.

Правитель вновь приблизился к Малику и, склонившись к нему, четко произнес:

— Но горе тебе, если не сумеешь ее оправдать.

* * *

На холмах раздавались громкие крики, слышались разудалые песни, горели костры до небес, и вино лилось рекой. Войско Флориана праздновало победу в опустошенном лагере старгородцев. Они захватили изрядную добычу, но желания их простирались гораздо дальше. Самый захудалый из вояк примерял на себя роль будущего феодала, благо княжество большое и земель у Атмара на всех хватит.

В это время в непроглядной темени новолуния скользили подобно призракам, распутивая ворон двое крестьян.

— Тсс. Тихо, дурень, — зашипел на товарища низенький, плюгавый мужичок, — никак к флорианцам на праздник захотел?

— Извини, — виновато прошептал его спутник, высоченный, широкоплечий крестьянин с добродушным лицом, польстившийся на уговоры односельчанина занять немного золотишка, пока господа празднуют.

— Ладно, — сменил гнев на милость мужичок, — помоги-ка этого повернуть, уж больно тяжелый, зараза.

Фьолл, добродушный здоровяк, легко развернул лежащее тело. Тут, он пригляделся и замер, что-то вспоминая. Тем временем, плюгавый Харми, принялся стаскивать с руки павшего воина золотой перстень. Как внезапно был остановлен самым бесцеремонным образом. Фьолл попросту махнул рукой, как будто отгоняя надоедливую муху. Харми повалился на спину, и тут же подскочил:

— Эй, ты совсем сдурел, чего дерешься?

— Не смей обирать этого человека. Я его знаю, это барон Зельдер, он спас мне жизнь, когда я попал в лапы разбойникам на дороге из Лесных ключей.

— И чего? Теперь то ему какая разница? — затараторил Харми. Фьолл жестом приказал ему молчать и склонился к барону:

— Он дышит, значит живой.

Крестьянин молча схватил Зельдера под мышки и поволок в сторону леса.

— Фьолл, ты чего удумал, а? Вот уж флорианцы тебя увидят, — бесновался Харми, но здоровяк тащил свою тяжелую ношу, не произнеся ни слова.

Харми шел рядом, в его душе боролись алчность и страх, наконец, он толкнул товарища в бок:

— Эй, медведь, давай хоть доспех с него снимем. Сам понесу, а тебе легче будет.

Фьолл остановился и недоверчиво спросил:

— Чего это ты мне помогать собрался?

— Ну, человек же в беде, как я могу просто уйти, что я зверь чтоли, — поняв, что Фьолл не поверил ни слову, Харми добавил, — да и к тому же за спасение он отвалит нам пару талеров.

— А, понятно, стервятник, — буркнул здоровяк, принявшись, однако, аккуратно стаскивать кольчугу с раненного барона.

* * *

С трудом разлепив глаза, Сигмар увидел перед собой божью коровку, лениво карабкающуюся по зеленому стеблю. Все происходящее показалось нереальным, каким-то непрекращающимся кошмаром. Северин закрыл глаза, надеясь услышать спасительное: «Рота подъем!».

Второй раз солдат очнулся уже в сумерках, солнце к этому времени практически село. Дневной жар стал спадать, но пролежавшего целый день на солнцепеке солдата мучила жажда. С кряхтением поднявшись, он сел, и, отцепив флягу с пояса, принялся хлебать противную, теплую воду. Бездумно вылив остатки себе на голову, он ощупал затылок:

— Ничего, вроде цел. Хотя шишка, конечно, изрядная.

Сигмар огляделся. Чуть поодаль, в траве, валялся его шлем, помятый в месте удара. По левую руку солдат обнаружил свой верный меч. Он потянул за обтянутый полосками кожи эфес. Перехватив поудобнее, Сигмар принялся разглядывать оружие. Лезвие, исправно заточенное с утра, покрылось множеством выбоин и щербин, в иных местах бурыми потеками запеклась кровь.

— Хорошо бы привести в порядок, но времени нет. Бежать надо отсюда и побыстрее.

Северин вогнал меч в ножны, прицепил шлем за крючок на одежде и, осторожно приподнявшись, осмотрелся по сторонам.

На горизонте полыхал закат, холмы наполнились людьми, похожими отсюда на муравьев, а на вершине гордо реял бело-голубой стяг Флориана. Не видя прямой опасности, но на всякий случай осторожно пригибаясь, солдат направился в сторону леса.

Он на удивление ясно помнил дорогу. Весь путь до злосчастного лагеря Засадного полка каленым железом отпечатался в памяти Северина. Солдат добрался до места уже в полной темноте. Им двигал один мотив — сбежать с поля боя поскорее и подальше, уже у цели он осознал, что у мертвецов будет, чем поживиться и пополнить припасы.

— Сигмар?! — неожиданно из-за корней показалась голова, а затем и весь человек, весьма габаритных размеров.

— Эйнар? Жив? Что ты здесь делаешь? — в ответ удивился Северин.

— Тебя жду, — контрабандист загнал кинжал в ножны и широкими шагами направился к другу.

— А куда еще деваться, в поле то меня за версту видать, да и конь уже выдохся, далеко не унесет. Вот и решил ночку здесь переждать, авось флорианцы за добром только завтра явятся.

— Да, надеюсь.

— Что-то ты словно мешком из-за угла пришибленный. Пойди лучше воды набери нам,

здесь ключ бьет вон у той сосны, и сам умойся, видок у тебя не очень.

Северин поплелся в указанном направлении, где действительно из-под камня бил фонтанчик воды, наполняющий небольшое рукотворное углубление, обложенное замшелыми камнями.

Солдат умыл лицо, вдосталь напился ледяной, сводящей зубы, воды и наполнил флягу со шлемом.

Вернувшись к Эйнару, он застал контрабандиста нарезающим вяленое мясо на тонкие ломти. Подле него на тряпице лежал каравай хлеба и две пузатых бутылки.

Подкрепившись походным ужином, компаньоны принялись обсуждать план спасения.

— Гляди, Сигмар, что предлагаю, — сыто рыгнув, начал контрабандист, — В сторону Старгорода нам смысла нет идти, во-первых, где нам тебе конягу искать, а во-вторых, Флориан теперь своего не упустит и гнать будет Атмара до самой столицы.

— Я об этом и не думал, — покачал головой Северин.

— Ну вот, Сурава в кольце, нам туда не пробраться, да и кто знает, сколько продержится город. На месте оставаться тоже нельзя, — развел руками Эйнар.

— Остается один путь — вернуться в поместье Зельдера, вроде как друга навестить, а еще лучше...

На солдата сошло вдохновение, он поднялся и принялся ходить взад-вперед. Эйнар молча следил за ним, ожидая, чего уж там выдаст его молодой товарищ.

— Поедем по лесным деревням, места мы знаем, людей тоже, скупим у них провиант, думаю денег, что в кошельках этих, — Сигмар указал на остатки лагеря, — нам хватит, затем, как ни в чем не бывало, приведем обозы к Сураве. Ни дать ни взять проезжие купцы, войско флорианцев наверняка в припасах нуждается, а тут и мы подоспеем. Глядишь, нарисуют нам грамотку, как своим особым порученцам. И везде мы свои. У эрендальцев — почтенные купцы, у старгородцев — посланники Никифора.

— Ха, ишь ты. Ловко выдумал, парень, — похвалил Эйнар друга, — я, честно говоря, подумывал о похожем. Если удастся, то мы спасены. Но сейчас о другом, туда еще добраться надо. По моему, кроме как по реке, пути у нас нет. Уведем у флорианцев лодчонку, все одно им не до нас, в такой-то праздник великий. На лодке сплавимся до Суравы, раздобудем коней и вперед, навстречу свободе.

Решение было принято, компаньоны быстро обыскали лагерь, набили серебряными монетами свои кошельки, не забыв впрочем припрятать по парочке и в сапоги, прихватили съестных запасов, набрали ключевой воды и на коне Эйнара двинули к реке. Безлунная ночь была на их стороне. Темным вихрем промчавшись по полю брани мимо вражеских часовых, они оказались на песчаной отмели, хранящей на себе отметины битвы. Порубленные, посеченные тела валялись там и сям, ожидая нового дня, когда победители, наконец, соизволят предать их земле.

Компаньоны слезли с коня, сняли свои припасы и навьючили на себя, собираясь идти вверх по реке, где, по мнению Эйнара, находились суда флорианцев. Но тут Сигмар обратил внимание на неказистый, но достаточно крепкий шлюп, который беспомощно уткнулся в берег реки.

— Пойдем посмотрим, глазастый, — согласился Эйнар.

Внутри шлюпа оказались кучей свалены флорианцы, судя по всему попавшие под прицельный залп лучников Атмара.

— Сигмар, давай-ка закидывай наши вещи в лодку и помоги столкнуть ее в воду, —

приказал Эйнар, после чего товарищи принялись освобождать судно.

С трудом, насквозь вымокнув, они исполнили требуемое, забрались в шлюп, и, покидав тела в воду, уселись, ожидая, что река сама выведет их в нужное место.

Ближе к рассвету, когда следить за рекой была очередь Эйнара, контрабандист растолкал дремлющего юношу.

— Вставай уже, пора слезать. Солнце поднимается, неровен час увидят нас флорианцы, несдобровать тогда.

Шлюп мягко уткнулся в илистое дно, причалив к берегу реки, утыканному там и сям острыми перьями осоки. Выбравшись на берег и углубившись в лес, компаньоны развесили вещи на просушку и принялись строить планы.

— Пойдем вдоль берега реки, все одно к людям выйдем, а может и до Суравы доберемся, — вещал Эйнар, отрезая кусок вяленого мяса.

Сигмар, расправляясь с жестким словно подошва ломтем того же лакомства, только кивнул.

Эйнар, видя его потуги, ухмыльнулся и продолжил.

— Я искренне надеюсь, что эрендальцы нам не встретятся. Но все-таки здесь порядочная глушь, дорога на Старгород петляет с того берега, кто по реке плывет нас и с сотни шагов не разглядит. А уж сами мы не заблудимся, я чаю, река то в одном направлении течет, к Сураве.

— А дальше что? — управившись с мясом, любопытствовал Сигмар.

— Дальше нам предстоит раздобыть лошадок, и я думаю, их нынешние хозяева не слишком горят желанием с нами делиться, — отшутился Эйнар, потянувшись за бурдюком.

Тем временем солнце поднялось достаточно высоко, и в воздухе разлилось тепло. Северин, наконец, унял бьющую его дрожь и стал наблюдать за их парящими влагой пожитками.

Дождавшись когда просохнет амуниция, компаньоны оделись, навьючили на себя припасы и снаряжение, и отправились в путь.

Комары, птичьи трели и мягкая земля под ногами — вот, пожалуй, все впечатление, полученное солдатом за их неблизкий путь к Сураве. Уже вечерело, когда Эйнар резко осадил товарища.

— Стой, тихо, неужто не слышишь?

Северин прислушался, но, не различив ничего, кроме звуков летнего леса, отрицательно помотал головой.

— Эх, молодой, нельзя так. Учись слышать, что вокруг тебя творится. Ладно, присядь вон под то дерево и жди меня, — скинув мешок на землю, сказал Эйнар, а сам отправился в неизвестном направлении.

Отсутствовал контрабандист довольно долго, Сигмар даже успел задремать, прислонившись к шершавой коре. Но заслышав шаги, солдат немедленно направился навстречу к другу.

— На, держи, — контрабандист сунул в руку Сигмара ветку черных, масляных ягод.

— Спасибо, только что это?

— Жрать не вздумай, разомни во рту и натри зубы, да выплюнь скорее.

Сигмар нехотя повиновался.

— А ну, друже, подойди, улыбнись, да подыши на меня, — подманил солдата рукой Эйнар.

Сигмар, совершенно не понимая, что происходит, исполнил требуемое.

Результат превзошел все ожидания. Эйнар, скривившись, отвернулся и даже два раза чихнул.

— Уф, запашок что надо. А то, уж извини, больно зубы у тебя хорошие, могут и не поверить, — Эйнар оглядел солдата с ног до головы, — вообще годится. Весь грязный, нечесаный, еще разве к лицу горсточку тины приложить не мешало бы. А обувь твою чудную поменяем, надеюсь моя тебе впору придется, иначе босиком пойдешь.

У Сигмара в голове все спуталось, но тут контрабандист соизволил объяснить весь этот маскарад.

— Слушай, Сигмар, план таков...

Увидев двоих ратников в кольчугах, Северин поспешил выбраться из укрытия.

— Господа хорошие, господа хорошие, — подбежал он к одному из них, — Не убивайте, Незримым прошу.

Сердце бешено колотилось от нервного напряжения, а из глаз норовили брызнуть предательские слезы. Но в этом положении, волнение было на руку Сигмару, придавая правдивости его игре.

Ратник склонился, чтобы рассмотреть незнакомца. Но уже через секунду с отвращением пнул его ногой:

— Проваливай отсюда, вонючка.

Сигмар, дрожа голосом, защебетал:

— Вы ведь служите его сиятельству, герцогу Флориану. У меня есть для вас, есть...

— Что у тебя есть, говори, покуда не зашиб, — подал голос второй всадник.

— Отец мой в лесу, повстречал суравца, тот изранен был сильно. Уж и откуда взялся непонятно. Высоченный, как дерево. Схватил батю за грудки, да нож приставил. А ну, говорит, води меня смерд в свою избушку, да прячь от флорианцев, иначе смерть, — выпалив все это, Северин замолчал, исподлобья наблюдая за ратниками.

Те переглянулись, в глазах их загорелись огоньки алчности. Они проглотили наживку, теперь нужно было привести их к Эйнару.

Отдышавшись, Сигмар продолжил:

— А батя мне и сказал. Беги к людям герцога Флориана. Ужо они нас наградят. Я узнал его, говорит, это Суаль. Его псы меня чуть на охоте не задрали.

Выслушав байку, один из ратников даже потер ладони от нетерпения. А второй прервал Сигмара:

— Эй, вонючка, води нас скорее к батю своему.

— Конечно, конечно. Только он в лесу, в избушке. Конному туда ходу нет.

Флорианцы, тихо посоветовавшись, спрыгнули с седел и под уздцы повели лошадей в сторону леса. Привязав их стволу, тот, что побойчее, схватил Сигмара за шиворот и пригрозил:

— Гляди, если обманул, я тебя вон на тот сук подвешу, понял?

— Чистая правда, господин, клянусь, — снова защебетал Сигмар, обдав ратника смрадом ягод-гниловок, отчего тот скривился.

— Тьфу, ну и воняешь же ты.

План компаньонов работал безукоризненно. Солнце уже почти скрылось за горизонтом. В сумерках Сигмар вел флорианцев в западню.

— Так, вот поваленное дерево. И муравейник прошли. Ну, все, еще чуть-чуть, —

размышлял Северин про себя, как вдруг услышал душераздирающий крик за спиной. Он развернулся, и свет померк в его глазах.

Эйнар, спрятавшись за корнями огромного дерева, выросшего на пригорке, хладнокровно наблюдал за неспешно идущей троицей. Впереди ковылял Сигмар, изредка понукаемый флорианцами. Пока план работал, ратники направлялись именно куда нужно. Контрабандист достал из ножен клинок и попробовал остроту лезвия.

— Годится, — удовлетворенно подумал он, вновь устремив взор на идущих. Тут в животе его заурчало, все тело ослабло, а омертвевшие губы лишь еле слышно произнесли:

— Нет, только не они...

Услышав шорох, Эйнар подскочил, увидев, как перед ним за клубилась тьма. Контрабандист наугад, не метясь, попытался уязвить врага. Но все было тщетно. Тьма внезапно обрела человеческие очертания. Перед ним появился мужчина в черном кафтане, с неестественно бледной, матово-белой кожей.

— Пади ниц, человечиска, — зашипел незнакомец.

Эйнар, проклиная свою робость, вяло попытался ударить врага кинжалом. Но острейший клинок прорезал лишь воздух, не оставив на незнакомце ни малейшего следа. Челокодемон поднял руку и двумя пальцами прикоснулся ко лбу оцепеневшего контрабандиста. В голове Эйнара заискрились тысячи огней...

* * *

Взбурунив молочной пеной мутные воды загаженной реки, купеческая ладья пришвартовалась к одной из множества пристаней, облепивших берега Сирта в Речном квартале. По перекинутым мосткам сноровисто спускался, надувая бульдожьи щеки, Альмир. За ним безотлучно следовали четверо наемников, честно отработавших свою плату. Оставался последний ритуал, после чего уговор больше не связывал их с жадным купцом. Ярун шел, напряженно размышляя, внешне он был спокоен, лишь подергивающееся веко, и сжатые до хруста кулаки, выдавали его состояние.

— Убить, убить змею. Сразу же, едва коснемся ворот.

Вот уже показалась перед ними серая громада башен, а Ярун все еще размышлял, как быть:

— Или нет, пусть живет. Нельзя из-за этого слизня еще один грех на душу брать. Хватит и тех селян, что не отмолят мне и до конца жизни.

— Рыжий! Ты уснул, что ли там? — окликнул замершего товарища Большой Рик, держась вместе с остальными за прохладный, влажноватый камень городских врат. Ярун поднял взгляд и, медленно подойдя, присоединился к ритуалу.

— Ну, вот и все, голубчики. Благодарю сердечно, поработали с вами на славу, — маленькие, глубоко посаженные, глаза купца лучились радостью, которая резко сменилась тревогой, когда Альмир посмотрел в лицо нависшего над ним Яруна.

— Поработали. Славно, — отрывисто произнес наемник и резко купца ударил лбом в переносицу. Тот, потеряв сознание, тяжелым кулем повалился на дорогу.

Ярун, не обращая внимания на удивленные взгляды боевых товарищей, быстрым шагом направился в сторону торжища. Там, не выгадывая прибýtка, он приобрел лошадь с полной сбруей и, не жалея животное, помчался в сторону Подлужицкого монастыря.

Настоятель духовной обители знал рыжего наемника еще со времен, когда был пастором в Фольмарке. Именно отец Фрамм приобщил Яруна к вере в Незримого, и время от времени Рыжий навещал своего наставника, оставаясь в монастыре на несколько недель, чтобы помочь в делах насущных и отмолить грехи, заработанные от занятий его бурным ремеслом.

Насмерть загнав лошадь, Ярун добрался до обители. Вихрем промчавшись мимо оторопевших монахов, он ворвался в молельный зал и горько зарыдал, бухнувшись на колени перед изваяниями воплощений Незримого.

— Проснись, брат Земульт — мягко разбудил гость стонущего во сне Яруна.

Пришедший мужчина был одет в грубую шерстяную робу и опоясан простой пеньковой веревкой. Капюшон его робы был откинут, и можно было увидеть лицо гостя — суровое, обветренное, не привыкшее улыбаться. Крепко сбитая фигура, выделялась даже под мешковатым монашеским одеянием. В целом, гость создавал впечатление скорее воина, нежели смиренного монаха.

— Здравствуй, брат Виллегер, — не открывая глаз, поприветствовал посетителя Ярун.

— Орден нуждается в тебе, брат. Мирские владыки снова развязали войну, тяжелые наступают времена и для Адальберга, и для Эрендаля. А враг человечества не дремлет, слуги тьмы набрали силу в этих краях, нам нужно спешить, — чуть хрипловатым голосом повествовал монах, — у епископа Суравы похитили печати и, самое главное, свитки с указанием, где искать Слезу Матери. Перед тем, как прийти к тебе, я проверил старую часовню. Тайный ход был открыт, а святыня исчезла.

— Если бы вы не скрывали, кх, кх, — тяжело закашлялся наемник, — если бы я знал, то приложил все усилия, чтобы этого не произошло. Я знаю у кого сейчас этот камень.

— И у кого же? — склонился гость.

— Эйнар и Сигмар, посланники Никифора. Они уже наверняка в Старгороде.

— Эйнар? Твое задание было...

— Я знаю свое задание! — огрызнулся Ярун, — но сложновато было его выполнить, когда они волокли мое бесчувственное тело сюда, в Рильке.

— Не гневайся, брат Земульт. Я все понимаю, кстати, о твоей ране, — монах стал шарить в тканевой суме, прислоненной к его колченомому, низенькому табурету. Через мгновение он извлек небольшую склянку темного стекла, утонувшую в его крупных ладонях.

— Выпей это, — произнес Виллегер, передавая наемнику откупоренную емкость.

Ярун одним движением залил содержимое в рот и быстро проглотил, скривившись от горечи. Жаркая волна прокатилась под кожей, оживляя затекшие мышцы, на лбу проступили капельки пота, а глаза заблестели. Захотелось двигаться — бежать, нестись, сражаться, действовать.

— Чудный отвар, — откинул Рыжий одеяло, собираясь вставать.

В это время Виллегер, поднялся, бесстрастно оглядел своего товарища и пошагал к застывшему у входа лекарю. Что-то пошептав над ним, он легонько коснулся висков старика, который ожил, помотал головой и с суеверным страхом уставился на монаха.

— Вели принести одежды и доспех этого воина. Мы уезжаем.

Сознание вспышкой вернулось к контрабандисту. События недавних дней промелькнули перед глазами. Собравшись с духом, он медленно приоткрыл глаза. Но тщетно, вокруг стояла крошечная тьма, лишенная малейшего проблеска света. Лежащий ничком Эйнар провел рукой подле себя, обнаружив, что постелью ему служит земляной пол, закиданный кучами прелого сена. В голове его стояла вязкая пустота, даже думать было тяжело, не то, чтобы двигаться. Но нужно было действовать, пока похитители не спохватились и не поняли, что пленник пришел в себя. Внезапность всегда была главным козырем Эйнара, не раз выручая из передраг. Преодолевая слабость, чувствуя себя ватной игрушкой, он поднялся и принялся на ощупь исследовать помещение. Тяжелый, спертый воздух едва давал дышать, голова закружилась и контрабандист, охнув, упал на соломенную подстилку. Тут, возле его правого уха послышалось шуршание.

— Это, что ж. Ожил никак, добрый молодец? — раздался хриплый старческий голос.

— Ты кто? — вяло поинтересовался Эйнар.

— Никто, мертвец я. И ты мертвец, коль в эти хоромы попал, — неизвестно чему засмеялся незнакомец.

— Какие хоромы, ты что обезумел, старик?

— Если бы... Все легче жилось последние деньки. А так, умишком я покрепче тебя буду. Просто попал ты в такое место, откуда к живым ходу нет.

— Что за место? Скажи по-людски. Чего загадки загадываешь. Мы с тобой на одной стороне, — начал уже злиться Эйнар.

— Место это зовется Сеерхалле. Обитель Темного Владыки. А что до стороны, то не одной то, на одной, да только ты все одно раньше меня помрешь. Когда поведут тебя на заклание идолу.

— А ты чего, из другого теста? — недовольно спросил контрабандист.

— Не лучшего твоего. Просто старый я слишком, не нужен уже демону, не осталось во мне жизни, а стало быть, питать мне их нечем. А ты вон какой, кровь с молоком. Никак не меньше полста лет с тебя выпьют.

От такого комплимента Эйнара пробрал озноб. Те, кто недавно были целью их поисков, нашли охотников первыми. Только теперь охотники сами стали дичью.

— Чего замолчал? Никак от страха язык отнялся? — подал голос старик.

Контрабандист молчал, лихорадочно размышляя о том, как спастись. Но в голову ничего умного не приходило.

— Ничего, молодой. Радуйся, что человеком помрешь. Уж лучше смерть, чем жить, как эти упыри.

Внезапно раздалась гулкие шаги над головой. Затем с шорохом распахнулся деревянный лаз. В подземелье заглянул взлохмаченный человек, ослепив узников пламенем факела. Эйнар зажмурил глаза, пытаясь унять возникшую резь в глазах, отвыкших от яркого света, как услышал, что похитители спустили вниз лестницу, мягко уткнувшуюся в земляной пол.

Звонкие пощечины раздалились в полутемной комнате, неохотно возвращая к сознанию Северина. Солдат с трудом разлепил веки. Перед ним стоял мужик средних лет, чье лицо украшала клочковатая борода, торчащая во все стороны. В левой руке он держал лучину, правой же, ухватившись за ворот, пытался поставить пленника на ноги.

— Вставай, Хозяин ждет, — хрипловатым голосом проскрипел незнакомец.

Северин обратил внимание на тусклый отблеск наверху клинка, висевшего в грубоватых кожаных ножнах на поясе пришедшего. Решив понапрасну не искушать судьбу, солдат поднялся на ноги.

— Иди! — подтолкнул Северина конвоир в сторону выхода.

Сигмар подчинился, выйдя в коридор бревенчатого здания. Мглистая тьма окружала его. Тяжелый, спертый воздух давил на грудь. Ни единого сквозняка не освежало дух.

— Не стой, не стой! — больно ткнулся между лопаток кулак бородача.

Понукаемый лаконичными фразами и тычками своего сопровождающего, Сигмар брел впотьмах, потеряв всякое понимание, куда его ведут. Внезапно, они вышли в просторную горницу, которая, по всей видимости, была центром усадьбы. Из нее во все стороны вели мастерски изукрашенные резьбой, деревянные двери. В центре помещения стоял высокий каменный очаг. В нем весело полыхал огонь, заливая комнату оранжево-красным светом.

Возле одной из дверей скучал дородный мужчина. Он не носил доспехов, но что-то в его облике неуловимо выдавало человека ратного сословия, привычного к запаху крови.

— Почему руки не связаны? — едва глянув на пленника, спросил страж.

Неопрятный бородач ответил, не смутясь:

— Делаю, как велено, Йонс. Или ты себя уже умнее всех мнишь, раз получил метку?

Страж, ухмыльнувшись, пригладил щеку, на которой Северин разглядел свежий шрам. Выжженное каленым железом изображение серпа, алело незажившей раной на лице воина.

Решив не ввязываться в перепалку с зубоскалом, страж коротко кивнул Сигмару на вход:

— Ступай.

Сигмар отворил тяжелую дверь и шагнул внутрь. Его взору предстал небольшой кабинет, вытянутой формы. Масляные светильники, развешанные по стенам, едва освещали помещение. Справа от входа, у самой стены возвышался трон, выполненный из мореного дерева и обитый красным бархатом. Желая получше рассмотреть обстановку, Северин принялся тереть глаза, чтобы быстрее привыкнуть к скудному освещению.

— И зачем ты ему понадобился? — раздался в комнате звучный баритон.

Солдат открыл глаза и замер, не веря увиденному. Прямо перед ним, на всего мгновение назад пустом троне, восседал человек. Облик незнакомца терялся в полумраке. Его темные одежды, бархатный камзол и парчовые штаны сливались с темнотой вокруг. Резко очерченные скулы выпирали на узком лице. Угольно-черные, густые волосы плотно облегли череп. Восковой бледностью он напоминал Сигмару мертвеца. Лишь изумрудно-зеленые глаза ревенанта ярко блестели жизненной энергией. Он пытливо рассматривал ошеломленного Северина.

— Кто ты? — неведомым путем, не пошевелившись, хозяин Сеерхалле оказался прямо перед солдатом.

— Сигмар, — осипшим от волнения голосом произнес пленник.

— Врешь.

Северин оцепенел, тело отказалось служить ему. Он судорожно пытался сделать хоть шажочек, хотя бы маленький вдох, но все было напрасно. Ревенант заглянул в глаза Сигмару,

отчего в голове солдата возникло ощущение, будто его череп ощупывают изнутри. Тяжелое нефизическое давление нарастало, все сильнее и сильнее, настолько, что стало темнеть в глазах. В расплывчатом образе Фавнира он едва заметил чувство крайнего удивления.

— Врешь! — раздосадовано вскричал ревенант.

Мрак за клубился вокруг его кисти. Фавнир легко прикоснулся к солнечному сплетению солдата. Сигмар закричал так, что даже сквозь парализующие чары послышался его тяжелый хрип. Вся нервная система Северина будто оцетенилась, невыносимая боль пронзила каждую мышцу, каждый орган, каждый сустав. Опасаясь за жизнь пленника, ревенант прекратил пытку, и тот упал на землю безжизненным кулем.

* * *

Противное жужжание раздавалось прямо над головой. Сигмару дьявольски не хотелось не то, что двинуться, чтобы прихлопнуть муху, а даже и открыть глаза. Но надоедливое дребезжание, которое уже ощущалось, будто внутри головы Северина, сподвигло солдата хотя бы приоткрыть веки.

Низкий потолок из потемневших досок нависал прямо над макушкой. Пыльные углы были щедро завешены паутиной. В одном из них, крупная, с зеленоватым отливом муха яростно билась в сетях, пытаясь выбраться.

— Прямо как я, — подумал Сигмар, неожиданно проникнувшись сочувствием к насекомому.

Повернув голову, он разглядел топорно сделанный глиняный кувшин. Схватив посудину, Сигмар пересел поудобнее и понюхал содержимое. Приятный свежий запах воды, настоящей на бруснике, развеял все страхи, и страдающий от жажды солдат припал к кувшину. Осушив его не менее чем до половины, Северин стал осматриваться дальше.

Маленькая комнатка, не больше двух метров в длину. Бревенчатые стены, с заделанными паклей щелями. Коптящий и трескучий масляный светильник, подвешенный к потолку. В противоположном углу стояла деревянная бадья, резкая вонь от которой пронизывала всю комнатку, не оставляя сомнений о предназначении этой вещицы. Солдат сделал еще глоток и, возвращая кувшин на место, заметил лежащий возле него кусок черствого хлеба, завернутый в тряпицу.

— Так себе у них угощение, — вскользь подумал Северин, разворачивая каравай.

Однако, голод не тетка, и быстро управившись с пищей, Сигмар откинулся на кусок дерюги, служащий ему постелью. Он принялся размышлять о текущих событиях, то погружаясь в дрему, то возвращаясь в явь. Но никаких путных идей в голову ему не приходило, и Сигмар все больше ощущал себя мухой, намертво застрявшей в паутине.

Мягко скользнув на смазанных салом пятках, открылась дверь. Все тот же неопрятный конвоир бесцеремонно запихнул в узилище ошеломленного Эйнара. Солдат резко поднялся и подошел к товарищу.

Полнокровный, крепкий духом, всегда уверенный в себе контрабандист изрядно сдал. Во взгляде Эйнара не было уже былой твердости, напротив его глаза выражали полнейшую обреченность. Да и чисто внешне он мало напоминал того щеголеватого молодца, виденного Сигмаром в Старгороде — замызганная рубаха, покрытая засаленными пятнами, клочки сена, застрявшие повсюду в бороде и волосах и сгорбленная осанка человека, потерявшего

надежду.

— Чертовски рад тебя видеть, друг — протянул руку Сигмар.

— Пропали мы с тобой, друже, ни за грош — ответив на рукопожатие, горько произнес Эйнар.

— Да брось, пока живы, всегда есть надежда. Сразу же не убили, значит, нужны для чего то.

— Ага, еще как нужны. Кровушки нашей попить, вот для чего.

Не найдя что ответить, Сигмар предложил товарищу остаток своей немудреной снеди. А сам уселся на дерюгу.

— Давай хоть сапогами обратно поменяемся, — предложил он вяло жующему хлеб Эйнару.

Контрабандист безучастно поднял на него взгляд, кивнул и, отложив на тряпицу остаток каравая, принялся стаскивать берцы.

— Совсем плох стал, видно и вправду нам конец близится, — пришла в голову Северину не очень оригинальная мысль, принесся с собой какое-то отрешенное забытие.

В тесной каморке, лишенной окон, не зная день на дворе или ночь, они ожидали своей участи. Никто не тревожил компаньонов, разве только пожилой дядька, который принес миску с остывшей кашей и крынку горьковатого, стоялого кваса, да заодно поменял масло в лампе.

За все время ожидания товарищи не перекинулись ни словечком. Множество мыслей пронеслось в голове солдата — он вспоминал прошлое, моменты из своей жизни там, свое появление здесь, воодушевление, охватившее его во время отплытия из Старгорода, благодушного Зельдера, который сгинул в кровавой сече. Иногда Северин вскидывался, не в состоянии поверить, что все кончено, но тут же вешал нос, придавленный безысходностью обстоятельств.

Внезапно распахнулась дверь. Вошедшие люди растолкали дремлющего Эйнара и потащили его прочь из узилища. Сигмар попытался остановить их, но получив чувствительный удар по лбу, отступился.

В голове контрабандиста было пусто. Вялое безразличие опутало его невидимой паутиной, лишив воли к сопротивлению. Конвоиры притащили его в баню. Налив бадью теплой воды, один из них приказал Эйнару умыться, достав на всякий случай кинжал из ножен. Остальные же вышли в предбанник. На лавке уже лежала подготовленная одежда.

Умывшись и переодевшись, Эйнар все так же безучастно поплелся за своими сопровождающими. Наконец, изрядно поплутав по извилистым ходам коридоров усадьбы, они вышли на двор. Вокруг царила непроглядная темень. Низкие, плотные облака застили небо, и ни месяц, ни звезды не рассеивали эту мглу.

Эйнар медленно спустился по широкой лестнице, ведущей во двор. Прохладный, влажный воздух облепил тело, заставив зубы выплясывать чечетку. Он обернулся назад, где один из конвоиров, ругаясь вполголоса, старательно высекал искру на зажатый между коленями факел. Наконец, его труды увенчались успехом, и, перехватив факел левой рукой, он опередил Эйнара, двое других встали по бокам, чуть приотстав. Окончив построения, их процессия двинулась вперед. Контрабандист, приняв свою участь, даже не пытался сбежать. Глядя на усыпанную изжелтевшей хвоей землю под ногами, он смиренно шел навстречу своей судьбе. Лишь только когда они миновали вьющуюся сквозь раскидистый лапник елового леса тропку и выбрались на достаточно широкую поляну, Эйнар поднял глаза.

Лобное место было отчетливо разделено на две части. Меньшая из них была освещена факелами, держащимися на воткнутых в землю высоких жердях. Подле них сгрудились подданные Фавнира, те, что пока еще оставались людьми. Толпа негромко гомонила, обсуждая предстоящее жертвоприношение. Кто-то выглядел испуганным, а кто-то, напротив, со злорадным нетерпением ожидал начала действия.

Впереди, между вооруженными кинжалами и топорами охранниками, стояли в ровной шеренге пленники Сеерхалле. Всех их поставили на колени, связав руки за спиной. Из строя слышны были негромкие всхлипывания и приглушенное бормотание молитв. Каждый по-своему встречал последний час.

Прибытие контрабандиста вызвало взволнованное перешептывание среди толпы учеников — людей. Впервые кого-то приводили отдельно, а не совместно с остальными жертвами.

Дойдя до границы темноты, куда уже не доходил отсвет пламени факелов, конвоир обернулся к Эйнару:

— Иди.

Контрабандист молча подчинился. Медленно переступая, шаркая ногами по мягкой земле, поросшей пучками чахлой травы, он шел на заклание. В голове проносились картинки из прошлого.

— Я же мог сбежать раньше. Почему, почему я согласился на это задание, ведь было же предчувствие, — горько размышлял он, до скрежета стиснув зубы от злости и беспомощности.

На самом краю поляны возвышался, на древнем, замшелом постаменте идол Жнеца. Четверо ближних учеников Фавнира, выстроились близ статуи. Остальные человекодемоны двумя полукружьями обступили место грядущего таинства. Сейчас все они были в людском обличье, мало напоминая тех ужасных порождений тьмы, с которыми столкнулись компаньоны в заброшенной часовне. Темные балахоны скрывали тела, из мглы видны были лишь абрисы лиц и сверкающие злобой глаза.

— Слава, слава! — донеслись до ушей Эйнара обрывки приветствия.

Он оглянулся и увидел, как по Лобному месту медленно шествуют три человека, облаченных в темные одеяния. Слегка задержавшись у вереницы пленников, чтобы выбрать жертву, уже вчетвером они продолжили свой путь.

— Темному Владыке Слава! — громыхнули среди ночной тиши собравшиеся человекодемоны, узрев своего наставника.

— Владыке Слава! — ответил на приветствие ревенант.

— И вновь настал этот час, братья. Люди умрут, чтобы мы избранные слуги Владыки могли жить. Мы сильны и свободны от хворей, не всякому смертному по плечу сразиться с нами. Все это награда могучего Саар-Хе для нас. Так отриньте же все человеческое, вы, воины Тьмы.

Тут Фавнир положил руку на плечо пришедшего:

— Сегодня этот человек, не раз, достойно проявивший себя, станет нашим братом.

Пока на Эйнара никто не обращал внимания, соляным столпом он стоял, обратившись в слух. Во тьме были видны лишь размытые силуэты, братство Фавнира, судя по всему, отсутствие света несколько не смущало, если не сказать наоборот.

— Начнем же! — воскликнул ревенант.

Крепко сбитый мужчина в темном балахоне бесцеремонно схватил пленника и подвел

его к идолу. Фавнир встал чуть сзади новообращенного и, вручив ему обсидиановый кинжал, принялся шептать что-то на ухо.

Ученик Фавнира надрезал себе ладонь и брызнул кровью на статую:

— Я. Йонс из рода Семиоких, отказываюсь от своих предков, отворачиваюсь от Незримого, да будет он ненавистен мне во всякий день и час, как и воплощения его. Вверяю себя воле великого Владыки тьмы. Услышь мою мольбу Саар-Хе и возьми под свое покровительство.

— Да будет так! — раздался нечеловеческий голос, слышимый отовсюду и ниоткуда, — какие дары ты принес своему Владыке, смертный?

Йонс, в чертах которого уже стало проступать нечто демоническое, ухватил пленника за волосы, заставив запрокинуть голову. Обреченный дрожал и клацал зубами, но не пытался вырваться, удерживаемый магией Фавнира.

— Гаэль эсма, Саар-Хе! — закричал новообращенный и перехватил горло несчастного остройшей кромкой кинжала из вулканического стекла, удерживая пленника так, чтобы льющаяся толчками кровь попадала на каменное изваяние.

Наконец, жертва испустила последний вздох, и новообращенный отпустил безвольно упавшее оземь тело. Лобное место окутала тишина.

— Семет алеф, — раздался голос Жнеца, в котором Эйнар различил оттенок ехидства и злорадного удовлетворения.

В то же мгновение черная молния ударила прямо перед изваянием, раздался гром, глухо дрогнула земля под ногами. Братство Фавнира приняло свой настоящий облик — звериный вой и рык смешались в дикую какофонию, режущую слух. Вместе с ними обратился в чудовище и сам Йонс — двухметровая тварь, клубящаяся волнами темноты, чернее ночи, удивленно поводила по сторонам подобием головы, сверкая бусинками алых глаз. Лишь сам Фавнир оставался в облике человека, негромким, но удивительно различимым среди царящего беспорядка, голосом он произнес:

— Добро пожаловать в Братство, Йонс из рода Семиоких. Я позволяю тебе отправиться на твою первую охоту, вперед Младший брат, напейся людской крови, ты больше не из их числа!

Громко взыв, тот, кто недавно был Йонсом, огляделся по сторонам и помчался невидимой тенью в сторону леса.

Ревенант улыбнулся, помолчал немного и резко ударил в ладони. Громкий хлопок разом оборвал беснование Младших братьев. Чудовища напряженно уставились на своего предводителя, который продолжил речь.

— Сегодня необычный день, великий Саар-Хе указал мне на этого человека — злейшего врага, от руки которого пало немало наших Братьев. Но не нам оспаривать мудрость Владыки Тьмы. Подойди ко мне, Сигмар.

Эйнар, которого от холода и нервного напряжения била дрожь, уставился на Лобное место, пытаясь понять, что происходит. Еще недавно злые, но отчетливые мысли в его голове слипались в густое месиво, тело постепенно отказывалось повиноваться, даже чувство холода отступило перед натиском навязываемой чужой воли. Шаг, другой — не осознавая, что делает, контрабандист оказался стоящим на коленях перед статуей. Почувствовав прохладное прикосновение клинка к шее, Эйнар безучастно отметил про себя:

— Вот и все...

Внезапно, время словно бы замедлило ход, в его ушах загремел властный голос Малика:

— Очнись! Очнись! Действуй, безвольный ты мешок, я долго не удержу...

Эйнар по змеиному извернувшись, ударил Сигмара локтем под дых и вскочил, пытаясь достать оторопевшего ревенанта, но Фавнир быстро пришел в себя, его изумрудные глаза сверкнули, а воздух вокруг контрабандиста словно бы окаменел, лишив Эйнара всякой возможности не только двигаться, но даже и дышать.

— А ты довольно ловок, хоть и выглядишь как бочонок, — усмехнулся ревенант, — но тебе это не поможет. Сигмар, ты пришел в себя?

Солдат не отвечал, согнувшись в приступе кашля. Торжественность момента была безвозвратно разрушена, но ритуал было необходимо продолжать. Фавнир совершенно по-человечески выругался и сплюнул на землю от досады.

— И как Владыка выбрал именно такого слизня, — проговорил он вполголоса, приближаясь к Сигмару, чтобы помочь ему прийти в себя.

— Эй, человек, распрямись и посмотри на меня, — обратился Фавнир к солдату, но ответом было лишь надсадное кашлянье. Пробормотав еще пару ругательств, ревенант склонился к Сигмару, не заметив, что тот все еще держит в руке ритуальный кинжал, замерцавший светом закатного солнца.

— Аааа! — завопил во всю глотку солдат, вгоняя клинок в глазницу хозяина Сеерхалле.

Ревенант ухватился за рукоять, но замер недвижим. Воздух вокруг буквально задрожал от напряжения, от битвы неведомых сил и энергий. Братство Фавнира, поняв, что произошло, взвилось, готовое обрушить всю свою мощь на несчастных пленников, посмевавшихся восстать. Сигмар огляделся, но во тьме видны были лишь стремительно приближающиеся силуэты чудовищ.

Бах! — яркая вспышка озарила Лобное место, проявив картинку словно негатив. И тут же на участников жертвоприношения обрушился тяжкий удар, разметавший всех по округе.

Заливистый, громкий лай маленькой собачонки зазвенел в тиши спящего города. Едва удерживающая псину на поводке старуха ворчливо запричитала:

— Тютя, стой! Ко мне! Не подходи к этой пьяни подзаборной. Ты смотри, последнюю совесть пропил алкаш, молодой еще, а туда же. Что кроме лавочки и прилечь негде? Тьфу!

Наконец, смачно сплюнув на усыпанный подсолнечной шелухой асфальт, бабка замолчала и усеменила во двор, оставив Северцева в одиночестве. Он, полежав и прислушавшись к ощущениям, которые в просторечии называются вертолетом, оторвал голову от лавки, и, хватаясь за куст сирени, принял-таки вертикальное положение.

— Разоралась, карга старая, — буркнул парень, растирая лицо руками.

Как ни старался Северцев припомнить, что привело его в этот двор, у черта на куличках, но так ни одной дельной мысли в голову не пришло. Сунув руку в карман своей потрепанной кофты, парень извлек наружу выдавший виды мобильник. Пролистав записную книжку от корки до корки пару раз, он начал набирать номер. В голове крутились какие-то путанные обрывки мыслей и воспоминаний — проводы в армию, гулянка с друзьями.

— Але, — весьма недружелюбно отозвался собеседник.

— Здорово, Серый, вы че охерели там совсем, на моих проводах бухая, меня же и прое..

— Северцев?! — перебил его взволнованный голос, — Ты где? У нас говорили, что ты сержанта грохнул и с волыной деру дал. Участковый приходил, другие еще, мутные, за тебя интересовались.

— Ха, да брось гнать, че угарнуть решил надо мной, какой еще сержант, мне завтра в военкомат только.

— Пшш, — раздалось в трубке прерывистое шипение вместо ответа.

Разговаривая, Северцев, поднялся с лавки и медленно шагал вдоль разваливающегося бордюра. С досадой оторвав мобильник от уха, он поднес его к глазам, но к своему изумлению увидел в руках огромный изумруд. Повертев его немного, юноша принялся разглядывать камень в холодном свете уличного фонаря. Тут, прямо в ладонях, минерал обратился в ощерившийся человеческий череп, клянувший зубами в попытке ухватить за пальцы. Северцев от неожиданности бросил его о землю что есть силы.

— Так пить нельзя, — подметил он, увидев свой окончательно разломанный об асфальт телефон, — тьфу, ну и причудится же. Эй, парень, слышь, есть позвонить, — бросился Северцев в сторону невесть откуда взявшегося прохожего, одетого в черную, флисовую парку, скрывающую лицо.

— Постой, постой.

— А я и не ухожу, — поднял голову незнакомец.

Одного взгляда хватило Северцеву, чтобы утонуть в потоке нахлынувших воспоминаний. Животный ужас захватил все существо юноши, тело отказывалось подчиняться, а сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

— Я - Жнец, — сверкая фиолетовой радужкой глаз, представился пришедший, — благодаря мне ты до сих пор жив, а не на столе у зверушек Фавнира. Он был хорошим слугой, но я пожертвовал им ради великой цели. Ты, человек, должен будешь доставить мое изваяние к Малику. Выполнишь — награжу несказанно, больше, чем ты мог бы себе представить в самых смелых мечтах. Ну а если не сможешь, эх, не завидую тебе, смертный. Понял меня?

Сигмар попытался ответить, но даже не смог раскрыть рта, не смог произнести ни звука, его сил хватило только чтобы едва заметно кивнуть.

— Хорошо, тогда тебе пора обратно, — легонько толкнул в грудь солдата Жнец.

* * *

— Вставай. Да, подымайся же! Очнись, пока нас не сожрали, — яростно тряс солдата за плечи Эйнар, пытаясь привести в чувство. В ход пошли звонкие оплеухи, не возымевшие никакого действия. Контрабандист заозирался по сторонам, но чудовища Сеерхалле как под землю провалились.

— Они не придут, а нам нужно к Малику, — внезапно открыл глаза Сигмар.

— А, — отшатнулся здоровяк, — ты очнулся... А с чего взял, что эти твари насовсем исчезли?

— Просто знаю, Эйнар. Знаю и все.

Северин поднялся и прислушался к ощущениям. Чертовски саднила разодранная щека, а во рту застыл неприятный, отдающий железом привкус крови. Но в остальном солдат был в полном порядке. Критически осмотрев свой балахон, Сигмар отряхнул налипшие на шерсть хвоинки и направился в сторону потухших факелов.

— Эй, а может, ты меня подождешь, нетопырь? — окликнул его Эйнар.

— Чего? — обернулся солдат и, разглядев ухмыляющееся лицо товарища, осознал, что в кромешной темноте видит ничуть не хуже чем днем.

— Побочный эффект, — чуть улыбнувшись, пробормотал Сигмар и уже громче ответил

контрабандисту, — вот как, сперва торопил, а теперь и сам не идешь.

— Ну не всем дано кошачье зрение, уж извини, — проворчал Эйнар, приблизившись.

Довольно скоро компаньоны пересекли поляну вдоль и оказались на месте, где ожидали своей участи пленники Сеерхалле. Толстенные жерди, на которых были закреплены факелы, неведомая сила переломила легко, словно невесомые соломинки. Возле одного из обломков Северин заметил охранника, распластавшегося на земле в странной позе. Подойдя ближе, он увидел, что висок мужчины был буквально вонзнут внутрь, и из черепа наружу торчали обломки кости, обнажившие мозг. С непривычно ледяным спокойствием Сигмар обыскал тело, довольно скоро обнаружив необходимое — тканевый кисет в котором лежали кресало и трут. Обойдя вокруг, он подобрал воткнувшийся в землю факел, от которого доносился крепкий смоляной запах. Вручив находку Эйнару, солдат принялся усердно стучать над головней камнем о камень, выбивая снопы искр, вычерчивающие замысловатые линии в черноте ночи. На их счастье факел еще не высох и довольно скоро загорелся, объятый желтовато-красным пламенем.

— Кхе, так-то лучше, поднадоело мне блуждать впотьмах, — одобрительно крикнул Эйнар, передавая головню товарищу, — поддержи чуток, Сигмар, а я пока посмотрю, чем поделится с нами безвременно усопший.

Контрабандист ловко стянул с лежащего тела пояс и приладил его на себя, достал из ножен кинжал, опробовав ногтем остроту клинка, одобрительно прицокнул языком и засунул обратно.

— Эхма, а одежка-то маловата мне будет, — с сожалением отметил Эйнар, — ну что, Сигмар, свет у нас есть, кое-каким оружием тоже разжились, надо бы осмотреть округу, да решить что делать.

— Главное привезти статую Малику, — рассматривая коптящую головню, задумчиво ответил Северин.

— Это я и сам понял. Ух, ну и натворил же ты делов. Я всерьез решил, что отбежался уже на этом свете.

— Колдун мне помог, пришел в каком-то полусне и... Впрочем это долгая история, пора идти, найти хоть кого-нибудь. Правда, фавнировские слуги уже разбежались, зато пленники наверняка еще где-то тут.

Словно в подтверждение слов Северина неподалеку послышался негромкий всхлип, тут же резко прервавшийся. Сигмар посмотрел на товарища, который молча кивнул, и компаньоны направились в сторону звука.

Пройдя совсем немного, они очутились перед вереницей пленников, связанных за руки одной веревкой. Некоторые еще лежали без чувств, остальные же сидели на голой земле, напряженно уставившись на пришедших. В их настороженных взглядах читалась мольба и страх. Женщина в изодранном крестьянском платье, чей всхлип, по всей видимости, и услышали товарищи, застыла в нелепой позе, заткнув себе рот кулаком, по ее щекам текли нескончаемым потоком крупные горошины слез, прочерчивая борозды на запыленном лице. Лишь один из пленников бесстрашно взирав в глаза своей судьбе, подернув пути обеими руками, он поднялся и приготовился к схватке.

Северин вышел вперед и обратился к пленникам:

— Я убил Фавнира, его слуги разбежались, а чудовища истаяли во тьме. Вы свободны.

Освещаемые скудным светом коптящей головни лица преобразились, целый ураган чувств промчался буквально во взоре каждого пленника.

— Почему мы должны тебе верить? — подал голос поднявшийся мужчина. Он был широкоплеч и хорошо сложен, его строгий голос выдавал в нем человека, который привык повелевать, а не подчиняться. Даже будучи одетым в замызганное тряпье, незнакомец выделялся на фоне остальных узников.

— Потому что я в любой момент могу уйти, а вас, вместо того, чтобы освободить от пут, оставить здесь на съедение зверям или на потеху попрятавшимся еретикам. Уж наверняка они испугались не вас, а того, кто убил их предводителя.

Незнакомец усмехнулся, покачав головой. А Эйнар, до того пристально изучающий взглядом мужчину, резво пошел вперед широко улыбаясь:

— Виконт Эммульд, правая рука самого Реймира, отчаянный рубака и завсегдатай всех таверн и борделей Каменного Рога, собственной персоной.

— Ха, Гарланд, да ты, кажется, еще шире стал с нашей последней встречи. Вспомни, о чем толкует Храм, чревоугодие — грех.

— А твои шутки ничуть не изменились, уж за столько лет мог бы и выдумать чего нового. На, поддержи свет, — отдал контрабандист Эммульду факел, а сам взялся разрезать толстую бечеву, опутывавшую руки виконта.

— Ох, — с наслаждением отряхивал руки флорианец, — как же все-таки приятно быть свободным. И к тому же наконец-то я могу отлить, — отошел ненадолго в сторону Эммульд, а Эйнар, вручив головню другому пленнику, принялся освобождать того от пут.

Сигмар, тем временем, приводил в чувство лежащего без сознания молодого парнишку. Очнувшись, узник громко закричал и попытался отстраниться, но Северин, прижал его к земле и немного успокоил, обрисовав ситуацию.

— Спасибо, родненький, миленький мой. Я уж не чаяла, — в этот же момент, освобожденная женщина кинулась к Эйнару, задушив его объятиями и поцелуями в своем порыве благодарности. Остальные же мужчины более сдержанно, но также обняли своих спасителей и пожали им руки.

Словом радости, уже распрощавшимся с жизнью пленникам, было не занимать. Наконец, когда восторги поутихли, пришла пора решать, что делать дальше.

— Послушай, Гарланд, ты не думал навестить это осиное гнездо, да и спалить его дотла? — вытирая руки о штанины, осведомился виконт.

— Еще б не думал, туда и собирались, куда вас не нашли. Как мыслишь, Сигмар, наведемся в гости или нам еще чего надо сперва сделать?

— Пошли в усадьбу, сам знаешь что уже не убежит от нас, а лишние свидетели ни к чему, — солдат произнес последнюю часть фразы уже шепотом, склонившись к Эйнару.

— Это точно. Так ребята, дорогу я кажется запомнил, малой — ты пойдешь с головней посредине, Сигмар ты чуть спереди и я с тобой. Эммульд, прикроешь нам спину?

— Эх, не привык я, ну да ладно. Хорошо, Гарланд, пойду сзади. Больше некому и доверить, — с презрением оглядел остальных пленников виконт.

Но предосторожности оказались излишни, быстро преодолев вьющуюся сквозь еловый лапник тропу, компаньоны оказались перед усадьбой.

— Темно здесь, хоть глаз выколи, — проворчал Сигмар, приближаясь к лавке.

В полшаге от изголовья солдат резко остановился и что есть сил пнул в темноту, услышав приглушенный хруст. Для верности прибавив еще пару ударов, Северин откинул лавку, под которой съжившись лежал давешний знакомец с всклокоченной бородой.

— Эй, Эйнар, смотри кого нашел, — обернулся солдат к товарищу.

— Ха, гляди-кось, тот самый. Только нос ты у него основательно набок своротил, юшкой то все и залило. Вставай, сучий потрох! — засадил он сапогом под самые ребра бородачу, который не то булькнув, не то охнув, схватился за живот и скрючился.

— Вставай, кому говорят, не то всю рожу твою мерзкую опалю, — не унимался Эйнар, ткнув головней прямо в лицо слуги Фавнира.

В воздухе раздался запах паленой шерсти, а их недавний конвоир тут же подскочил и, зажимая заскорузлой ладонью нос, принялся умильно глядеть на компаньонов.

— Сейчас ты расскажешь нам все, что знаешь об этом месте, вернешь нам наше оружие и доспехи, и объяснишь, как отсюда выбраться. А коли откажешься, то я тебя на твоих же собственных потрохах и подвешу! — прикрикнул на бородачу Эйнар.

— Конечно, милсдари, конечно. Все сделаю, что ни прикажете. Не губите только, Незримым вас прошу! Не оставляйте детей моих сиротинушками... — прогундосил, сопя разбитым носом, мужик.

В этот момент Сигмар услышал в своей голове тихий голос, подобный шелесту. Как дуновение ветра ощущался он прямо внутри черепа, и словно бы отражался эхом от его стенок.

Солдат подошел к бородачу, испуганно дернувшемуся в сторону, и, глядя тому в глаза, не своим голосом прошептал несколько слов на таинственном языке. Воздух на мгновение задрожал, и тонкая струйка инеистой, ледяной темноты протянулась к бородачу, обвив его голову. В ту же секунду раздался его нечеловеческий крик, он упал на земляной пол и принялся кататься в разные стороны, хрипя от боли и разбрасывая кучи прелой соломы в разные стороны. Тут, Северина оставило оцепенение и он, вздрогнув, уставился на раскрывшего от удивления рот Эйнара и забившегося в угол, скулящего бородачу.

— Да, а я признаться честно... — на полуслове прервался контрабандист, с легким недоверием оглядывая своего соратника.

— Идемте уже, чего встали как истуканы. Веди давай, отродье! — ухватил Северин за шиворот служку и рывком поставил на ноги.

Тот задрожал, и, часто-часто кивая, потащил их сквозь хитросплетения коридоров усадьбы Фавнира. Даже своими обострившимися чувствами Сигмар не ощущал ни одной живой души поблизости, а потому успокоился и просто следовал за сторбившимся бородачом. Наконец, все трое выбрались в просторную залу, заставленную объемистыми сундуками, некоторые из которых были окованы железом, тюками с тряпьем, пузатыми бочками и пирамидами сложенных друг на друга мешков.

— Ах, ты ж скотина, погасла — выругался контрабандист на свой потухший факел.

— Все есть, здесь все есть, — тут же услужливо метнулся бородач в сторону входа, где, по всей видимости, были припасены факелы, и ведро со смолой. Споро вымочив головню в тягучей жидкости, он вынул кресало и поджег ее. Затем служка подбежал к Эйнару и, умильно осклабившись, подал ему головню, обнажив свои гнилые, черные зубы.

— Страшен как черт, а молодец все же, будешь так же расторопен, глядишь и живым останешься, — усмехнувшись, похвалил служку контрабандист.

— Буду, буду! Не губите меня, не своей волей служил я проклятому, а токмо страха ради.

— Рот свой захлопни, несет от тебя как от козла, — резко прервал его Сигмар, — отворяй сундуки и возвращай нам оружие и доспехи.

Вынув из-за пазухи связку железных ключей, бородач подбежал к самому дальнему

сундуку. Затем, отперев тяжелый амбарный замок, он откинул массивную крышку сундука и почтительно встал чуть поодаль, ожидая дальнейших указаний.

— Ну, вот и наши пожитки, на самом верху лежат, — углядев знакомый сверток, который изрядно натер ему плечи за неблизкий путь от Зеленых холмов, подметил солдат.

Северин подцепил материю и достал сверток наружу, чуть покопавшись, он достал и свой верный меч, сослуживший ему добрую службу.

— Хорошо, что почистил его на привале, иначе совсем бы заржавел, — подумал вскользь Сигмар, разглядывая прямой, обоюдоострый клинок.

Поддавшись нахлынувшему порыву, солдат несколько раз перекинул меч из руки в руку, и с выдохом нанес резкий удар в пустоту перед собой.

— Полно баловаться, еще покажешь мне, чему научился, а пока нацепляй пояс, да подвинься. А ты, как тебя там, держи вот, — сунул головню бородачу Эйнар и полез в сундук.

— Фурмин, господин — буркнул служка, на что контрабандист только сплюнул в ответ.

Порывшись, здоровяк достал свои пожитки и обмундирование, и кинул подле себя тяжелый сверток. Однако на этом он не остановился, и через пару мгновений достал длинный, кавалерийский клинок в богато изукрашенных золотым тиснением кожаных ножнах. Навершие клинка было выполнено в виде головы грифона, отблеск факела причудливо преломлялся в рубиновых глазах птицы, и казалось, будто бы они и сами излучают хищный, красноватый свет.

— Ярранинг, хм, вот уж Эммульд обрадуется, — с почтением оглядев оружие, произнес Эйнар. Но это все позже. Эй, ты, отродье, как, говоришь, нам отсюда выбраться?

— По реке, господин, по реке! Там ялик стоит небольшой, по лесным речушкам фьюить-фьюить, и вот мы уже у Суравы, — снова ослабил Фурмин, показав рукой, как они проскользнут к городу.

— Понятно. А еда у вас тут где спрятана? Страсть как брюхо требует! — похлопав себя по животу, спросил контрабандист.

Вместо ответа, служка суетливо потопал в сторону выхода, захватив с собой еще пару факелов и небольшое ведерко со смолой.

Словом, спустя некоторое время, освобожденные пленники сидели в просторной горнице за широким дубовым столом и жадно уплетали найденные в усадьбы Фавнира припасы. Среди прочих был и тот старик, что в подземелье посулил Эйнару быструю смерть. Спрятавшись в самый темный угол, он подслеповато шурился, как крот, и ровным счетом ничего не видел, только лишь улыбался голыми деснами, да прислушивался к общему разговору, все никак не веря своему счастью.

Сигмар, Эйнар и Эммульд облачились в доспехи и заняли место во главе стола. Решение судеб их самих, бывших пленников, да и самого этого страшного места теперь зависело от этих троих.

— Я считаю нужным спалить это место к чертям, схватить этого червяка, и на корабле двинуться в Сураву. Меня там признают, а уж о вас я позабочусь, друзья. Мое слово дорогого стоит! — грохнув кулаком по столу, потянулся к меху с вином виконт.

— Премного тебе благодарны, мой старый друг, но у нас есть кое-какие дела в Старгороде, плакали наши головушки, коли не окажемся мы там до новой луны, да и этих мы куда денем, — переглянувшись с товарищем, ответил Эйнар.

— А тебе о них что за забота? Вонючие смерды, пусть благодарят, что не взял я их себе

крепостными, как законную добычу.

За столом воцарилось молчание, все уставились на Эммульда, а один из пленников, кряжистый мужик, бывалого вида, отерев бороду, незаметно ухватил со стола нож и спрятал его в рукаве.

— Эрма! — вновь не своим голосом кинул Сигмар внезапно всплывшее в голове слово в сторону мужика. Тот, побелев лицом, завалился со скамьи наземь.

— Еще один колдун, черти вас раздери. Орден даром ест свой хлеб, — непонятно чему рассмеялся виконт и снова приложился к бурдюку.

Сигмар, решив позже обдумать свои неожиданно открывшиеся способности, оглядел насторожившихся людей.

— Никто не собирается вас холопить. Но и взять с собой не получится, этот пес брешет, что ялик на пятерых, да и то да краев. Так что, думайте, люд честной, как вам быть.

— А мы уж обговорили все, дозволю нам остаться, не жги усадьбу, обживем здесь все, деревеньку поднимем. Леса сведем, да земли распашем. Идола это проклятого в реку сбросим, вот уж заживем тогда.

Эйнар усмехнулся:

— Ну а как старые хозяева вернутся, чем потчевать их будете?

— Найдется железа в закромах, а ежели нет, то и дубиной можно, — подал голос мужик, наказанный Сигмаром. Он уже отошел от удара и, хотя был еще бледен, говорил уверенно, с чувством.

— А ты чьих будешь. Не от сохи тебя демоны схватили, я чую, — с ехидцей осведомился Эммульд.

— Десятник Свермир, из войска виконта Стерра.

— Так он Сураву держит, не хочешь разве помочь своему сюзерену?

— Сквозь кольцо ваших войск в осажденный город? Нет, господин, видно судьба моя жить здесь. Хранил меня Незримый от смерти на стенах, спас и от тьмы, и от этих отродий недаром, давно я уже хотел на покой, вот и получил.

— И места проклятого не побоитесь? — подначил мужика Северин.

— Так нет больше демона, вашими стараниями, господин, теперь нечего и бояться. А уж с людьми мы управимся как-нибудь.

— Ну что ж, пусть живут, верно? — взглянул солдат на своих соратников.

Виконт, просто махнул рукой, гулко глотая вино из бурдюка, а Эйнар ограничился лаконичным:

— Пускай.

— Ну а идола мы заберем с собой, негоже его в реку бросать, кто знает, что он умеет, отравит воды, и сами же взвоете. Мы заберем его с собой, чтобы отдать Храму. Иерархи точно знают, что делать с этакой нечистью.

На этом их пир закончился, и Эйнар с Северином, прихватив с собой службу, отправились готовить ялик к отплытию, собирать припасы в дорогу, и, в первую очередь, погрузить идол Жнеца на корабль.

Солнце поднималось все выше, однако заколдованный лес был храним от ярких лучей светила. Низкие, серые облака, казалось, нависая прямо над макушками елей, окутывали небо до горизонта.

— Вроде и день уж, а все одно как-то темно, — подметил контрабандист.

— Как в Белой речке, помнишь?

— Бр, такое забудешь, — поежился Эйнар, — я тебе вот, что скажу. Немало я повидал на своей службе, но по сию пору оно все казалось мне зыбким, ненастоящим. Нет, конечно, подобные этим ребята проливали обычную, людскую кровь. Но не верилось мне, что каменюка может давать такую власть.

— Дело ведь не в самом идоле, вот возьми послание Атмара. Кусок бумаги — не больше, а целый город спалили дотла.

— А, ты о Боровом, понятно все, да. Но, то людское, а это... Бесовщина какая-то, тьфу.

Так за разговорами компаньоны быстро пересекли Лобное место — мертвую землю, где даже трава росла чахлой и неживой, пробиваясь островками там и сям.

Наконец, настал момент, ради которого они прошли сквозь огонь и воду. В тусклых лучах утонувшего в пелене туч светила они увидели идол Жнеца. Каменное изваяние возвышалось над компаньонами, укрепленное на покрытом сизовато-зеленым мхом постаменте. Обсидиановый серп статуи слегка поблескивал своей угольно-черной гладкостью. Глубоко утонувший в складках каменной накидки череп радостно скалился, словно бы радуясь судьбе своих несчастных жертв.

— И как же нам его стащ... Ох, черт! — едва успел отпрыгнуть в сторону Эйнар, от падающей на голову махины.

С гулким грохотом идол упал на землю перед товарищами, выбив пыль из утоптанной, пересохшей земли.

— Вот и ответ, — подметил Северин, прикидывая как им дотащить статую, весом никак не меньше центнера, до корабля, — Эй, Фурмин, хватайся за тот конец. Я за верх ухвачу. Эйнар, подсобишь посередке?

— Хорошо, — согласился контрабандист и, поплевав на руки, добавил, — ну, раз-два, взяли!

Чертыхаясь и переругиваясь, компаньоны со своей тяжелой ношей, все же достигли пристани. Загрузив изваяние в ял, они надежно завернули его в кусок просмоленной ткани, для верности обвязав веревками сверху и снизу.

— Ууф, дотащили, — перегнувшись через борт и зачерпнув пригоршню речной водицы, утер лицо Эйнар, — слушай, друже, пока сидим-передыхаем, может, расскажешь, кто тебя надоумил, как с нечистью бороться?

— Отчего ж не рассказать, — утирая лоб рукавом, согласился солдат, — когда тебя увели, я остался один. Сижу, жду, не знаю долго ли, коротко ли. Уж и свет в лампе погас. Темно вокруг и ни зги не видно. Тут слышу, зовет меня будто кто, прямо над головой. Поднимаюсь я значит, а перед лицом, словно облачко светится. Сунулся я туда и вижу, ба, колдун княжеский на меня смотрит и смеется. Что, говорит, попал как кур во щи. И посерьезнел, слушай внимательно и запоминай, приказал, а после начал мне Ярунову волшебю объяснять от и до. Что сказать, как сказать, да о чем подумать при этом.

— А ты это вот так прямо все и запомнил до единого словечка?

— Жить то хочется, — пожал плечами Северин и потянулся за борт.

— Что есть, то есть. Ну а ты, неряха, как попал к демону в услужение?

До того молчавший Фурмин вскинулся.

— Ох, господин, кабы знал я, что будет, так никогда не связался.

— Ты тут хвостом не верти, я о другом спрашиваю.

— Сейчас, сейчас. Все расскажу. Имелась у меня лавчонка в Сураве, торговал всякой всячиной, правда был грех, не скрою, не всегда те вещички, что мне приносили, с хозяевами

своими по доброй воле расставались.

— Вот, я смотрю, рожа у тебя знакомая. Ты то меня не приметил, а мне про тебя знающие люди давненько рассказывали, мол, есть такой, Ханмуд, скупщик краденого, и разжиться у него можно товаром, что не во всякой лавке сыщешь, да и продать ему, что не во всякой лавке купят.

— Лучше и не скажешь, господин. Да, так я и звался, но вам честно сказал, как есть правдивое имя свое, — вдруг испуганно поглядел на Сигмара бородач.

Солдат, усмехнувшись, кивнул, и Фурмин продолжил.

— И вот, в одну из ночей, сижу я, как сейчас помню, сапоги чиню. Слышу — стук в дверь. Открываю. А там мужик стоит, темнее, чем тьма вокруг. Есть, говорит, у меня для тебя товар, человек. Выйди, посмотри. Ну, я своего не упущу, выскочил тут же, сунул руку в мешки, а там чего только нет: и парча, и атлас, и бронь кой-какая имелась. Сторговались мы с ним полюбовно. Часть взял деньгами, часть вещичками нужными.

— И ничего-то тебя тогда не смутило? — перебил рассказчика Сигмар.

— Ох, признаться, я столь рад был прибытку, так о другом и думать не мог тогда. Хотя бросилось мне в глаза, что бронь будто зверь рассек лапой. Не встречал я ни оружия, ни животного такого, что могло бы так кольчугу вспороть. Но где уж мне было об этом страдать, когда с одного дела я талеров пять барыша поднял.

Так и стали мы с ним оптяпывать дела помаленьку. То одно, то другое принесет. И каждый раз ночью являлся, нетопырь. Мелькали у меня мыслишки иной раз по этому поводу, но я не из самых суеверных был. И вот единожды явился ко мне этот демон в своем настоящем виде. Я чуть штаны тогда не обмочил от испуга, он тут же в людское обличье перекинулся и говорит: «Понравился ты мне, человек — расторопный, ушлый. Как раз как нам нужен. Незримому требы не бьешь к тому же. Надоело мне уже мирские дела улаживать, теперь ты будешь этим заниматься. Раздобудешь лодку и явишься к нам. Не сумеешь — разорву». И так спокойно он это сказал, ровно на торг пообещал свозить в соседнюю деревню. После такого отказываться мне не с руки было. Купил я вот этот ялик у торговцев на пристани и двинулся в путь.

— Так ты же пути не ведал, иль наугад попер? — резонно задался вопросом Эйнар.

— Прежде как испариться тот демон на меня печать наложил. Иначе в жизни бы мне не добратся до этого места, хоть сто раз через границу тайную пройди, а все равно без печати выйдешь с обратной стороны в лес. И не заметишь ничего, не увидеть. Разве только тебя самого увидят изнутри, да пригласят внутрь. Себе на потеху, а тебе на горе. В общем, дорога мне открылась, и стал я служить проклятому, припасы возить его людям, которые еще не обратились, за пленниками приглядывать, да в мир ходить с товаром.

— Нравилась тебе служба, как я заметил. Не увидел я совести в твоих глазах, когда ты меня к Фавниру волочил, — заметил Северин.

— Да разве ж мог я душу свою показать, когда самые мысли свои приходилось прятать. Проклятый любому мог в голову влезть, и горе тогда было, коль он увидел такое, что ему не по нраву пришлось.

— Вот как, значит ты жертва, а не мучитель, — прицокнул языком Сигмар.

— Воля ваша, господин, верить или нет, но клянусь Незримым, я сказал вам истинную правду.

— А мне плевать, что ты нам тут заливал. Главное, чтобы память твоя не подвела и мы не дальше, чем через седмицу оказались у Суравы.

— Будем! Будем обязательно, я ведь весь путь помню, каждую протоку, каждый кустик, — всматриваясь в глаза Северину, рассыпал горстью слова Фурмин.

— Каков молодец, — хлопнул со всего маху по плечу служку Эйнар, — теперь выбирай, под которым тебе лежать будет спокойнее.

Сигмар переглянулся с товарищем, и они грохнули смехом на всю округу, распугав мелких рыбешек, неизвестно почему сгрудившихся возле яла. Потом, прихватив с собой посеревшего Фурмина, компаньоны отправились в сторону усадьбы.

— Эй, ежели кто хоть сетт взял, то на себя пеняйте. Вон, колдун идет, он любому в башку влезет, — разглагольствовал над кучей сваленных вещей Эммульд.

Подойдя ближе, Сигмар разглядел среди кучи бурдюков, мешков и туесков развязанную мошну, в которой поблескивали серебром монеты.

— Глядите, друзья, смерды бесовскую казну откопали.

— Мы вас в дорогу собирали, и малец наш этот мешок заметил, глянули мы, что внутри и честь по чести к вам понесли, даже не считали сколь там, — метнув в сторону виконта полный злобы взгляд, обратился к компаньонам Свермир.

Эйнар крикнул, подошел к мошне, и, ухватившись за нее, сноровисто взвесил рукой, прикидывая что-то в уме. Пару раз хмыкнув, и, почесав в затылке, контрабандист обвел всех взглядом.

— Ну, думаю, делить надо, так чтоб не обидеть никого. Постелите-ка здесь тряпицу, ага. И вот так, — контрабандист рассыпал на расстеленную дерюжку четыре ровных кучки монет. Одну он сгреб своей огромной пятерней и ссыпал звякнувшие серебряные кружочки в свою мошну.

— Возвращайтесь на место мои дорогие, — виконт также набил свой порожний кожаный кошель деньгами.

Северин колебался, отчего то хотелось поступить по-доброму, поделиться с несчастными жертвами серебром, но здравый смысл вскоре взял верх:

— А жрать ты что будешь, или ты у нас травой питаться приучен? — задал себе мысленно вопрос Сигмар, и, помотав головой, направился в сторону тряпицы.

Еще через пару часов, сборы были завершены, и вся честная компания собралась на потемневших от влаги мостках причала.

— Вот и пора прощаться, товарищи по несчастью. Живите вольно и не поминайте лихом, — попрощался солдат с остающимися в усадьбе людьми.

— Храни вас Незримый, господин. Жизнями нашими мы вам обязаны, всегда вы найдете здесь кров и пищу, покуда живы будем.

— Прощайте, — лаконично обронил Эйнар и полез в ял, где уже разместился виконт, который долгим проводам предпочел здоровый сон. Оглядев остающихся еще раз, Северин спустился в лодку, следом за ним, отвязав ял от причала, забрался и Фурмин. Ухватив из под ног деревянное весло, он сноровисто оттолкнулся от берега и, пошарив под лавками, извлек еще одно весло. Вставив их в уключины, служка поплевал на руки и, глубоко вздохнув, принялся грести. Пустив волну, ялик двинулся вперед, с легким шипением разрезая водную гладь. Течение подхватило лодку, все дальше унося компаньонов от зловещей обители Фавнира.

— Ха, гляди-ка, своего не упустит, — пихнул Эйнар в бок солдата.

— И точно, чует видно, кому быть хозяином ныне, — подметил Северин, глядя на спасенную женщину, которая, пользуясь случаем, как бы невзначай, прижалась всем телом к

Свермиру, — ну да и плевать на нее. Эй, Фурмин, сколько ты говоришь нам плыть?

— Деньков пять-шесть не больше, — угодливо протянул служка, налегая на весла.

— Это хорошо. Ты греби, греби, помни, что жив останешься, только если сообщим, думай сам как нас убедить лучше, — припугнул Фурмина солдат и обратился к Эйнару, — ты не против дружбе, если я вздремну часок. Уж больно сладко виконт похрапывает.

— Отдохни малость, потом поменяемся, — согласился контрабандист.

Сигмар, схватил грубый, шерстяной плащ, прихваченный хозяйственным Эйнаром из усадьбы и, закутавшись в него с головой, развалился на лавке. Контрабандист же углубился в свои думы, не забывая при этом поглядывать по сторонам.

Река несла их мимо раскидистых елей, прижавшихся друг к другу темно-зеленой хвоей. Местами обвалившийся песчаный берег обнажал их сплетавшиеся корни. Складывалось ощущение, что ялик с двух сторон окружала приземистая, но непроходимая стена. Однако лес был безмолвен и мертв, слышались мерный плеск весел, плавное течение воды и тяжелое дыхание Фурмина, но только не пение птиц или крик дикого зверя.

— И словно бы все живое удрало отсюда куда-подальше, — пробормотал Эйнар в такт своим мыслям, — далеко еще до границы? — обратился он к служке.

— Не так уж, вы ее сразу заметите, господин, не прогадаете, — криво ухмыльнулся Фурмин.

Служка не соврал, и вскоре ялик со всех сторон окутал молочно-белый туман, стелющийся над водной гладью.

— Мы совсем рядом, — оповестил контрабандиста Фурмин, продолжая мерно грести веслами.

— Понял уже, не заплутаешь здесь? Может головню зажечь тебе?

— Не беспокойтесь, господин, я знаю путь.

— Молодец, а ну повернись, да толкни Сигма, — прервался здоровяк на полуслове, внезапно потеряв сознание.

* * *

Пронизывающий до костей холод вырвал Сигмара из объятий сна. Он открыл глаза, стянул грубую ткань плаща с головы и приподнялся на скамье. Щеки тут же защипало морозцем, а из носа разнеслись вокруг клубы пара.

— Черт, не может быть, наверное, я еще сплю, — безрезультатно щипая себя за локоть, вслух посетовал Северин.

Вокруг, насколько хватало глаз, расстелилась совершенно плоская равнина, занесенная ослепительно белым снегом. Замерзший воздух, казалось бы, звенел от жгучего мороза, стоящего над мертвой долиной. Солдат, не веря увиденному, обернулся к своим товарищам, отчего изумился еще больше. Его спутники застыли, словно статуи, и в неярких лучах скрытого за облаками светила тихонько поблескивали корочкой льда, заковавшего их с головы до пят.

— Перед тобой преддверие моего царства, унылое зрелище, ты не находишь? — негромкий голос раздался рядом с Сигмаром.

Уже знакомое чувство животного страха вновь захлестнуло все существо солдата, как и

при первом появлении Жнеца. Тело не слушалось, руки и ноги обмякли, и оставалось лишь внимательно слушать Владетеля Царства мертвых.

— Разве честно, что правлю я этими бесплодными землями? Кровожадными духами? Швалью и отребьем людским, что прозябает в Мучильнях, да и просто слоняется без дела по моим владениям. Никому не нужные, неприкаянные души маловерных, суетливых глупцов, не сумевших заслужить достойное посмертие. Храбрых, неистовых в битве воинов забирает Одрир, мудрых ученых и ловких мастеров забирает Хемдур, умелых и бесстрашных мореходов забирает Ульдаг, мало-мальски чистые душой люди и те уходят на изумрудно-зеленые, светлые долины и рощи моей сестры Миарры. Им быют требы, их славят повсюду от гор и до моря, среди лесов и в полях, в городах и деревнях. Где-то больше любят одного, где-то другого. Но все, все до единого! Ненавидят, клянут и страшатся меня, безжалостного Жнеца, проклятого собирателя душ, правителя злобных демонов и мучителя рода людского. Будто бы сам я выбрал себе такую участь.

Завершение своей речи Саар-Хе произносил, уже возвышаясь на угольно-черном троне из неизвестного камня. Сигмар стоял перед ним, ощущая себя ничтожной букашкой, над которой уже занес свою ладонь великан, чтобы прихлопнуть. Голос Жнеца громыхал, отражаясь от высоченных сводов и массивных колонн тронной залы. У его ног замерли недвижимыми изваяниями исполинские создания, с ног до головы закованные в вороненые доспехи, сквозь прорези их шлемов клубилась первозданная тьма, напоминая о том, кому служат бесстрашные и, как показалось Северину, неуязвимые воины.

— Взгляни, — перед взглядом солдата одна за другой замелькали картины: прекрасные чертоги, кажущиеся игрушечными с высоты птичьего полета, широкие столы, заставленные изысканными яствами, облаченные в невесомые ткани красавицы, от вида которых невыносимо сладко защемило сердце, серебро и золото, бессчетные богатства и роскошь, невиданная им доселе, такая которую Северин, не мог бы себе представить и в самых смелых мечтах, — все это, да что там, намного больше, все будет твоим. Служи мне истово, Сигмар Северин, не за страх, а за совесть, и тебе позавидует даже алефтарийский василевс.

— Я буду, господин, — преклонив колено, искренне пообещал солдат.

— Да будет так, а теперь возвращайся обратно.

Чувство падения захватило дух, испытав почти физический удар, Сигмар вновь ощутил себя в своем теле. Он открыл глаза и увидел за пеленой тумана Фурмина, отчаянно вцепившегося в ножны контрабандиста. От его яростных попыток достать оружие ял раскачивался на месте, пуская бегущие по водной глади в разные стороны волны.

— Эрма, — вновь хлесткого колдовского слова хватило, чтобы обездвижить противника, который мешком свалился под лавку.

Северин аккуратно перелез через Фурмина и осмотрел закатившего глаза товарища. Тот сидел прямо, словно кол проглотил, часто и едва заметно дышал и никак не реагировал на происходящее вокруг. Солдат перегнулся через борт и, зачерпнув обеими руками ледяной воды, выплеснул ее в лицо Эйнару.

— Что ж ты не оживаешь то никак? — искренне удивился Сигмар.

Хлоп, хлоп. Энергичные шлепки по обеим щекам не принесли ровным счетом никакого результата.

— Ох, я дурак, — ударил себя по лбу солдат, поняв, что может воспользоваться подарком Жнеца.

— Так, и что же делать, ну а если попробовать, — бормоча себе под нос, приставил он

ладони к вискам товарища. Почувствовав заметное покалывание, Северин стал воображать себе, как лилово-сиреневое сияние окутывает руки и протягивается к голове контрабандиста. Внезапно картина прояснилась: от самой макушки Эйнара, колпаком разрослось в разные стороны темно-серое месиво, которое дрогнуло словно живое, почувствовав на себе прикосновение чужой энергии. Солдат мысленно продолжил очищение, вообразив, как сияние превращается во всежигающее пламя. Спустя мгновение, месиво исчезло с громким хлопком, оставив сознание Эйнара. Контрабандист вздрогнул, резко придя в себя.

— Вот сволочь, он, кажется, огрел меня по башке веслом, — схватился своими могучими пятернями за голову Эйнар, одновременно лягнув свернувшегося под его ногами служку.

— Нет, друже, это было очередное колдовство. На наше счастье я научился некоторым штукам. И вот еще, этот пентюх пытался тебя прирезать, пока ты был в отключке.

— И снова я обязан тебе жизнью, спасибо друг.

— Пожалуйста, — оглядел товарища Сигмар, — ты чего-то совсем плох, куда грести дальше тоже неясно, нужно сперва с Фурмином потолковать, так что, я думаю, пристанем к берегу и там разберемся.

— Хоть к черту на рога, друже, — проворчал контрабандист, вылив себе на голову полной мерой студеной водицы.

Северин схватился за весла, огляделся по сторонам, и стал грести в направлении берега. Плескала вода, охал Эйнар, и постанывал, не то притворяясь, не то вправду страдая, Фурмин. Спустя минут десять, корабль мягко воткнулся в илистое дно, дойдя носом чуть не до самой кромки воды.

— Вот уж этому слизню придется попыхтеть, чтоб снять корабль с мели — вскользь подумал Северин и обратился к товарищу, — Эйнар, пошли, мы на месте, даже портки мочить не придется, только прыгнуть посильнее.

— Ох, уф, ну мне кажись полегче, надо еще Эммюльда посмотреть, что-то он и носа не кажет из-под своей рогожи, как бы не помер от колдовства-то.

— Я посмотрю, друже. Вставай, червяк! — вогнал Сигмар носок сапога под ребра служке.

Тот решил не испытывать судьбу, и приподнялся держась одновременно за голову и живот, всем своим видом олицетворяя нечеловеческое страдание.

— Не притворяйся, осел, иначе я сделаю тебе больно по-настоящему. Помоги Эйнару слезть на берег, сбегать не пытайся, все равно поймаю и шкуру спущу, понял? — спокойным тоном отдал указание Фурмину солдат, и аккуратно, стараясь удержать равновесие, полез к виконту. Сигмар застал его в таком же положении что и Эйнара — плотная серо-черная, похожая на слизь масса облепила голову Эммюльда на нефизическом плане. Северин проделал уже знакомые манипуляции с энергиями и виконт ожил:

— Аах, сволочь, что за дрянное винище они там делают. Моя башка сейчас развалится на части.

— Дело не в вине, судя по всему, Фавнир оставил нам последний подарок. Я помогу спуститься на берег.

— Спасибо, колдун, твоя помощь придется весьма кстати, — просипел виконт, и попутчики сошли на землю, обнаружив занимательную картину: пришедший в себя Эйнар деятельно приматывал служку пеньковой веревкой к обломанному стволу ели, обещая при этом все возможные и невозможные на свете пытки. Фурмин трясся мелкой дрожью, плакал

горючими слезами и умолял пощадить его.

— Об одном прошу, друже, не убей его ненароком, он нам еще нужен, чтобы добраться до Суравы, — похлопал контрабандиста по плечу Северин и отправился в лес за валежником.

Вернувшись с полной охапкой хвороста под мышкой и волоча за собой давно уже высохшую елку с голыми ветвями, солдат обнаружил Фурмина, безвольно обмякшего и висящего на путах. Рот служки был заткнут измусоленной тряпкой, а лицо его было основательно разбито — залитое кровью, с набухшими синяками, напрочь закрывшими глаза. Компаньоны же в это время, доставали с яла припасы, громко смеясь и яростно жестикулируя.

Сигмар свалил валежник в кучу, отломал от ели засохшие ветки, набрал щепочек, сухой еловой хвои и прочего горючего сора. Сварганив на скорую руку костерок, солдат достал кресало и, через пару минут перед ним уже весело полыхало рыжее пламя, объявшее еловые сучья.

— Огня нам добыл, молодец, — похвалил его вернувшийся от корабля с провизией Эйнар, — надо бы подкрепиться горячим, да двигать дальше. Эммульд сейчас вина и воды нам притащит, кашеварить я буду, если не возражаешь.

Сигмар помотал головой:

— Нет, конечно, я пойду пока нашего пленника приведу в порядок, все-таки он еще нужен нам, черт нестриженный.

— Да, пожалуй мы немного перестарались, ты глянь, может поколдуешь над ним, — смущенно произнес контрабандист, почесывая затылок.

— И рад бы, да только не на добро мой дар предназначен, покуда только боль причинить, да обездвижить получалось, не знаю, попробую, конечно, но не обещаю.

— Попробуй, друже, не помер бы пленник то наш, иначе долго плутать придется по лесным протокам.

Северин кивнул и начал подыматься, зажмурившись от едкого дыма, брошенного в лицо внезапным порывом ветра.

— Ах ты ж, зараза, — вытер выступившие слезы солдат и направился к служке.

Бегло осмотрев его, Сигмар принялся отвязывать веревку от обломанного елового ствола.

— Пофадите меня, гофподин, — зашамкал очнувшийся Фурмин.

Северин внезапно рассмеялся, глядя на потуги пленника выторговать себе жизнь.

— Что Фурмин, тебя никак пчелы покусали, гляди как рожа распухла, — прыснул себе под нос солдат, освободив пленника от пут.

Служка едва стоял на ногах, глядя на веселящегося врага. Он лишь обливался горючими слезами, которые обильно стекали на клочковатую бороду, смешиваясь с уже запекшейся кровью.

Солдат, отсмеявшись, подтолкнул пленника в сторону реки:

— Иди давай, умойся. А что до твоей просьбы, то не собирался тебя никто убивать, так страшали немного, так что сам виноват, нечего нападать было и про границу надо было предупредить.

— Надо было, да. Профтите великодушно, — взмолился Фурмин, уставившись на Северина узкими щелочками заплывших от ударов глаз.

— Да, да, умолкни только, и дуй к реке.

Поддавшись чувствительному тычку в бок, служка поковылял к воде, по широкой дуге обойдя своих мучителей, которые сгрудились возле костра.

Через полчаса весь отряд, рассевшись вокруг потрескивающего, тлеющего бревна, жадно уплетал походный обед. Северин старательно черпал упревшую кашу, заедая ее черствым ломтем хлеба, который казался ему вкуснее любых пирожных.

— Аах, от и набили брюхо, — бросил пустую деревянную миску на траву виконт и приложился к бурдюку, где булькала смешанная с вином вода, — дале, я мыслю, до ночи поплывем?

— Пожалуй так, нам чем быстрее, тем лучше, — с набитым ртом отозвался Эйнар.

— И на кого вы работаете, друже, я не пойму. На храмовников или на князя? О тебе многое рассказывают, не знаешь чему и верить.

— Я на Никифора, он храмовником оказался, — не моргнув глазом соврал контрабандист, кивнув на компаньона.

— Вот значит, откуда твои умения, брат как тебя там, — ухмыльнулся Эммульд, — всегда знал, что вы, святоши, ничуть не лучше тех, кого на костры отправляете.

— Нашей рукой водит Незримый, как можем мы противиться его дарам, его милости, которой он озаряет верных рабов своих, — подыграл Эйнару солдат, отчего виконт скривился и выставил вперед обе руки, призывая прекратить.

— Все, все, ни слова больше, брат-рыцарь, мне хватает и проповедей нашего кастеляна в замке.

— Послушай, друже, нам без твоей помощи никак в Старгород не добраться, — начал издали контрабандист, как его перебил виконт.

— А мне думаешь куда надо? Войска на марше, Реймир наверняка рвет и мечет, поди докажи ему, что я не пьяный в таверне валялся, а в плену у нечистого. Так что сперва мы доберемся до войска Флориана, вы поможете мне, и подтвердите историю моему сюзерену, а потом двигайте куда хотите.

— Смотри какой наглый, не успел шкуру спасти, а уже диктует нам что делать, — подумал Северин переглянувшись с товарищем.

Эйнар легонько прикрыл глаза, призывая согласиться, а сам обратился к Эммульду:

— Хорошо, друже, так тому и быть. Но поспешать нам надо, как можем.

— Так чего ж мы тогда тут прохлаждаемся, встаем и отчаливаем, эй ты, — швырнул в Фурмина миску виконт, — приberi тут все, помой да отнеси на ял, и шевелись давай, не то опять с тобой позабавимся.

Служка вскочил и принялся выполнять указание, а компаньоны отправились грузиться на корабль.

Спустя некоторое время все вопросы были улажены, и ялик вновь ходко двигался по водной глади, унося приключенцев все дальше от зловещей обители Фавнира. Над рекой веял свежий ветер, и озябший солдат плотнее закутался в свой шерстяной плащ. Он глядел на веером расходящиеся от носа корабля волны и размышлял о грядущих вызовах. Временами сердце захватывало трепещущее, словно бы щекочущее чувство предвкушения, а временами душа уходила в пятки от страха.

— И где же правда, ведь он сказал, что не сам выбрал себе такую участь. Я вот тоже сейчас не по своей воле оказался в этом мире, а никуда не деться. Это будет и честно и правильно ему помочь, — убеждал себя Северин, тут же мысленно одергивая, — Ха, ты так размышляешь, словно бы у тебя есть выбор, ты избран, а значит, уже несвободен. Пойди

наперекор и мгновенно окажешься уничтожен. Кто ты против такого могущества? Червь, букашка, если не хуже.

Сигмар вздохнул, и понурил голову, в которой бурлили совсем невеселые мысли:

— У него то сил и власти хоть отбавляй, это так, но, подумай хорошенько, Северцев, что тогда можно сказать о его врагах. Он задумал тягаться со всеми властелинами этого мира, причем не земными князьями и герцогами, а с самими небожителями. И ты вместе с ним, но он бессмертный владыка тьмы, повелитель легионов мрака, а ты всего лишь букашка.

— Не сомневайся, человек, иногда сорвавшийся камешек вызывает обвал, который погребает под собой целый город. Пусть его сила невелика, главное, чтобы он оказался в нужное время и в нужном месте. Помни об этом, и помни о награде, что тебя ждет, ты не пожалеешь, Сигмар Северин, — раздался в голове рокочущий чужой голос, солдат вскинулся и помотал головой, пытаясь отогнать наваждение.

Обтерев лицо холодной речной водой, пахнувшей тиной, Сигмар достал из-за пазухи бурдюк и, отвинтив пробку, приложился к нему, гулко глотая неразбавленное вино. Спустя минуту хмель пронесся по сосудам тела и мягко окутал сознание, отчего стало немного теплее и спокойнее. Северин отпил еще пару глотков, закрыл бурдюк, и, сплюнув в воду, чертыхнулся:

— Ну и черт с ним, будь, что будет. Надо действовать, а не размышлять и плакаться над своей судьбой. В конце концов, если все выгорит, то... Я и об этом-то мечтать не мог, что уже имею, а об обещанном Жнецом и говорить нечего. Вперед, товарищ Северцев, вас ждут великие дела.

— Эй, брат-рыцарь, не слыхал ты историю о том, как толстый приор на свинье прокатился? — услышал Сигмар окрик виконта.

Солдат развернулся, и, усевшись поудобнее, ответил:

— Не привел Незримый покуда, а что, веселая история?

— Веселая, веселая, тебе понравится, — засмеялся Эммульд и принялся повествовать.

А река тем временем несла их вперед к цели, мимо проплывали деревья и пригорки. Все шло по плану, Фурмин уверенно вел ялик по лесным протокам, и к исходу четвертого дня они оказалась на стремнине самого Сирта. Места вокруг были обжитые, и служка предупредил, что есть возможность разместиться на постой не в лесу, а в небольшом трактире, который притулился возле самой реки. Хозяин трактира наладил довольно широкий причал, чтобы проплывавшие купцы могли пришвартоваться и остановиться у него на ночь.

Ближе к вечеру, по правому борту ялика, спереди, показалось невысокое одноэтажное строение с покрытой дранкой двухскатной крышей. С вершины кровли глядел на прибывающих гостей выдавший виды резной конек. Узкие окна, больше похожие на бойницы, были наглухо закрыты ставнями, отчего становилось непонятно, есть ли внутри хоть кто-то живой. Позади трактира, вплотную подступая к нему, высился зеленой стеной густой лес, а чуть ближе к реке притулились стойло для лошадей и небольшая банька, которая, судя по отсутствию печной трубы, топилась по-черному.

Поняв общее настроение, служка подналег на весла, и вскоре ялик оказался у небольшой пристани. Глухо стукнула об оструганный деревянный столбик причала вымокшая веревочная петля, поднатужившись, Фурмин затянул канат и аккуратно сложил весла под лавку, ожидая дальнейших указаний.

— Пожалуй, здесь ваши стоят. Эммульд, как мыслишь? — немного подумав, обратился

к товарищу Эйнар.

— Пожалуй, что так. А может и старгородцы шалят в округе, кто знает — озадаченно почесал затылок виконт.

— Нда, и не видать отсюда ни черта. Хоть и лодок не стоит, поди знай, может по суше к нему полон дом гостей набился.

— А время нынче такое, что гости все поголовно с оружием ходят и не меньше чем десятком рыл.

— Все так, спору нет, а ты что думаешь, друже? — повернулся к Северину контрабандист.

— Я думаю, никому из нас не с руки будет в трактир топать, не зная наперед, кто там на постое сегодня. Так что, Фурмин, придется тебе идти, тем более, что хозяина ты знаешь. Но помни, я все время рядом буду, даже ближе, чем рядом, вздумаешь какие-нибудь пакости учинить, тут же сердечко прихватит и пикнуть не успеешь, как окажешься с Фавниром по одну сторону, — быстро приняв решение, напутствовал Сигмар служку.

Тот оглядел угрюмые физиономии своих спутников, быстро-быстро закивал и с кряхтением полез на мостки. Вернулся он довольно скоро и затараторил:

— Все узнал, как вы велели, господин. Трактир пустует, все разбежались от войны куда глаза глядят. Флорианцы под Суравой, а старгородцы и вовсе черт знает где. Свейн на радостях, что хоть кто-то у него гостить останется, собирается десяток перепелов зажарить да целую кабанью ногу.

— О, то дело! — нетерпеливо хлопнул себя ладонями по коленям виконт.

— Ничего подозрительного не заметил? — пытливо уставился на служку контрабандист.

— Заметил, заметил, все обскажу сейчас, вот только помочь мне надо, оттащить одну вещь. Бревно одно там упало, Свейн попросил убрать, иначе...

— Ты сдурел что ли, смерд — недоуменно перебил его Эммульд, — может я вместо тебя буду теперь слугой?

— Нет, господин, не подумайте плохого, очень уж тяжелая вещь, сам не справлюсь, а уважить Свейна бы стоило, глядишь, он нам и подскажет чего.

— Ладно, чертяка, помогу тебе, а ну, дай руку, — поднялся со своего места и, аккуратно переступая по раскачивающемуся ялу, полез к мосткам Северин.

Едва они сошли на берег и отделились достаточно от судна, как служка, кинув быстрый взгляд через плечо, приглушенно заговорил:

— Храмовники были здесь, из самого Ордена, и плевать им на войну, на битвы, они везде свои — что у Атмара, что у Флориана.

— Так, и чего им было надо? — заинтересовался Северин.

— Вас двоих, один здоровый, можно сказать толстоват, прозванием Эйнар, и его товарищ, моложе годами да повыше ростом, зовется Сигмар.

— Вот те раз, а за что ищут, не сказал тебе трактирщик? — нахмурился солдат.

— Нет, об этом молчком, но взялись крепко, как видно, все пути оседлали, святоши, — развел руками служка, — и награду обещают большую, цельных 50 талеров за обоих.

— Ого, неслабо они нас оценили. Молодец, все правильно сделал, что при виконте не проболтался, он-то думает, что я из этих самых, кто на нас охоту начал. Знать бы еще из-за чего.

— Я трактирщику уж сказал, что трое нас и один лодку стеречь останется, —

вопросительно посмотрел на солдата Фурмин.

— Все верно, котелок варит у тебя, будешь таким же расторопным, обещаю — отпустим тебя на все четыре стороны. Слушай, может ты и бревно какое подсмотрел, чтоб утащить нам, иначе почует неладное Эммульд?

— А как же, — усмехнулся служка, — идемте за мной, господин.

Через пяток минут раскрасневшиеся и немного запыхавшиеся солдат со служкой вернулись к своим спутникам.

— Нельзя нам в трактир, друже, — сходу начал свою басню Северин, — бродит тут неподалеку отряд старгородцев, то ли недобитки после Зеленых холмов остались, то ли специально по нашу душу их Атмар отправил. Однако ж не раз побывали они в трактире да еще наведать обещались и каждый раз про нас с тобой речь вели, не проходили ли мимо, нет ли слухов о нас.

— Тьфу, что за чертовщина, уж Атмар должен знать, тем более... — сплюнул в воду Эйнар от досады.

— Так или иначе, придется нам ночевать тут, в ялике, Фурмин притащит еды, он трактирщику наплел, что здесь один человек останется за товаром смотреть.

— Приятно оставаться, друзья, а я полез наверх, у меня эта промозглая сырость в печенках уже сидит, — недолго думая, попрощался Эммульд, взобравшись на мостки и скорым шагом направившись в трактир.

За ним, получив немое согласие Сигмара, посеменил служка, и компаньоны остались вдвоем.

— Всю правду я тебе сказал, кроме одной вещи — не старгородцы нас искали, а храмовники, по виду из Ордена. За что и почему не сказывают, но награду за наши головы обещают солидную.

— Ох, как будто мало нам флорианцев, теперь еще сложнее будет добраться до стольного града. Хотя, постой, ищут-то они двоих?

— Ага, один в годах, другой помоложе, Эйнар и Сигмар.

— Тогда есть шанс, — потер руки контрабандист, — ищут двух старгородцев и ищут, скорее всего, вокруг Суравы, а нас четверо, и мы вроде как свита не последнего из флорианцев, так что минуем границы маркграфства и поминай как звали.

— Звучит неплохо, главное, чтобы Эммульд не подвел, очень уж своевольный нрав у него.

— Я смотрю за ним, не волнуйся, и еще, ни к какому Реймиру мы не собираемся, так что подберемся к Старгороду, будь готов, виконт — знатный рубака, и вдвоем можем не одолеть, уж постарайся его магией вдарить.

— Хорошо, Эйнар, я буду настороже, — кивнул солдат и тут же подметил, углядев Фурмина, несущегося к ним с кувшином и объемистым свертком, — а вот и пленник наш, никак харчи нам тащит.

— Славное дело, у меня уже с голоду кажется дыра в животе образовалась, даже посвистывает немного, — усмехнулся Эйнар.

— И у меня, друже, брюхо разговаривать вздумало, бур да бур, подавай, говорит, Фурмин, мне вина да мяса жареного побольше, — подшутил над подошедшим служкой солдат.

— Чегой, господин, не понял я вас немножко? — недоуменно переспросил Фурмин, до слез рассмешив своих спутников. Помявшись немного в смятении, он несмело улыбнулся

сам.

— Кстати, друже, это ведь пленник наш все придумал, как нам про засаду рассказать, так чтоб Эммульд не догадался.

— Молодец, хвалю, — хлопнул по плечу Фурмина контрабандист, яростно вгрызаясь в запеченную в печи ножку тетерева.

— Я и ишшо одну вещичку знаю, которую вам услышать интерес будет, — посулил довольно надувший щеки служка.

— Так рассказывай, не тяни, — ответил нетерпеливо Северин.

Воровато оглянувшись, Фурмин склонился к компаньонам:

— Молва давненько о вас зашла. Кхе. Чертов Фавнир сам не свой тогда ходил, хоть и нежить. Мне многого ведь не сказывали, не свой я им был, так слуга безмолвный, человечиска.

— Ты заплачь еще тут, — хмыкнул Эйнар.

Искоса глянув на контрабандиста, Фурмин продолжил:

— Ага, но был там один, Йонс, его имя. Все уж знали, что недолог его срок людской, до новой луны, не боле. И столько в нем радости было, что почет ему оказывают да в Братство принимают. Охох. Ан сболтнуть-то и некому. Вот он и со мной гутарил. Оттого и знаю я, что попервам боялись вас, проклятый упредил Фавнира, что по его душу идут, но видать возгордился он, али еще чего произошло, но сорвались как-то ночью чуть не все Братство в бой. Один Фавнир остался. Не мог он дальше границы выйти.

— Какой еще границы? — задался вопросом Северин.

— А и не знаю я, — попросту пожал плечами служка, — не поймешь их, упырей гнусных, но не всегда и не везде могли они пройти. Таак. Потом не знаю я, тому как отправили меня с наказом до Суравы. Сполнить-то не получилось у меня, какой там! Когда эрендальцы под стенами стоят. Пока назад обернулся, там уже и вас застал.

— Да, действительно интересные ты нам вести донес, пожалуй, стоит отпустить тебя на свободу, как доберемся до Старгорода. Как мыслишь, друже? — запивая вином тающую во рту птицу, предложил Сигмар.

Эйнар, прожевал кусок, выкинул кость в реку, и, задумавшись, уставился на затаившего дыхание служку. Спустя мгновение, сыто отрыгнувшись, он вынес вердикт:

— Коли будет таким же расторопным и полезным, то пусть валит куда вздумается.

* * *

Засерело предрассветными сумерками холодное небо, ночь словно бы нехотя отдавала свою власть новому дню. Влажный воздух, выстуженный прохладой осенней ночи, оседал крупными каплями на высокой траве, кустарнике, лошадиной упряжи и пожитках двух дремлющих друг рядом с другом монахов. Тут один из них, широкоплечий, открыл глаза, и, проведя руками по мокрой траве, вытер росой лицо. Он встал, хорошенько потянулся, и, оглядев скрытую сумерками опушку старого елового леса, обернулся к своему спутнику.

— Просыпайся, брат Земульт, настала пора, — мягко потрепал он монаха своей огромной ладонью.

— Да, брат Виллегер, уже встаю, — мгновенно сбросил сонное оцепенение монах и поднялся на ноги.

И тут же они споро пошагали в сторону опушки, сминая сапогами высокую траву. Полы их мешковатых одеяний из грубого сукна быстро промокли, однако монахи не обращали ни малейшего внимания на неудобства.

— Смотри внимательно, защитник Веры, Незримый одаряет своих верных рабов множеством способностей, дабы могли мы противостоять порождениям тьмы, детям ночи и зла. Ответь мне, что я должен сделать сперва?

— Произнести гимны Великой Матери, покровительницы всего живого, что только рождается в этом мире.

— Правильно, ты должен испросить ее благословения, чтобы всякий зверь, всякая птица стали помогать тебе. Потом представь того, кто тебе нужен, и призови его, вот так... — договорив Виллегер оборотился в сторону леса и часто заухал словно филин.

Вскоре из чащобы послышалось ответное уханье хищной птицы. Спустя немного времени, на крепкую перчатку из толстой кожи, явившись внезапно, подобно призраку, спланировала круглоголовая серая птица. Она любопытно вертела головой в разные стороны, оглядывая монахов. В это время Виллегер зашептал свои таинственные молитвы, отчего самый воздух вокруг словно бы зазвенел. Между птицей и монахом протянулся тоненький, искрящийся мостик, тут, внезапно, филин расправил крылья и, громко ухнув, растворился в сумерках.

Земульт, звавшийся в миру Яруном, подступил к своему товарищу, который застыл как истукан, закатив глаза. Однако помощь не понадобилась, с первыми рассветными лучами Виллегер вернулся обратно.

— Ох и прыткие эти ребята, — утратив возвышенную торжественность речи, поведал монах, — свистнули статую Жнеца и растворились в лесах. Ни следа, ни намека. Словно бы сам Проклятый их ведет и оберегает.

— Значит, Сеерхалле существует?

— Существовало, скорее. Раз я сумел его разглядеть, значит Фавнир мертв, пелена спала, а колдовство рассеялось, и навряд ли Жнец допустил это просто так, не разменяв своего адепта на нечто большее.

— Дела, — вздохнув, пригладил Ярун свою огненно-рыжую бороду, — и что же мы теперь будем делать?

— Седлать лошадей и мчаться в Сураву, цель этих парней — Старгород, отправятся они по реке, иначе статую им не уволочь, и перехватить мы их сможем именно там, если поторопимся, — прытко зашагал Виллегер в сторону их ночной стоянки, добавив озабоченно уже на ходу — и не приведи нам Незримый не успеть это сделать.

Затянутый в плотную стеганку темного сукна воин наблюдал за лениво бегущими водами Сирта. Мучительно борясь с одолевавшей его зевотой и поминутно чертыхаясь, ратник ожидал смены, но время тянулось словно густая, вязкая смола. Солнечные лучи уже изрядно нагрели железо широкополой шапели, отчего голова под крепким кожаным капюшоном нещадно прела, заставляя воина поминать недобрым словом весь мир: от требовательного и охочего до зуботычин десятника до старгородского виконта Стерра, который стойко держал оборону в Сураве и из-за которого приходилось торчать на этом несносном посту. Однако появившаяся на горизонте лодка мгновенно сбила с бедолаги всю сонливость, и он приложил руку к козырьку, вглядываясь вдаль на сверкающие отблески волн могучей реки.

Поначалу небольшой ялик, плавно бороздящий водную гладь, не вызвал тревоги, однако

сверкнувшие сталью доспехи заставили достать арбалет и, вложив в направляющий паз ясеневый болт, натянуть тетиву.

— Это кто тама плывет, а? Ну-ка, назови себя, не то стрельну — осипшим от долгого молчания голосом, прокричал воин, прицелившись в сторону ялика.

— Эй, служивый, ты рот-то пошире раскрой, чтоб самострел легко вошел, который я тебе в пасть запихну, дерьмо собачье! — не замедлил раздаться ответ с корабля.

Ратник ошалело уставился на кричащего, пытаясь разглядеть герб, выведенный эмалью на латном доспехе.

— Черт, кого там несет... Оох, плакала моя головушка, — простонал воин, рассмотрев черный утес на кроваво-красном фоне. Этот герб был известен далеко за пределами Эрендальского герцогства благодаря своему бесшабашному владельцу — искусному фехтовальщику, победителю многих турниров и заядлому поединщику Эммульду.

— Простите великодушно, господин! Побегу доложусь, чтоб вас встретили, — прокричал служивый, ходко двинув в сторону палаток своего отряда.

— Ишь как почесал, только пятки сверкают, — усмехнулся Эйнар и похлопал служку по плечу, — давай причаливай там, где этот олух стоял.

Фурмин кивнул и принялся рулить в сторону берега. Не успели они спрыгнуть на песчаную отмель, как увидели богато разодетого эрендальского вельможу, спешащего к ним навстречу в сопровождении десятка хорошо вооруженных солдат.

— Доброго здравия, Ваша милость. Прошу извинить за небольшой проступок моего воина, он лишь неловко нес службу, но не имел намерения оскорбить или, или... — стал водить ладонями в воздухе вельможа, словно пытаясь поймать ускользнувшее от него слово.

— И тебе доброго здоровья, не мучайся, я понял. Накажешь его сам, чтобы впредь головой думал, а не задницей, — видя, как мнется вельможа, не решаясь продолжить разговор, виконт поторопил его, — смотрю, не все сказал, выкладывай, не тяни!

— Его сиятельство, достопочтенный граф Реймир, справлялся причинах вашего отсутствия в рядах атакующего войска и сказал примерно следующее: «Застанете его в таверне упившимся допьяна или в бардаке с гулящими девками, то не будить, не звать, а подпереть дверь покрепче, да спалить нахрен».

Сигмар едва удержал улыбку, глядя на замешательство, граничащее с легким страхом, одолевшее обычно уверенного в себе, больше того, самодовольного Эммульда. Впрочем виконт быстро оправился и бесшабашно махнул рукой:

— Это просто достопочтенный граф не знает, в какой переделке я побывал и с каким врагом довелось сразиться. Но мои друзья подтвердят ему в точности, как оно было на самом деле.

— Несомненно, Ваша милость, также было велено оказывать вам всякое содействие, какое только возможно. Нужен ли вам иной корабль?

— Да, нужен. Хм, — задумался виконт, — пожалуй лучше всего подойдет быстроходный когг с командой. Думаю, десятка ратников нам хватит. Припасы в дорогу, чтобы хватило до Старгорода, ну и все.

— Будет исполнено в точности, господин.

— Тогда води нас к столу, пока будет снаряжаться корабль. В ял без нашего ведома не лазьте, если вам жизнь дорога. Под рогожей такая вещь лежит, что от одного взгляда в жабу оборотишься, только святошам из Ордена под силу совладать с ворожбой.

— Все понял, воинам накажу держаться подальше, дураков у нас нет, можете быть

спокойны.

— Что ж, молодец, исправно служишь, замолвлю за тебя словечко самому достопочтенному Реймиру, — договорив, вопросительно уставился на вельможу Эммульд.

— Барон Пфюльц, Ваша светлость.

— Угу, барон Пфюльц, — кивнул виконт, повторив имя, чтобы запомнить, и направился за указывающим дорогу вельможей.

К полудню все сборы были завершены и приключенцы взбирались по перекинутым с песчаного берега мосткам на одномачтовый когг. По обоим бортам судна были прикреплены сбитые из толстенных досок круглые щиты, украшенные гербом владельца — барона Пфюльца. Крепкую, дубовую мачту с овальной марсовой площадкой, напоминающей большую корзину, увенчивал покрытый ярко-желтой краской солнечный диск с четырьмя лучами. В отличие от подобных знаков, в превеликом множестве виденных Сигмаром на землях княжества ранее, центральный луч был исполнен в виде трезубца, показывая собой, что владельцы судна среди других воплощений Незримого больше чтут повелителя рек и морей, великого Морехода — Ульдага. Наконец, нос и корма когга были защищены неширокими бойницами с зубчатым ограждением.

— Ладный корабль, — вслух повторил мысли солдата взбирающийся по мосткам Эйнар.

В ответ Сигмар лишь тяжело вздохнул, так как благодаря очередной хитрости своего ушлого товарища он был награжден совершенно внезапным обетом молчания на все пару недель пути до Старгорода. Себя же контрабандист представил как Свейна из ватаги Ормульда, опасаясь глаз и ушей Ордена, которые могли оказаться где угодно. Заодно, руководя погрузкой идола на корабль, Эйнар обставил все так, что они с Северином, можно сказать, случайно помогли могучему Эммульду, который в одиночку перебил целую бандитскую шайку, главным в которой был старый колдун, обращающий в жабу одним своим взглядом.

Поначалу виконт, пришедший послушать, о чем это там громыхает на всю округу его товарищ, откровенно недоумевал, но спустя буквально пяток минут, хвастливая натура Эммульда взяла верх, и рассказ Эйнара дополнился такими цветистыми деталями, что присутствующий при сцене Сигмар только покачивал головой да повторял про себя:

— Ну и врун, и бывают ведь на свете такие.

Так или иначе, но все задачи были решены, и попутный ветер расправил широкий бело-голубой парус когга, заставляя судно набирать ход. Ратники барона держались подальше от трюма, где была заперта завернутая в просмоленную ткань статуя Жнеца, как не донимали и Сигмара, который быстро увалился спать в отведенном им с Эйнаром угле. Перевоплощающийся на ходу контрабандист держался рядом с Эммульдом, который по своему обыкновению закатил гулянку по случаю успешного спасения из логова врага людского. Соглядатаи Ордена в свою очередь безуспешно рыскали по округе, пытаясь отыскать иголку в стогу сена. Хуже всего устроился Фурмин, которого вспылчивый виконт, навешав чувствительных оплеух, бросил в крошечную камору в трюме и запер на засов, велел одному из ратников приглядывать за пленником.

Возвращение в Старгород

Дорога в Старгород показалась Сигмару томительно долгой, может сыграл свою роль неожиданный обет молчания, а может и желание поскорее оказаться на месте. Северин подолгу стоял на палубе, не обращая внимания на занятую своими делами команду корабля, и глядел на плавно бегущие по воде волны, на расстелившиеся до самого горизонта поля, отчасти вытоптанные и выжженные проходящими войсками. Однако, масштабы опустошения были гораздо менее значительными, нежели предполагал увидеть солдат. Многие постройки, встречающиеся на пути были целыми, а деревеньки не разоренными, больше того, в иных местах даже собирали урожай ободренные спокойным отношением эрендальцев крестьяне. Судя по всему Флориан действительно рассматривал эти земли как свои собственные, а потому держал наступающее войско в ежовых рукавицах, не позволяя грабить и жечь безнаказанно. Видел Сигмар и вошедшие в историю Зеленые Холмы, немало подивившись рачительности эрендальцев, разобравших укрепленный лагерь Атмара до последнего колышка. Временами их окрикивали конные разъезды да пытались остановить стерегущие водный путь отряды, но черно-красный герб Эммульда быстро разрешал любые споры и они беспрепятственно мчались вперед к своей цели.

Примерно в двух днях пути от стольного града спокойный, размеренный сон Сигмара был прерван внезапным визитером. Мгновенно проснувшись от сильного толчка в грудь, Северин открыл глаза, застав прямо перед собой светящуюся, полупрозрачную фигуру в знакомой шерстяной робе. Малик, чьи глаза мерцали в темноте подобно кошачьим, начал вещать:

— А ты растешь, юноша, не знаю, право, кто твой учитель и как ты сумел от меня скрыть это... Впрочем всему свое время. В трех верстах отсюда, в укрытии, я буду вас ждать вместе с моими слугами. По правому борту ты увидишь полуобвалившийся, высокий берег, на котором растет раскидистое дерево, частью своими корнями оно повисло в воздухе, так что не перепутаешь. До назначенного места осталось совсем чуть-чуть, поэтому действуйте быстро. Буди Эйнара, перебейте всю команду и причаливайте к берегу, остальное вам объяснит Хенрик.

— Я все видел, — как оказалось Эйнар не спал, и также был свидетелем появления княжеского чародея, — десяток ратников и Эммульд, который сам и двух десятков стоит. Черт возьми, легко сказать, перебейте всех.

— Я не знаю на скольких подействует мое колдовство, пожалуй, лучше будет оставить его на виконта.

— Так, остальных же придется бить по старинке. Что ж, на нашей стороне внезапность и, здесь внизу, темнота, ты как, друже, еще можешь? — осведомился контрабандист о необычных умениях своего товарища.

— Да, тебя сейчас вижу не хуже, чем днем.

— Вот и здорово. Тогда натягивай доспехи и вперед.

— Постой, есть одна мысль, — нас же не двое, есть еще третий, томится, запертый тут же, в трюме.

— Хм, толку от него конечно мало, но хоть отвлечет на себя внимание, пока мы будем остальных успокаивать. На этом и порешим.

Товарищи споро облачились в доспехи и пригнали их по фигуре. Проверили свои

оружие, легко ли достается, нет ли каких других изъянов, и вышли из своей каморы не зажигая огня. Эйнар тут же полез по скрипящей лестнице ведущей из чрева судна на палубу, а Северин направился к запертому Фурмину.

Погруженный во тьму, запыленный трюм полнился отчаянным скрипом досок, из которых был сколочен когг. Ночь и беспрестанная качка убаюкали сладко сопящего воина, который, раскрыв рот, дремал, прислонившись к стенке кубрика. Сигмар, брезгливо покосившись на свисающую изо рта незадачливого охранника нитку слюны, бесшумно обнажил отточенный до бритвенной остроты кинжал. Зайдя чуть сбоку, Северин коршуном набросился на свою жертву. Зажав воину рот, он с силой пронзил тому горло кинжалом, для верности вынув оружие и нанеся еще несколько ударов. Охранник выгнулся дугой и бестолково замахал руками в разные стороны, из поврежденной гортани, расплескивая на одежду бегущую кровь, раздался надсадный свист, растворившийся в шуме волн за бортом и скрипе досок. Через несколько мгновений все было кончено и Сигмар отпустил обмякшего противника. Оглядевшись по сторонам, солдат аккуратно отпер железный засов и открыл дверь, обнаружив жмущегося в углу Фурмина.

— Здорово, косматый, уж не чаял увидеть, а?

— Д-да, господин.

— А все-таки я пришел, обещал же тебе свободу. Ладно, об этом потом, ты, Фурмин, с кинжалом управляться умеешь?

— Доводилось, г-господин, — дрожа всем телом, отвечал пленник.

— Отлично, если правду говоришь. Тут уж сам смотри — не сумеешь выполнить, что скажу сейчас, оба-трое на корм рыбам пойдем. А делать нужно вот что...

Разгоняя пыльный, затхлый воздух кубрика, дородный воин яростно тряс над головой кубышку с игральными костями. Его лицо было усеяно мелкими капельками пота, то ли от старания, то ли от духоты, царящей в трюме, а может и от нешуточного волнения. Где ж это видано, чтобы месячное жалование на третьем кону спустить без остатка? Воин с силой хлопнул деревянной кубышкой по столу, и в ту же секунду распахнулась дверь, в которую кубарем влетел связанный Фурмин.

— Вы чего, ратники, совсем страх потеряли? — требовательно спросил Сигмар, оглядывая троицу, сидевшую за столом, — какого лешего ваш пленник по кораблю шляется?

— Монах заговорил, — икнув, подытожил один из игроков.

— А как иначе, когда я вашего товарища с распоротой глоткой нашел...

— Что? Не может быть, — разом сорвались с места воины.

В это время Фурмин, незаметно скинул мягко скользнувшие по запястьям веревки пут и достал из рукава кинжал. Северин, увидев приготовления пленника, приготовился к бою.

— Хха, — с долгим выдохом метнул Сигмар грузик кистеня в лоб ближайшему воину.

С противным треском проломилась кость, железный шар вошел вместе с плотью внутрь черепа, отчего ратник всплеснул руками и мелко засеменил вбок, а тем временем, Северин, едва отдернув кистень назад, ловким движением ударил сбоку, прямо в висок, ошеломленному товарищу сраженного воина. Одновременно с ним кинулся в бой и Фурмин, яростно набросившийся сзади на третьего, покрыв его спину градом ударов, расцветивших красным полотняную рубаху несчастного. Еще двоих, переполошенных, ничего не соображающих после сна ратников, уложили тут же, даже не запыхавшись.

— Надо же как ловко получилось, — искренне удивился Северин, — повезло не иначе, еще бы так же ладно с Эммульдом все вышло, давай, натягивай их бронь, если найдешь и

полезли наверх.

Сверкнула отполированная до блеска сталь Ярранинга, и солнечный зайчик, умело пущенный виконтом, ослепил Эйнара. Контрабандист тут же вскинул щит, и весьма вовремя, разящее оружие стукнуло по дубовым доскам, оставив глубокую вмятину. Эммульд играл с ним словно кот с мышкой, атаковал из самых немыслимых положений, бил мечом и кинжалом, кружился в вихре обманных движений и финтов, выматывая и без того едва стоящего на ногах контрабандиста.

— Что ж, мой милый друг, я не прощаю предательства, так что...

— Эрма! — раздался на палубе колдовской клич Северина.

Эйнар, не теряя ни единого мгновения, ударил мечом, что есть мочи по неприкрытой шее окаменевшего виконта. Лезвие прошло тело насквозь, быстро вынув клинок, контрабандист долбанул изо всех сил окованным железом краем щита в лоб Эммульда, от чего тот с деревянным стуком повалился на палубу.

Эйнар огляделся по сторонам и застыл в удивлении, увидев Сигмара, рисующего в воздухе таинственные символы мановением руки. С каждым жестом вокруг его кисти все ярче проступала клубящаяся темнота, чернее самой ночи.

— Алеф! — последний взмахом обрушил Сигмар чародейство на своих противников, выстроивших стену щитов, для защиты от земного врага.

Однако их усилия были тщетны, сорвавшийся с места ураган мрака поглотил воинов, обращая их в прах. Рассыпались в щепу крепчайшие дубовые щиты, железо доспехов проржавело за мгновение и развеялось под натиском пущенного чародеем смерча, следом обратились в ничто и сами воины, горстью пыли закружившись в холодном воздухе.

— Одиннадцать — ноль, — усмехнулся Северин.

Эйнар с легкой опаской подошел товарищу:

— Благодарю тебя, друже, коли не твоя помощь, праздновал бы Эммульд очередную победу. На самую малость ты его опередил...

— Да брось ты, делал как уговорились вот и все. О другом жалею, что ж я раньше эти чародейства не пробовал чинить, вот ведь как можно оказывается — парой взмахов четверых здоровых ратников пеплом по ветру развеять.

— Ох, Сигмар, не делал бы ты этого подобру-поздорову, кабы видел ты свое лицо в этот момент... Чую я, что тьма тобой овладевает, борись, друже, иначе сгинешь, — замялся Эйнар, подбирая слова.

— Ты вроде и сам святостью не блещешь, так чего это вдруг проповеди мне читать вздумал, — резко перебил его солдат.

— Ладно, ладно, не горячись, давай лучше думать как бы нам то дерево не прозевать, о котором колдун говорил, — примиряющим тоном ответил Эйнар.

— Небо сереет, сумерки спускаются, надоть причаливать, — подал голос Фурмин.

— Сейчас причалим, ты только сперва дерево высмотри, большое такое, корнями над рекой повисло.

— Так вот же оно, — удивленно выставил заскорузлый палец в сторону берега, где не дальше, чем в тридцати шагах обнажила свои уродливые переплетенные корни старая ива.

— Причаливай, причаливай, — завопил Сигмар своему товарищу.

— Ты якорь кидай скорее, чего застыл! — тут же отдал указание службе мгновенно сориентировавшийся Эйнар, — друже, ты паруса спускай живей, — обратился он затем и к Северину, а сам бросился к рулю.

Ходко бегущий по волнам когг неохотно откликнулся на их действия. Издав протяжный скрип, подобный человеческому стону, корабль постепенно стал замедляться, одновременно смещаясь в сторону берега.

— Ах ты ж черт! — выругался Сигмар, кубарем покотившись по дощатой палубе от внезапного удара — когг со всего маху воткнулся в илистое дно поросшей кустами отмели.

Солдат подобрался и аккуратно приподнялся над бортом. Мельком осмотрев берег, он заметил пять фигур в мешковатых одеяниях, степенно вышагивающих в сторону корабля.

— Эй, все живы? — слышался сдержанный окрик Эйнара.

— Да, все в порядке.

— Все хорошо, господин, — по очереди откликнулись спутники контрабандиста.

— Тогда ты, Фурмин, перекидывай мостки. Спускаемся на землю, — наказал Эйнар службе и чуть позже добавил уже Северину, — колдун кажись идет.

— Да, скорее всего, это он, — кивнул Сигмар.

— Здравы будьте, князьи люди, — поприветствовал сноровисто сбежавших по мосткам компаньонов ожидающий их на берегу Малик.

— Здрав будь, — хором отозвались на приветствие товарищи.

— Молодцы, справились с задачей, хотя и почти безнадежное было ваше дело. Что, Эйнар, чуешь еще холодок кинжала на горле? — усмехнулся Малик, поблескивая глазами в сумерках, сгущающихся над рекой.

В это время к осторожно исподлобья оглядывающему незнакомцев Фурмину подошел один из Молчаливых. Широким жестом он указал службе на корабль, и, едва тот успел обернуться в сторону когга, с размаху ударил дубиной, увенчанной массивным железным набалдашником, по косматому затылку пленника. Фурмин ойкнув повалился наземь, а Молчаливый безэмоционально взмахнул орудием еще несколько раз, разбивая голову несчастного службы в кровавую кашу.

— За что?! — с криком рванулся в сторону разыгравшейся сцены Северин.

— За что? — недоуменно переспросил Малик, нечеловечески изменившись в лице, — ты что же это, щенок, нашел в себе силы перечить?! Эйнар, ужели ты не объяснил ему чем это грозит?

Побледневший Эйнар в ответ лишь лихорадочно кивнул, прикидывая в уме, что теперь с ними будет. На его глазах магический сапфир Малика потемнел, налившись каким-то бурлящим бордово-красным светом полыхающих углей. Колдун словно бы стал выше ростом, раскинув над ними темные крылья своей воли. Камень полыхнул искрами, отдаленно напоминающими сполохи бесчисленных молний, и в сторону Сигмара полетел сгусток нефизического, лилово-красного пламени, разбившийся в мелкие брызги о внезапно выросшую прямо перед Северином стену из переливающегося, клубящегося мрака. Огненные брызги выжгли полосу земли перед стеной, еще один отлетевший сгусток пламени угодил в грудь одного из Молчаливых. С шипением прошив тело насквозь, пламя угасло лишь пролетев еще с полсотни шагов в сторону реки.

— Простите меня, господин, — искренний крик Сигмара остановил колдуна, воздевшего руки для смертельного заклятия, древние слова которого застыли на губах Малика.

— Что ж, быть посему, — внезапно спокойным голосом отвечал колдун, — но из вашей награды я вычту тысячу талеров, вон за него, — указал он на безжизненно рухнувшего на топкую, сырую землю Молчаливого.

— Гляди, гребут без продыха, нелюди, — хрипловатым шепотом произнес закутавшийся в шерстяной плащ Эйнар, кивнув в сторону мешковатых силуэтов без усталости машущих веслами.

— Киборги, — холодно отозвался уставившийся в темноту Сигмар.

— Кто-кто? Это что за слово такое? — подивился контрабандист.

— Снаружи человек, а вместо костей и потрохов железа, магией их оживляют...

— Эвон как, и бывает же... Да, а ты чего не спишь, полуночник? Я чаю рассвет скоро, а ты и глаз не сомкнул.

— Не знаю, не спится что-то, — отделался пустой фразой Сигмар, а перед глазами у него стояло искаженное ненавистью лицо княжеского колдуна, выкрикивающего смертельное проклятие.

Происшествие живо напомнило потерявшему всякую осторожность солдату о хрупкости его положения в этом мире. Колдовской дар ослепил Северина, привыкшего с некоторых пор с легкостью расправляться со своими врагами. Удар Малика заставил опуститься с небес на землю, смертельная опасность разрушила все иллюзии, а грядущие вызовы навевали тяжелые думы. Сумрачные мысли стаями проносились в разуме солдата, причиняя почти физическую боль. Не будет преувеличением сказать, что прошедшая ночь полностью преобразила Сигмара.

К вечеру следующего дня загруженный донельзя ялик оказался у назначенного места. Старенький амбар и лодку Хенрика реквизируют флорианцы, и на месте разобранного строения белел прямоугольник нетронутой солнцем земли. А прямо рядом с ним разместился на постой отряд эрендальской пехоты. Их запыленный, заляпанный комками грязи шатер расположился в полусотне шагов от реки, подобный сотням и сотням своих собратьев, широким кольцом окруживших Старгород со всех сторон. Могучие стены столицы были изъедены выстрелами катапульта и требюшетов, черепичные крыши огромных башен зияли множеством прорех. В нескольких местах крепостные рвы были полузасыпаны наступающим войском, и, судя по разбросанным у стен сотням гниющих тел, дорого заплатившим за свое продвижение. На ничейной земле и совсем рядом с массивными укреплениями возвышались обгоревшие остовы осадных башен, оставленные флорианцами после очередного неудачного приступа.

— А осада то полным ходом идет, — подметил Северин, оглядывая городские предместья.

— И точно, но выкусили пока эрендальцы, и одной брешы в стене не сумели сделать, так погрызли чуток, — с едва заметной гордостью в голосе, откликнулся Эйнар.

Спустившийся за ними колдун хмыкнул, кинув быстрый взгляд на поле битвы, и обернулся, принявшись яростно жестикулировать, отдавая приказы своим безмолвным слугам, спускающим на берег идол Жнеца.

— Совсем уже ум потерял с этой проклятой статуей, — дыхнул контрабандист жарким шепотом в самое ухо Сигмару.

— Помолчи лучше, коли беды не хочешь накликать, — также шепотом отозвался Северин, вспоминая странную реакцию колдуна, впервые увидевшего завернутое в просмоленную ткань изваяние: княжеский чародей пал ниц перед идолом, и, поцеловав проступающий сквозь прорехи темный камень, принялся бормотать таинственные фразы на незнакомом языке. Доведя себя до полного иступления, Малик кинжалом надрезал себе запястье и окропил изваяние льющейся кровью. В конце концов, колдун зарыдал в голос,

обхватив подножие статуи, и провел в таком положении никак не меньше четверти часа.

Помотав головой, чтобы отогнать опасное воспоминание, Сигмар оглядел чародея. Заметив тоненький ручеек энергии, бьющий из магического кристалла, солдат попытался остановить все мысли, сфокусировал все свое внимание на невесомой струйке лилового пламени, тянущейся вверх.

— Ах ты ж, — невольно отступил солдат, когда перед его взглядом внезапно проявилась истинная картина происходящего.

Призрачный мерцающий купол, выстроенный из мириад маленьких паутинок пульсирующей энергии, раскинулся вокруг княжских людей, скрывая их от недоброго взора. Северин, зачарованный увиденным, подошел к самой границе защитных чар. Чуть поодаль, совершенно не обращая на него внимания, занимались повседневными делами флорианцы.

— Эй, дохляк, тащи живее, не то мигом пойдешь на следующий приступ! — прикрикнул на бедолагу, согнувшегося под весом тяжелой бадьи с водой, один из воинов, по-видимому, десятник, в добротном доспехе из вываренной кожи с нашитыми на груди и спине железными пластинами.

— Не, его нельзя вперед пускать, он же всю славу у нас отнимет, — тут же принялся зубоскалить сидящий на неширокой лавчонке воин с неприятным, обветренным лицом.

— Это почему еще? — живо заинтересовался десятник.

— Да как иначе, когда он, завидя битву, тотчас обосрется под стенами. Тут уж старгородцы учуют проказника, да и повалятся все без чувств от такого то гнусного смрада. Вот и бери их голыми руками, даже не пикнут. Да что старгородцы, я сам давеча рядом с ним ночевал, так насилу живой ушел — аж дыхание перехватило от его пердежа!

— Ха, ха, ха, — грохнули смехом на всю округу эрендальские ратники, схватившись за животы и утирая выступившие слезы.

— Так себе шуточка, — мысленно подытожил Северин и направился к контрабандисту, который ожидал его возле распахнутого лаза в подземелье. Двое Молчаливых, судя по всему уже спустились вместе со статуей в катакомбы, и на берегу остался лишь колдун с одним своим слугой.

— Спускайтесь вниз, мне нужно уладить кое-какие дела, — отдал указание компаньонам Малик.

Услышав приказ, товарищи недолго думая по очереди спрыгнули в лаз, прямо на хлюпающую, пропитанную влагой почву. За ними тут же спустился Молчаливый и вручил Сигмару небольшой факел. Держа головню на вытянутой руке, Северин повернул голову и пригляделся в катакомбы, освещаемые пламенем факелов безмолвных слуг колдуна, которые не теряли времени даром и уже ушли достаточно далеко вперед по подземному ходу.

— Вот ведь нелюди, даже не согнутся, а ведь весит ого-го, — пробормотал солдат, увидев, что хитроумной веревочной конструкцией к Молчаливым был привязан идол Жнеца, обернутый тканью.

Скрежетнув огнем высек искру на факел слуга Малика. Терпко пахнущая смола быстро занялась огнем и вспыхнула синевато-желтым трескучим пламенем, осветив земляные стены и потолок, укрепленные добротными деревянными балками.

— Идем уже, идем, — отозвался Эйнар на повелительный жест Молчаливого, подтолкнув Сигмара в спину.

Не прошли они и сотни шагов, как гулко дрогнула почва над головой, заходили ходуном стены подземного хода.

— Что за черт, — выругался Эйнар, вычищая комья земли, щедрой мерой просыпавшиеся на головы товарищей.

— Похоже, мы и близко не представляем себе могущества Малика, — лишь вздохнул в ответ Сигмар, добавив, — пошли вперед, если не хотим его разозлить.

Извилистый путь подземных коридоров вывел княжских людей в Старгород. У самого выхода на поверхность их ожидали всадники из личной дружины Атмара, закованные в броню, собранные и деловитые, они сдержанно поприветствовали колдуна, не обратив никакого внимания на его спутников, помогли погрузить изваяние Жнеца в телегу, накрыв его дерюгой, и, наконец, заторопились в княжеский замок.

— Держите, остановитесь в Бычьем Роге, это письмо передадите хозяину. Ждите там, и за дверь ни шагу. Не я, так храмовники вас найдут, сами решайте, что хуже. — взобравшись на коня, протянул грамоту княжеский чародей и, дождавшись утвердительного ответа компаньонов, присоединился к процессии, направлявшейся в замок Атмара.

* * *

В небольшой комнатухе, надежно укрытой от любопытных взоров постояльцев таверны «Бычий Рог», сидя на приземистой, длинной лавке, уплетали немудреный ужин Эйнар и Сигмар.

— Эх, и по сию пору поверить не могу, что сидим мы с тобой вот так, запросто, живы и здоровы, и никаких колдунов вокруг, — изрядно опустошив глиняную кружку, наполненную разбавленным красным вином, разглагольствовал контрабандист.

— И то, верно, — коротко согласился Северин, черпающий из объемистой глиняной же миски упревшую кашу с редкими прожилками мяса.

— Ведь ты подумай! Каких чудищ живьем видали, да что там, бивали кого: и тварей ночных без счета, и флорианцев, и разбойников каких-то даже зацепили.

— Точно, точно, — забормотал с набитым ртом солдат, рванув в сторону сундука, где кучей были свалены их пожитки.

Достав наружу свою поясную сумку, Сигмар облегченно выдохнул, нащупав знакомый сверток.

— Вот она — наша награда, — развернув ткань, передал Северин добытый в бою изумруд контрабандисту.

Эйнар, довольно усмехнувшись, осмотрел камень, и, приложившись к чарке, подытожил:

— С этим-то богатством нам теперь и на тысячу талеров наплевать, что колдун себе зажилить решил.

— Твоя правда, — благоговейно принял камень, Сигмар, положив его обратно в поясную сумку, и, немного поразмыслив, добавил, — Только огорчу тебя, друже, но рано нам еще праздновать. Сидим тут, без замка запертые, чуть попадемся лазутчикам Ордена тут же и крышка нам, если раньше чародей княжеский до нас не доберется. От войны мы тоже не убежали — город осажден, прорва людей под стенами стоит. Да еще и... Словом, горько, друже, думать о грядущем.

— Хах, а ты и не думай, выпей лучше — усмехнувшись, принялся разливать по кружкам кислое вино из неказистого кувшина контрабандист.

Внезапный порыв ветра растрепал огненно-рыжие пряди волос монаха, стоящего в отдалении от большого походного шатра герцога Флориана. Ярун поднял глаза и увидел, как беспросветный, сплошной вал темно-серых, почти черных туч стремительно надвигается на огромный город. Закатное солнце, скрылось за пеленой облаков, и лагерь наступающих войск погрузился в промозглые сумерки.

— Ваша Светлость, умоляю, ударьте всеми силами немедленно. Мы не можем ждать ни минуты, иначе все... Все будет потеряно! — воздел иссушенные старческой худобой руки к небу Верховный иерарх Храма Незримого.

Облаченный в бархатный камзол герцог восседал на искусно выполненном из красного дерева троне, украшенном серебряной и золотой чеканкой. В задумчивости он снял увенчивавшую его массивную золотую корону и, пригладив рукой густую копну иссиня-черных волос, водрузил ее обратно. Во взгляде его пронизательных карих глаз сквозила почти осязаемая тревога. Наконец, вздохнув, герцог поднял взор на облаченную в белоснежную мантию фигуру иерарха:

— Что можешь обещать ты мне, отче?

— Не могу обещать вам хорошего, не могу посулить победу, ничего не могу сказать я, кроме одного — судьба не трона Сиртийского решается ныне, но судьба всего человечества, — распростертой рукой указал на своего спутника храмовник.

— Говори, — отрывисто произнес правитель, внимательно оглядев крепко сбитого монаха.

— Мы преследовали двух порученцев Атмара в Суравских лесах. Чародей, что служит узурпатору, давно уже ходит под надзором Благих людей. По всем землям вокруг Сирта, и дальше, в самой Алефтарии, везде сновали лазутчики этих нечестивцев, — издали начал свой рассказ брат Виллегер.

— Это я знаю, переходи к делу, — нетерпеливо перебил монаха Флориан.

— Не раньше трех месяцев назад восьмеро из свиты были собраны, дело встало лишь за самим Жнецом. И у них удалось... — склонил виновато голову Виллегер.

— Удалось что, болезный? — начал понемногу свирепеть Флориан.

— Идол Проклятого в Старгороде! — вступил в беседу иерарх, — теперь ничто не удержит этого глупца Атмара, кроме вас. Ударьте немедленно, господин, пока Пророчество не осуществилось.

— И мрак окутает землю, и смерть будет властвовать над миром живых, — задумчиво повторил шепотом герцог и уже громко добавил, — правда ли в этом, отче? Стоят ли жизни тысяч добрых воинов твоего слова?

— То не мои слова, Ваша Светлость, но древнее знание, оберегаемое Храмом. Любая жертва не будет напрасна, ибо стоим мы не против людей, но против исконного, чистейшего Зла. И весь мир рухнет в небытие, если мы проиграем эту битву.

В воздухе повисло молчание, прерываемое лишь тяжелым дыханием храмовника.

— Реймир, — повернулся герцог в сторону незаметной фигуры, притаившейся в темном углу шатра, — передай мой приказ командующим — пусть выступают всеми силами немедленно.

Приказ был отдан и отлаженная военная машина Флориана начала свою работу.

Ратники, понукаемые десятниками и старшинами, высыпали наружу из трепещущих под порывами ветра шатров и палаток. Ручейки из ежащихся от внезапно нахлынувшего морозца людей сливались в потоки и целые реки. Боевые порядки выстраивались перед выжженными дотла городскими слободами. Обслуга камнеметов кинулась к своим орудиям, заряжая их заранее запасенными громадными валунами. Пехотные отряды заняли выстроенные из бревен, щедро политых снаружи водой, высоченные осадные башни, ухватились за вязанные из длинных жердей лестницы, набились внутрь широких таранов, крыши которых были внахлест обшиты задубелыми воловьими шкурами. Закованные в доспехи бароны и виконты также заняли места подле своих людей, ожидая главного приказа.

Растворились невесомым облачком пара в холодном воздухе негромкие слова, произнесенные герцогом Флорианом:

— Вперед, на стены.

И тут же взвыли тяжким стоном, обрывающим сердце, сотни труб и рогов, возвещающая о начале атаки. Засвистели каменные снаряды, обрушившиеся на могучие стены столицы, заскрежетали стянутые железными обручами, дубовые колеса, осадных машин. Многотысячная людская масса двинулась вперед, гремя сталью, скрипя дубленой кожей, выкрикивая ругательства и призывая проклятья на головы осажденных.

Битва за Старгород началась.

* * *

Жалобно поскрипывала железными петлями запертая дверь, ходившая ходуном под натиском ветра, со звериным воем проносающегося по замковым подземельям. Утробный гул заглушал все остальные звуки, и только приблизившись вплотную к двум едва заметным во мраке силуэтам, можно было услышать вкрадчивый баритон Малика:

— Мой князь, нет иного пути, дабы пробудить сокрытого в камне Владыку.

— Что ж я, по-твоему, совсем ополоумел, а, колдун? — рванув себя за ворот, словно бы задыхаясь, спросил Атмар.

— Без тени сомнения ты отдал приказ сжечь целый город, негоже теперь колебаться в таком простом деле. Ужель резать плотки тысячам менее противно совести, чем принести всего лишь одну жертву?

Правитель оглядел скрадываемые темнотой очертания изваяний, задержавшись взглядом на самом главном-притаившийся в глубине каменного одеяния скалящийся череп, казалось, заглядывал своими пустыми глазницами в самую глубину души Атмара, отчего тревожно замирало сердце.

— Погубил ты меня, колдун, всего, без остатка, — с невыразимой горечью в голосе, наконец, ответил князь своему спутнику и отрывисто добавил — веди пленника.

Распахнулась дверь и в небольшой зал без единого окна, скупо освещаемый лишь несколькими коптящими факелами, вошел Молчаливый, тянущий за собой клацающего зубами, израненного флорианца. Повинуясь едва заметному жесту Малика, слуга рывком поставил пленника на колени перед изваянием Жнеца.

— Пора, мой князь, — протянул правителю рукоять кинжала с хищно изогнутым, тонким острием Малик.

Непонятное чувство отрешенного спокойствия, вдруг захлестнуло Атмара без остатка,

едва он принял в свои руки смертельное оружие. Его тело словно бы перестало повиноваться ему. Оставаясь безмолвным наблюдателем, князь широко шагнул в сторону статуи и, ухватившись за голову, единым движением перехватил горло несчастного.

— Гаэль эсма, Саар-Хе, — едва слышно произнесли омертвевшие губы правителя.

Оттолкнув обмякшее тело в сторону изваяния, Атмар раскрыл ладонь, выпустив из рук кинжал, жалобно звякнувший от удара о каменный пол.

— Ты обманул меня, — на полуслове прервался правитель, охнув от внезапно пронзившей сердце огненной боли.

— А ты, я смотрю, уже разучился кланяться? — усмехнулся, сверкнув фиолетовой радужкой глаз, Владыка тьмы.

Прямо у его ног, распластались в земном поклоне колдун со слугой, дрожа всем телом. Охваченный ужасом Атмар не смог выдавить из себя ни слова в ответ и лишь расширившимися от страха глазами наблюдал за окутанной клубящимся мраком фигурой Жнеца.

— Зазорно передо мной, так склонись хоть перед ним, — кивнул на соткавшийся прямо из воздуха прогнивший труп в истлевших королевских одеждах.

Внезапно кроваво-красные огоньки вспыхнули в иссохших глазницах, мертвец, издав протяжный нечленораздельный вопль, дернулся в сторону окаменевшего Атмара.

— Бежать, бежать, бежать, — набатом била мысль в голове князя.

Развернувшись, он бросился наутек, зажмурив глаза от брошенной прямо в лицо горсти колючего снега. Кинув мимолетный взгляд через плечо, правитель обнаружил, что старый король скрылся во мгле бушующей метели. Но останавливаться было рано, и Атмар пошагал вперед, тяжело переступая мгновенно задубевшими от неистового мороза ногами, поминутно проваливаясь в наметенные яростной стихией сугробы. Вскоре он потерял всякое понятие времени и направления и обессиленный рухнул прямо на снег, покрывшийся крепкой ледяной коркой.

— Поделом мне, — прошептал он заиндевевшими губами, подогнув ноги под себя, и замер, ожидая скорой смерти.

— Ишь какой, разлегся, и даже не спросил разрешения у хозяина, — раздался насмешливый, громкий голос, — а ну поднимись, да посмотри назад.

Вьюга стихла мгновенно, и Атмар увидел огромную толпу разношерстных мертвецов, полусгнивших и относительно свежих, в проржавевших доспехах и грязных рубахах, больших и малых, молодых и старых. Сотни если не тысячи, злобно горящих красных огоньков, мерцали в отдалении, так ясно видимые сквозь кристально-чистый холодный воздух.

— А что поделать, задолжал ты им, крепко задолжал. Гляди, гляди! Лесорубы из Борового, да вместе с женами, давненько они тебя ожидали, — громовым голосом засмеялся Владыка тьмы, — а вон и старый король, ой как недоволен, что носишь ты чужую корону, ба, и даже недавний твой знакомец здесь, с распоротым горлом.

Жнец обернулся и обратил на князя свой тяжелый взор:

— И будут они терзать тебя тысячи лет, и всякий раз я буду оживлять тебя, снова и снова, дабы держал ты ответ за свои злодеяния. Таков Закон, и даже не моей власти его преступить, если только...

Глубокий бас Жнеца, многократно отражаясь от каменных сводов, огромной тронной залы, бил по ушам ошеломленного Атмара, причиняя почти физическую боль. Скорчившийся на полу, перед исполинами из первозданной темноты, ничтожный и

сломленный, князь перестал бояться смерти, как небытия, и безмолвно взывал о ней, жаждая избавления от мук.

— Если только ты не примешь мою сторону в извечном противостоянии. Пророчество сбывается и остался лишь маленький шаг до моего пришествия в Срединный мир. Мир живущих во плоти. И если я одолею своих проклятых братьев, и получу этот мир под свою руку, то ты будешь жить вечно, будешь владеть многими землями, гораздо большими, чем владеешь сейчас. И не будет для тебя никакой расплаты, за твои деяния. Я спасу тебя, Атмар! Лишь сослужи ты мне службу, каковая уготована тебе судьбой и великим Пророчеством.

— Убивайте их на хрен, если будут мешать и ломайте дверь! — раздался гулкий голос в подземных коридорах замка, — мой князь! Враги на стенах!

Атмар очнулся от охватившего его оцепенения, недоверчиво оглянувшись по сторонам, он устало растер глаза открытой ладонью, и громко ответил:

— Стой, Никифор, все в порядке, я выхожу!

— Выходи, не бойся, дело уже сделано, флорианцы сейчас сильно удивятся, — вкрадчивый шепот проник в голову правителя, заставив вздрогнуть.

* * *

— Тяни! — в просторной башне, залитой кровью сраженных воинов, флорианцы ухватились за рукояти механизма открывающего массивные ворота. Один из выходов перегородили широкими круглыми щитами мечники в крепких доспехах. Второй выход заполнили ратники Эрендаля, подобно смывающему все на своем пути потоку лавы, хлынувшие на захваченную стену из потрепанной и обожженной осадной туры [это Осадная башня (лат. *turres ambulatorie*)].

Вдруг неувимый, быстрый удар, соткавшегося из темноты чудовища разметал мечников, охраняющих проход в укрепление. Брызнули во все стороны разломанными досками их крепкие щиты, а сами воины, пролетев по воздуху через все помещение, со звоном впечатались в стену. Тем временем, демон текучим движением приблизился к схватившимся за топоры ратникам у подъемного механизма, но не успели они сделать и движения, как чудовище, издав ужасный клокочущий звук, кинулось в атаку.

Убийственно быстрые удары когтистых лап, казалось, расплывались в воздухе, и ни крепкое железо кольчуг, ни дубовые доски щитов, ни даже стальная чешуя ламеллярных доспехов не могли остановить бешеного натиска потусторонней твари. С криком и стоном, с противным хлопанием и скрежетом, оставляя свои внутренности на каменных стенах башни, один за другим покидали Срединный мир ратники Эрендаля.

— Ну чего они там тянут, черти их раздери, — высморкавшись на покрытую инеем землю, выругался воин, замерший в ожидании среди нескольких сотен своих боевых товарищей.

Их начищенные шлемы поблескивали в холодной темноте, но сам ратники были надежно укутаны нахлынувшим на них мраком, и лишь непонятно откуда бьющие разряды молний высвечивали картину словно негатив.

— Эй, Оттун, ты у нас самый глазастый, видишь хоть чего-нито в этой темноте? Взяли наши стену, али как? — раздался хриловатый выкрик с другой стороны пехотного строя.

— Та ни видать ничего, слышь же, вопят, стал быть, бьются еще куда, — тут же

послышался ответ.

— А это еще что за хрен? — удивленно протянул обладатель хриплого голоса, провожая взглядом медленно бредущую сторбленную фигуру.

Раздался короткий щелчок спущенной тетивы и свист арбалетного болта, через мгновение выругался раздосадованный промахом воин, а согбенный незнакомец продолжал идти вперед, опираясь на причудливый, украшенный человеческими черепами посох.

— Ааа! Чур меня, чур! — закричал ратник, разглядев освещенное вспышкой молнии багрово-красное лицо товарища, покрытое сочащимися зловонным гноем язвами.

Воин судорожно схватился за древко своего моргенштерна, но еще недавно крепкая рукоять оружия рассыпалась в труху, оставив в онемевших ладонях лишь полусгнившую, размякшую щепу. Внезапный приступ болезненной тошноты скрутил внутренности флорианца, отчего тот упал на колени, разбрызгивая вокруг полупереваренные остатки походного ужина, густо перемешанные с бордово-сизой слизью.

С каждым шагом демона из свиты Жнеца усиливались страдания флорианских солдат, имевших несчастье оказаться в эту ночь на его пути. Наконец, посланник тьмы миновал рассыпавшийся строй ратников, оставив за собой гниющие груды мяса в проржавленных насквозь доспехах.

* * *

— Эхей, чего сидите? Чего не празднуете?! — распахнулся полог шатра верховных вельмож Эрендаля, сгрудившихся за длинным столом, в ожидании вестей от осаждающего войска.

Веселый пузатый толстяк вкатился в помещение во главе процессии проворных слуг, нагруженных подносами с самыми изысканными яствами и питьем.

— Давайте же, поднимем кубки за нашего могучего герцога, а ну!

Настороженные взгляды советников Флориана подернулись дымкой, и они послушно воздели в воздух появившиеся в их руках прямо из ниоткуда кубки, заполненные до краев душистым розовым вином.

— Да здравствует герцог Флориан! — один за другим раздавались здравицы в честь правителя, вино лилось рекой, а вельможи все сильнее и сильнее теряли человеческий облик.

Они яростно вгрызались в печеное мясо, жадно осушали кувшины и меха с пьянящим напитком, подобно свиньям, похрюкивая, без усталости набивали брюхо нескончаемыми яствами. За всей этой вакханалией наблюдал исподлобья, тихонько ухмыляясь, присевший в сторонке спутник Жнеца.

* * *

— Чего они там орут? Ты, монах, сходи, прочитай им проповедь — недовольно бросил герцог, раздосадованный бесшабашными криками своих ближников, почтительно склонившему голову Яруну.

Рыжий брат-рыцарь, коротко кивнув Виллегеру, выбрался наружу из шатра правителя.

Холодный воздух окутал тело, пробравшись сквозь броню и поддоспешник, скрытые грубым монашеским одеянием.

— Иэх, рановато что-то зима пришла, — недовольно закрихтев, пробурчал храмовник.

Скорым шагом преодолев пространство между матерчатыми стенами походных строений, Ярун резко откинул полог и вошел внутрь.

— Что тут происх... — только и смог произнести брат-рыцарь, увидев совершенно потерявших разум эрендальских сановников.

Залитые кровью, с горящими глазами, чавкая и урча, они набрасывались на все что видели перед собой, заталкивая в себя без всякой меры. На большом столе навалены были кусками части тел людей и животных, залитые жидкой грязью и заляпанные конским навозом.

Онемевший Ярун тихонько подался спиной наружу и, едва выбравшись из палатки, помчался в сторону шатра герцога. Спустя несколько мгновений он уже был внутри помещения, своим появлением застав убийственную атаку ночной твари. Пронзительно закричав, чудовище мощным ударом расплосовало охранника Флориана, кольчуга которого расплескалась изорванными звеньями в разные стороны. Быстро сориентировавшись, монах извлек из ножен меч, горящий светом закатного солнца, но его помощь не понадобилась — ведь едва демон сделал всего лишь шаг, как в него ударил яркий красно-оранжевый луч из посоха Иерарха, обратив чудовище в невесомый прах.

— Это что еще за тварь? — не выказывая волнения, произнес побледневший Флориан.

— Поздно, уже слишком поздно, — вместо ответа почти простонал Иерарх, — Ваша светлость, трубите отступление и спасайтесь сами. Мы с воинами Ордена будем сопровождать вас до безопасного места. Смею уверить, что земное оружие бессильно против порождений тьмы.

Поморщившись от громких криков раненого охранника, герцог тяжело вздохнул и с силой провел ладонями по густым волосам, словно пытаясь выгнать из головы дурные мысли. Наконец, бросив мимолетный взгляд на острые обломки ребер торчащие из развернутой ударом груди стража, Флориан отдал приказ:

— Реймир, пусть трубят отступление, потом собирай всех кого можешь и уходите отсюда пока целы. Сбор в полутора днях пути вниз по реке.

— У Птичьего лога? — послышался в ответ негромкий спокойный голос.

— Именно, а теперь, — вопросительно полуобернулся правитель Эрендаля в сторону Иерарха.

— А теперь велите седлать коней, и уходим отсюда. Мы с братом Виллегером отправимся с вами, брат Земульт прикроет достопочтенного графа.

— Тогда к делу, — резко поднялся на ноги Флориан и направился в сторону выхода.

Дрянное, отдающее кислятиной вино, противным холодным комком скользнув вниз по пищеводу, тем не менее, повело себя не хуже своих старших и именитых братьев. Плотный туман опьянения окутывал тяжелые мысли Северина, принося с собой тошноту и забытие.

Утолив голод, компаньоны разбрелись по разным углам своего временного жилища. Эйнар упал на лавку и, укрывшись темно-серым шерстяным плащом, покрытым понизу разводами высохшей грязи, разгонял наступившую тишину своим негромким сопением. Избранник темноты в свою очередь прихлебывал в задумчивости темно-красный напиток забвения из глиняного кувшина. Казалось, что откуда-то издалека слышатся надсадные крики и звон мечей. А может это всего лишь воображение играло с Сигмаром, рисуя ему

наяву картины из тяжелых сновидений.

Но вдруг тяжелый удар сотряс каменное здание до самого основания, выбив из стен и потолка въевшиеся за прошедшие десятки лет сор и пыль, закружившиеся в спертom воздухе маленькой комнатки. Дремлющий Эйнар резко поднялся, откинув в сторону толстую ткань.

— На приступ пошли! Хватай пожитки и деру отсюда! — скороговоркой выпалил он и бросился в сторону тюка с их оружием и припасами.

Опьяневший Сигмар схватил лежавший неподалеку оружейный пояс и, с трудом застегнув его непослушными пальцами, кинулся наружу вслед за товарищем. Вихрем промчавшись по узким коридорам Бычьего Рога и едва не снеся дубовую дверь таверны, компаньоны оказались на улице в окружении разношерстной толпы, сгрудившейся вокруг выщербленного камня округлой формы. По всему видно было, что массивный метательный снаряд пролетев над городскими укреплениями ухнул прямо в изогнутую стену неказистого строения, основательно промяв поросшую мхом кладку, и скатился наземь.

— Я так мыслю, — на мгновение замялся Эйнар, обратившись к своему товарищу, и, глубоко вздохнув, продолжил, — я так мыслю, что последнюю ночь мы с тобой землю топчем, друже.

— Угадал, — осклабился, растянув свои вечно синие губы в противной ухмылке, здоровяк в чешуйчатом доспехе и резким, неуловимо-быстрым движением вогнал узкий, бритвенной остроты клинок между ребер контрабандиста, угодив в самое сердце своего давнего врага.

И без того тусклый свет померк в глазах Сигмара. Оторопев, солдат смотрел, как единственный человек, связывавший его с этим миром и за столь недолгое время прошедший с ним с ним сквозь огонь и воду, безвольно стоял, вперив взгляд своих широко распахнутых в ошеломлении глаз на рукоять кинжала, торчащую из груди.

К обжигающему чувству торжества, захлестывавшему волнами самую душу Петра, внезапно примешалось острое чувство опасности, заставив старого вояку резко оттолкнуть контрабандиста и разворачиваясь обнажить на ходу свой верный меч. Закаленный в битвах ратник, не успев понять еще, что происходит, подставил плашмя широкое лезвие под летящее сверху возмездие. Два клинка столкнулись, но окутанное первозданной темнотой оружие Сигмара ничуть не замедлило свое убийственное движение. Мерцающая чернота прошла закаленную сталь легко, словно мягкое масло. Убийственный удар Северина располосовал здоровяка до самого пояса. Звякнули о вымощенную булыжниками мостовую обломки Петрова меча и скользнувшие по плечам вниз половинки разрубленного пополам шлема. Простояв пару секунд, сраженный воин обрушился на землю, заливая потертый серый камень хлещущей кровью.

Сигмар отбросил в сторону меч и кинулся в сторону сраженного друга. Упав на колени рядом с ним, солдат заглянул в мертвенно-бледное лицо Эйнара, уже переставшего дышать. Его застывший немигающий взгляд словно бы вытянул жизнь и из самого Северина, солдат отполз в сторону, закрыл голову руками, усевшись прямо на мостовую, и недвижно замер там в оцепенении.

* * *

Заскрежетав начищенной до блеска сталью латных полудоспехов, прыгнули на землю с

внушительных битюгов двое дружинников Атмара. На их суровых лицах застыла печать сомнений и растерянности. Переглянувшись с товарищем, один из дружинников подошел к Северину. Споро осмотрев его и не обнаружив ранений, воин хмыкнул и рывком поставил избранника тьмы на ноги.

— Эй, парень, ты у нас Сигмар, прозвищем Северин? — требовательно посмотрел княжий человек в подернутые пеленой отрешенности глаза солдата.

— Да он это, я его сразу заприметил, — хмыкнув, протянул Хьелмир и, пройдя пару шагов, удивленно присвистнул, — а вот и Эйнар, порученец княжий.

Отдающее восковой желтизной лицо, раскинувшееся в неестественно позе безжизненное тело и, наконец, эфес торчащего прямо из груди кинжала не оставляли никаких сомнений в бесславной кончине контрабандиста.

— Так, братец, давай, подмогни через седло перекинуть, — закрихтев и похлопав крупными ладонями друг о друга, призвал Хьелмир на помощь своего соратника.

— А ну как и этот очнется, тогда что? — хрипловатым полусшепотом ответил дружинник.

— Покуда ведь не встал, так с чего ему... Ах ты ж! — княжий человек от неожиданности отшатнулся в сторону, едва не впечатавшись в своего коня, тревожно всхрапывавшего и нетерпеливо бывшего подкованным копытом о мостовую.

Внезапно открывший глаза Эйнар глубоко, с присвистом, вдохнул полной грудью морозный воздух и резко сел. Затем, крепко ухватившись за обтянутую темной замшей рукоять, одним движением выдернул засевшую в теле узкую полоску стали и, не глядя, метнул клинок от себя подальше.

— Аах, черт, что со мной... Как... Почему я... жив? — осипшим голосом сыпал вопросами вернувшийся с того света Эйнар, с тяжелым стоном он поднялся на ноги и подошел к одному из дружинников, — Хьелмир, ты? Откуда и что здесь делаешь?

Глядя на пересохшие, растрескавшиеся губы княжьего порученца, ратник отвязал с пояса деревянную флягу и, откупорив широкую пробку, протянул ее Эйнару.

— Спасибо, — залпом отпив не менее половины содержимого емкости — освежающего настоя трав, отдающего пряными нотками мяты, контрабандист отер губы и передал флягу обратно.

— Мы получили приказ — отыскать вас двоих и безотлагательно доставить на аудиенцию.

— Князь?

Дружинник замялся с ответом, вздохнув, он почесал переносицу и, мельком оглядевшись, показал пальцем на землю под собой, громким шепотом выпалив:

— С ним!

Не найдя, что ответить, контрабандист молча протянул свою широкую, мясистую пятерню к груди.

— Эхма, и ведь ни царапины, — присвистнул он от удивления, поворошив пальцем в покрытой запекшейся кровью узкой прорехе, разверзшейся на его полотняной рубахе прямо напротив сердца.

— Эка, невидаль, — буркнул второй дружинник, — и похуже видом мужики поднимались, вон, Мирко-большой, как рассказывают, весь утыканный стрелами, словно еж, на крепостной стене полег, да еще будто мало ему было, заехал какой то супостат кистенем в морду страдальцу. Так вот, недалеко как на рассвете, приперся к нам. Злой как черт! И

говорит...

— Уймись уже, Острояз, времени мало, — прервал товарища Хьелмир и, обратившись к Эйнару, продолжил, — нам велели, не мешкая, вас доставить во дворец, так что прошу, господин.

Контрабандист перевел взгляд на указанное дружинником место и увидел двух оседланных лошадей, привязанных к задним лукам седел рослых битюгов замковой стражи.

— Что ж, значит в путь, — коротко согласился Эйнар и, подойдя к животным, принялся отвязывать свою лошадку.

Ошеломленный произошедшими событиями Северин, медленно, словно сомнамбула, последовал примеру своего друга. Вскарабкавшись на гнедую, Сигмар вяло толкнул ее в бока пятками, отчего кобыла, недовольно всхрапнув, с гулким цокотом зашагала по вымощенной крупными булыжниками мостовой.

— Видел я как ты отомстил за меня, молодец! Вовек тебе этого не забуду, друже, — негромко, но веско, произнес Эйнар, слегка наклонившись в сторону солдата, и, оглядев горящие нетерпением лица дружинников, добавил, — а теперь, ходу, ходу!

* * *

Низкие серые облака плоским своим основанием нависли над стольным градом, надежно укрыв его от тусклых лучей осеннего светила. Серая хмарь — то ли день, то ли ночь, залила узкие улочки Торгового квартала, стелилась туманом над причалами Речного, окутала мутной пеленой княжеский замок. В холодном недвижимом воздухе повисли безвольно черно-красные знамена правителя.

Во дворе каменной твердыни, возвышавшейся в центре Старгорода, угрюмые слуги приняли лошадей, и компаньоны в сопровождении дружинников отправились скорым шагом к главным воротам замка правителя.

— Хьелмир, гляди-ка вон туда, Мирко-большой стоит, — вытаращив глаза, горячо проговорил княжий человек.

— Ну стоит, и что? — с наигранным безразличием ответил дружинник.

— Как что, пойдем, послушаем чуток, ни от кого не убудет, постоим самую малость, да дальше двинем. Соглашайся, святоша, чаю и не узнает никто, — пихнул в бок товарища Острояз.

— Эх, мы ведь уже в замке, задание исполнили, — вполголоса сам с собой спорил служака, — ладно, считай, уговорил. Но вы с нами!

Эйнар невозмутимо кивнул, и вся компания направилась в сторону стоящего в окружении толпы служивых людей высокого воина в побитом доспехе. Зияющие прорехи, пестрящие во многих местах брони разорванными кольчужными звеньями, давали весьма яркое представление о накале вечернего боя.

— Ты сочти, сочти дырья-то! — тыкая пальцами в изъязвленный бронебойными наконечниками стрел доспех, понукал распаленным голосом кого-то невидимого Мирко, — ишь чего, веры у него нет моему рассказу. Нешто живут после такого?

— Плюнь ты на малахольного! Дальше гутарь, — нетерпеливо призвали воина из толпы. Приосанившийся Мирко, залихватски накрутив ус, продолжил речь:

— И вот уже лежу я, други, прямо на крепостной стене. Ну как лежу, спиной-то на

бойницу оперся. Вокруг темь — ну совсем непроглядная. Да так холодно стало, что и боли уже не чую совсем, только руда как струится за поддоспешником. И вдруг, клянусь Незримым, пропасти мне на этом месте, надо мной засияло ярко солнышко. А по его лучам словно по дороге спускается воин. Доспех блестит, аж глазам горячо, на поясе оголовье меча виднеется в самоцветах. А сам улыбается да на ходу руку протягивает. Зовет, значит. И тут как налетят тучи черные воронов проклятых, грай подняли! Воин тот как взмахнет мечом, лишь ошметки с перьями во все стороны полетели, да где уж там, одолевать его стало темное воинство. А один, стал быть, ко мне подлетел. Сел на грудь, проклятый, да как тюкнет по темечку! Враз я на стене и очнулся. Стрелы как смог повыкорчевывал да сюда ринулся, в замок княжеский. А дале уж вы и сами знаете. Так вот!

— То верно, сам Одрир, за тобой послал, дабы принять в небесную стражу, да только заступничек княжий помешал ему, — негромко молвил едва заметный среди собравшихся воинов сухонький старичок в монашеском одеянии из грубой шерсти.

— Ты брось заливать нам, откель у колдуна столько силы, чтоб с самим Воином тягаться, — неуверенно возразили старцу из толпы.

Но седобородый, ничуть не смутясь резким словом, также негромко ответил:

— Ведомо мне, что дозволялся-таки князь до другого покровителя, такого, что и поминать его честным людям противно будет. Самого Жнеца, пекло его поглотило, принял Атмар на нашей земле.

— Пекло? — раздался насмешливый голос будто бы из-под земли, — ну а может ледяные равнины, жестокие земли вечных мук. Ну а может не меня, а тебя? Куда тебе знать мою судьбу, человеке, когда ты и своей угадать не можешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net